

240.394-1

<36624739550010

<36624739550010

Bayer. Staatsbibliothek

2x

1a

СОЧИНЕНИЯ

Н. И. БДИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1935

20/86/2658

N. Friedrich.

СОЧИНЕНІЯ
Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ I

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА,

Петровка, д. Михалкова, № 5

1884

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5).

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Невозможно быть въ одно и то-же время великимъ поэтомъ и хорошимъ переводчикомъ, но столь-же невозможно быть хорошимъ переводчикомъ, совсѣмъ не будучи поэтомъ. Истинный поэтъ-художникъ сіяетъ, подобно солнцу, своимъ собственнымъ, незаимствованнымъ свѣтомъ, и этотъ свой свѣтъ проливаетъ на весь окружающій міръ. Великій поэтъ видитъ всякій образъ и слышитъ всякій звукъ по своему, и силой творчества заставляетъ и другихъ людей глядѣть на міръ его глазами. Одна и та-же картина природы, одно и то-же событіе исторіи можетъ вдохновить двухъ поэтовъ на совершенно различныя думы и чувства, — и всякій изъ нихъ будетъ выразителемъ правды. Это не значитъ, что поэтъ можетъ искажать дѣйствительность по своему; какъ солнечные лучи не искажаютъ и не измѣняютъ очертаній предметовъ на землѣ, а

только освѣщаютъ ихъ, такъ и художникъ, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ, только окрашиваетъ дѣйствительность въ цвѣтъ своей души, но для этого онъ сперва долженъ глубоко и вѣрно изучить эту дѣйствительность и никогда ни въ чемъ отъ нея не отступать. Художникъ-поэтъ приносить съ собою въ мѣръ новый мѣръ, и поэтому одинъ, среди всѣхъ другихъ представителей человѣческаго духа, имѣетъ право на священное имя творца.

Но эта врожденная, художественная сила, дающая поэту возможность еще разъ творить вселенную и человека по своему образу и подобію, становится для него рѣшительнымъ препятствіемъ, какъ только онъ захочетъ передать намъ творенія другаго поэта, таково же самостоятельнаго художника, какъ онъ самъ. Истинный поэтъ можетъ лишь подражать другимъ поэтамъ, и то лишь такимъ, которые однородны съ нимъ по таланту, можетъ вдохновиться ихъ геніемъ на самостоятельное творчество, но никогда не сумѣетъ онъ точно воспроизводить чужое вдохновеніе. Поэтому, если дѣло касается произведенія обширнаго по объему, созданнаго безсмертнымъ геніемъ, отражающаго въ себѣ цѣлую эпоху человѣческаго развитія, произведенія, гдѣ дорого каждое слово, каждый своеобразный оборотъ рѣчи, какъ печать навсегда минувшей старины, какъ

отголосокъ навсегда умолкнувшей жизни, — тогда никакое подраженіе, даже самое талантливое, не удовлетворитъ насъ такъ, какъ точный переводъ, рабски-вѣрно передающій и смыслъ, и духъ подлинника. Болѣе того, никакія подражанія тогда даже не желательны, и Пушкинъ, передѣлавшій въ эпической формѣ „Мѣру за мѣру“ Шекспира, вполне доказалъ своимъ „Анджелло“, что подобныя произведенія, не будучи ни оригинальными, ни переводными, не имѣютъ никакого серьезнаго художественнаго значенія, кромѣ стилистическаго. А такъ какъ рабски-точно воспроизводить духъ чужихъ вдохновеній истинный поэтъ не можетъ, то вообще самостоятельному, творческому таланту не должно браться ни за передѣлку, ни, еще менѣе за переводъ крупныхъ классическихъ произведеній, подъ опасеніемъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что за такіе переводы могутъ браться писатели, лишенные дарованія, безталантные труженики, или ловкіе версификаторы, набившіе руку въ умѣніи низать риѐмы. Чтобы передать духъ великаго произведенія, нужно сперва проникнуться самому этимъ духомъ, а этого нельзя сдѣлать, не имѣя сердца, отзывчиваго на все великое, не питавши съ дѣтскихъ дней гордыхъ надеждъ на са-

мостоятельное творчество, не благоговѣя искренно передъ творчествомъ чужимъ.

Истинныхъ творцовъ-поэтовъ во всякой литературѣ весьма немного. Это — люди со всеобъемлющимъ умомъ и глубокой душой. Отличительное ихъ свойство состоитъ въ томъ, что, нося на своемъ геніи рѣзкую печать эпохи и окружающаго міра, они, въ свою очередь, еще рѣзче кладутъ на эту эпоху и среду печать своего генія. Но такихъ поэтовъ мало. За то во всякой литературѣ много стихотворцевъ, одаренныхъ чувствомъ красоты и любовью къ изящному. Ихъ общее отличіе — крайняя впечатлительность нервовъ. Ихъ творчество возбуждается не внутренней потребностью, а внѣшнимъ раздраженіемъ. Съ юныхъ лѣтъ они предаются высокимъ мечтамъ и неяснымъ порывамъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ или изъ духа подражательности они могутъ воспѣвать и бури свободы, и прелести мирнаго существованія, и гордую пытливость духа, и небесную сладость вѣры. Чувствуя всегда порывы къ идеалу, они недовольны жизнью и настроены на элегичный ладъ. Но, съ другой стороны, не находя удовлетворенія въ глубокой, примиряющей скорби, доступной лишь натурамъ высшимъ, они отъ недовольства жизнью переходятъ къ ея восхваленію, запасаются терпѣніемъ и становятся

мудры. Ихъ чувства не отличаются силой и простотою искренности, и всегда или немного ходульны, или немного слащавы. Степень ихъ таланта бываетъ весьма различна. Глубокихъ слѣдовъ въ литературѣ они послѣ себя оставлять не могутъ и часто погибаютъ, рано перегорая въ огнѣ своего темперамента и страстей. Но если такія натуры, по счастливому стеченію обстоятельствъ, одарены не только впечатлительностью, но еще и трудолюбіемъ и устойчивостью характера, если рано передъ ними открываются богатства всемірной поэзіи, — они, большею частію, въ набожномъ восторгѣ обвиваются своими блуждающими вѣтвями вокругъ какого-нибудь неподвижнаго колосса искусства, и тогда изъ нихъ выходятъ знаменитые и, порою, бессмертные поэты-переводчики.

Такими поэтами-переводчиками въ особенности богата литература нѣмецкая, и знаменитѣйшіе изъ нихъ — Фоссъ, переводчикъ Гомера, и Авг. Вильг. Шлегель, переводчикъ Шекспира, благодаря которымъ нѣмцы считаютъ себя вправе смотрѣть на Гомера и Шекспира почти какъ на національныхъ поэтовъ. Какъ оригинальные писатели, Фоссъ — со своими идилліями, а Шлегель — со своими сонетами и эпиграммами, занимаютъ въ нѣмецкой литературѣ мѣсто не выдающееся, — и въ этомъ, какъ мы уже говорили,

таится причина ихъ успѣха, какъ переводчиковъ. Англійскій переводчикъ «Иліады», Попъ, обладавшій большимъ оригинальнымъ талантомъ, извѣстный авторъ «Письма Элоизы къ Абеляру», «Essay on man» и др., благодаря именно своему таланту, весьма неудовлетворительно передалъ поэму Гомера, сдѣлавъ въ ней произвольныя поправки и искаженія, вслѣдствіе чего переводъ сохранилъ лишь стилистическое значеніе.

Въ нашей литературѣ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ - переводчиковъ, не уступающихъ по значенію Фоссу и Шлегелю, долженъ почитаться Н. И. Гнѣдичъ, переложившій на русскій языкъ «Иліаду» Гомера стихами и размѣромъ подлинника. Мы не хотимъ сказать, что онъ ничего не стоитъ, какъ оригинальный писатель. Но будучи бессмертнымъ переводчикомъ «Иліады», онъ, какъ писатель оригинальный, занималъ лишь второстепенное мѣсто среди современныхъ ему поэтовъ.

I.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, потомокъ стариннаго дворянскаго рода, родился 2-го февраля 1784 года въ Полтавѣ — родинѣ многихъ знаменитыхъ писателей, какъ-то: Котляревскаго, Гребенки, Богдановича, Капни-

ста, Гоголя и др. О дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Гнѣдича мы знаемъ чрезвычайно мало. Родители его рано умерли, оставивъ ему и его сестрѣ небольшое имѣніе. Самъ Гнѣдичъ вспоминалъ о молодыхъ годахъ съ чувствомъ грусти:

Оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой — судьбою...

Такъ обращался онъ въ послѣдствіи къ памяти своей матери. Отсутствіе въ нѣжномъ возрастѣ материнскихъ ласкъ оставило на его впечатлительномъ характерѣ неизгладимую печать какой-то ходульности и замкнутости, несмотря на врожденную доброту и любовь къ людямъ. Этому способствовало еще и то, что Гнѣдича въ раннихъ годахъ посѣтила оспа и не только страшно изуродовала его лицо, которому, говорятъ, суждена была красота, но и лишила праваго глаза. Свирѣпая болѣзнь оставила на его темно-блѣдноватомъ лицѣ глубокія рябины, рубцы и швы. Извѣстно, что ничто такъ не озлобляетъ человѣка, какъ сознаніе своего безобразія. Но Гнѣдичъ до конца жизни сохранилъ вѣрное и любящее сердце. Его спасла рано пробудившаяся любовь къ труду, наполнившая содержаніемъ его отзывчивую душу и не давшая ей очерствѣть въ эгоистической печали.

Первое свое воспитаніе Гнѣдичъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ его товарищемъ былъ Котляревскій. Потомъ онъ перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. Но объ этомъ времени его развитія мы мало знаемъ. Вѣроятно, у Гнѣдича стала рано обнаруживаться любовь къ поэзіи, наполнившая бѣднаго и некрасиваго юношу гордымъ сознаніемъ своего превосходства и нѣкоторымъ высокомеріемъ, никогда потомъ его не покидавшимъ. Шестнадцати лѣтъ, поступилъ онъ въ Московскій университетъ, гдѣ пробылъ три года. Лекціи профессоровъ, собственныя усиленныя занятія, близкое знакомство съ литературой и литераторами того времени быстро развили его даровитую натуру, и когда, три года спустя, онъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ для отысканія мѣста, имъ были уже изданы въ свѣтъ двѣ переводныхъ трагедіи, одинъ оригинальный романъ, а въ головѣ складывались грандіозные и заманчивые планы. Но для того, чтобы понять происхожденіе первыхъ литературныхъ замысловъ Гнѣдича и вѣрно оцѣнить ихъ достоинство, намъ необходимо сказать хотя нѣсколько словъ о той эпохѣ и зародившемся тогда новомъ движеніи въ нашей литературѣ.

II.

Всякая эпоха въ исторіи можетъ быть, по справедливости, названа переходною, но, тѣмъ не менѣе, есть эпохи, переходныя по преимуществу, когда молодой организмъ народа быстро развивается, когда происходитъ коренная ломка убѣжденій и идеаловъ, когда вчерашніе боги сегодня кажутся смѣшными уродцами. Въ исторіи нашей литературы эта переходная эпоха совпадаетъ съ концомъ прошлаго и началомъ нынѣшняго столѣтія. Всякій изъ насъ, конечно, слыхалъ о господствѣ въ нашей литературѣ псевдо-классическаго направленія, но намъ теперь трудно, почти невозможно представить себѣ, до чего въ то время доходило это господство. Чѣмъ читатель былъ просвѣщеннѣе и болѣе знакомъ съ европейскими литературами, тѣмъ упорнѣе защищалъ онъ псевдо-классическій катехизисъ. Не помогали ни природныя дарованія, даже такіа блестящія, какія были у Ломоносова и Державина, ни ученость и знакомство съ настоящей классической литературой, какими обладали Сахацкій и Мерзляковъ. Не то чтобы никто не сознавалъ у насъ ненормальности преклоненія передъ французскими образцами. Уже Сумароковъ осмѣивалъ высокопарныя оды и требовалъ отъ

поэтовъ естественности и простоты. Сатирическіе журналы 1769 — 1774 г. неумоимо и остроумно преслѣдовали наше обезьяничанье передъ французами и впервые ввели въ литературу элементъ обыденной мѣщанской жизни. Фонъ-Визинъ одинъ изъ первыхъ высказалъ у насъ мнѣніе, что западъ гніетъ. Но и Сумароковъ, и Фонъ-Визинъ въ своихъ сочиненіяхъ оставались рабски-вѣрными правиламъ, завѣщаннымъ Батте и Лагарпомъ. На всеобщее подражаніе французамъ писались сатиры, составленныя по рецепту Буало, и наши галломаны осмѣивались въ комедіяхъ, представлявшихъ сколки съ комедій Мольера. Разгадка этой тайны заключается въ томъ, что французскій псевдо-классицизмъ изображалъ изъ себя законченную, со всѣхъ сторонъ замкнутую, на точныхъ и строгихъ правилахъ основанную систему, а всякая строгая система, на какихъ-бы ложныхъ началахъ она ни была построена, скорѣе и сильнѣе покоряетъ себѣ людскіе умы, чѣмъ неопредѣленная, лишенная рѣзкихъ очертаній, истина. Французскіе эстетики для всѣхъ родовъ поэзіи создали искусственныя трудности, ожидая отъ поэта лишь преодоленія этихъ трудностей. Французскіе классики оставили во всѣхъ этихъ родахъ прекрасные образцы. Отъ молодаго поэта требовались только трудолюбіе и смѣтливость. Лавры генія доставались дешево. Херас-

кова называли искренно русскимъ Гомеромъ, Княжнина — русскимъ Расиномъ. Были русскіе Пиндары, русскіе Гораціи, русскіе Буало. Не было только русской литературы и истинныхъ дарованій.

Но въ описываемую эпоху, на рубежѣ прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, господствующему псевдо-классическому направленію были нанесены одинъ за другимъ тяжелые удары. Изъ одной крайности литература бросилась въ другую. Отъ классическихъ героевъ и полубоговъ, рѣшавшихъ судьбу міра, наши писатели обратились къ идеальнымъ барышнямъ, мечтавшимъ при лунномъ свѣтѣ о симпатіи душъ.

Сначала громкія у насъ гремѣли оды,
Потомъ мы — ахали...

Вѣрнѣе сказать: и оды гремѣли, и ахали мы въ одно и то-же время. Смѣшеніе стараго и новаго — отличительная черта всякой переходной эпохи. Наряду съ ироическими трагедіями Сумарокова, Княжнина и Николева стали усиленно даваться на сценѣ перенесенныя къ намъ изъ Германіи и Франціи слезныя трагедіи и мѣщанскія драмы Седена, Мерсье и Лессинга. Даже самъ Херасковъ написалъ двѣ слезныя драмы. «Мольеровъ и Расиновъ вкусъ» сталъ сильно подрываться съ появленіемъ переводовъ пьесъ Шиллера и Шекспира. Въ лирикѣ также замѣчается поворотъ къ новому.

Одамъ-реляціямъ и одамъ-поученіямъ нанесенъ смертельный ударъ въ «Чужомъ толкѣ» И. Дмитріева. Перелагаются на мотивы и всѣми распѣваются чувствительныя пѣсни Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Карамзина и, въ особенности, Мерзлякова, того самого Мерзлякова, который съ кафедры и въ публичныхъ лекціяхъ являлся ярымъ защитникомъ лже-классическихъ теорій, самъ-же подкапываясь подъ нихъ, какъ поэтъ. То-же новое вліяніе замѣчается и въ прозѣ. Не говоря о «Бѣдной Лизѣ» и многочисленныхъ ей подражаніяхъ, подъ столь-же чувствительными заглавіями, въ родѣ «Бѣдной Маши», «Обольщенной Генріетты», «Несчастной Маргариты», «Прекрасной Татьяны» и др., наша литература въ то время наводнилась переводами чувствительныхъ и страшныхъ романовъ Мармонтеля, Коцебу, г-жи Жанлисъ и сатанински-мрачныхъ произведеній г-жи Радклифъ. Утомленные сухостью и напыщенностью псевдо-классическихъ романовъ, публика страстно накидывалась на все, что говорило воображенію и чувству, что трогало сердце и вызывало слезы. Фактъ, достойный замѣчанія, что Карамзинъ вдохнулъ въ нашу литературу новую жизнь, благодаря не художественному таланту, котораго у него не было, а своему доброму сердцу. Достоинство вниманія и то, что эти литературныя новшества и въ

книгахъ и, въ особенности, на сценѣ гораздо рѣзче проявились въ благодушной Москвѣ, чѣмъ въ холодномъ и чопорномъ Петербургѣ. Еще Сумароковъ замѣтилъ о мѣщанскихъ драмахъ, что онѣ «вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ.» Но, повторяемъ, вмѣстѣ съ новымъ направленіемъ мирно уживалось и старое. Мы уже упомянули о Мерзляковѣ. И Дмитріевъ, такъ зло осмѣявши въ «Чужомъ толкѣ» нашу одоманію, самъ писалъ высокопарныя оды, въ родѣ «Ермака» и «Освобожденія Москвы». То же самое слѣдуетъ сказать и о стилѣ. Творцы нашего новаго прозаическаго и стихотворнаго языка, Карамзинъ и Дмитріевъ, позволяли себѣ иногда въ своихъ сочиненіяхъ и славянскія рѣченія, и цѣлыя обороты, которыми бы не побрезгали и тогдашніе заклятые поборники старины, «голѣмые претолковники», какъ ихъ называлъ Карамзинъ. Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы хоть сколько-нибудь ясно представить себѣ ту запутанную, разнорѣчивую, двойственную эпоху.

Вотъ въ какое время молодой Гнѣдичъ выступилъ на поприще литературы. Съ одной стороны Херасковъ, лекціи Сахацкаго и Мерзлякова, съ другой — Карамзинъ и его подражатели, съ одной стороны — мертвый холодъ, съ другой — болѣзненная сантиментальность. Но Гнѣдичъ не былъ ни безчувственъ, ни томно-

чувствителенъ, и потому онъ не присталъ ни къ одному изъ этихъ двухъ теченій. Въ молодомъ хохлѣ уже тогда обнаружились всѣ задатки его будущаго характера и дарованія. Добрый и умный, онъ отличался нѣкоторой неестественностью въ обращеніи. Товарищи прозвали его *l'étudiant aux échasses* или просто ходульникомъ, потому что онъ любилъ о всякомъ предметѣ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то важность. Но это было слѣдствіемъ того, что юноша жилъ усиленной умственной жизнью и во всемъ видѣлъ или хотѣлъ видѣть больше, нежели видѣли его товарищи. Онъ увлекался всѣмъ выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и, въ то время, когда всѣ насмѣхались надъ «Телемахидой», прочиталъ ее три раза отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней безподобные стихи, — одинъ изъ тѣхъ критическихъ промаховъ, въ которыхъ онъ попадался и впослѣдствіи. Дѣятельность его была для юноши изумительная. Въ три года, проведенные въ университетѣ, онъ успѣлъ основательно познакомиться съ латинской и, въ особенности, съ греческой литературой, усиленно занимался исторіей подъ руководствомъ Х. Чеботарева, котораго сдѣлался любимцемъ; изучалъ литературу французскую и нѣмецкую, въ особенности пристрастился къ сочиненіямъ Шекспира, котораго читалъ

во французскомъ переводѣ, и Шиллера, и, обладая звучнымъ голосомъ, часто декламировалъ передъ товарищами отрывки изъ трагедій и игралъ на сценѣ университетскаго театра. Товарищи весьма его любили, не смотря на то, что во всемъ его существѣ было нѣчто странное, почти смѣшное, что онъ и сохранилъ до самаго гроба.

Началъ Гнѣдичъ свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Сперва онъ перевелъ трагедію Дюсиса «Абюфаръ» (1802), вѣроятно, по указанію Мерзлякова, но отъ псевдо-классицизма скоро обратился къ романтизму, болѣе соотвѣтствовавшему бурнымъ мечтамъ честолюбиваго юноши. Въ сотрудничествѣ съ нѣкимъ А. перевелъ онъ драму Шиллера «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» и вскорѣ затѣмъ издалъ въ свѣтъ оригинальный романъ, подъ своеобразнымъ заглавіемъ «Донъ Коррадо де-Геррера» или «духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ» (1803). Написанный подъ вліяніемъ романовъ нѣмецкихъ и французскихъ, и, въ особенности, романа Мармонтеля «Инки или разрушеніе Перуанской имперіи», съ героемъ котораго, суевѣра Делюка и кровожаднаго Лизарро, списанъ донъ-Коррадо, — романъ этотъ, должно сознаться, не имѣетъ никакихъ художественныхъ достоинствъ и только свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи духа и нѣсколько смѣшной само-

надѣянности молодого автора. Свое предисловіе къ роману Гнѣдичъ заключаетъ слѣдующими, не слишкомъ скромными словами: «Ободрись, молодой авторъ! и если факиры будутъ шипѣть позади тебя — презри ихъ. Первое перо Вольтера, Шекспира и Шиллера, конечно, было не безъ слабостей, такъ почему-жъ не простить ихъ молодому русскому автору — Николаю Гнѣдичу?» Макаровъ, въ «Московскомъ Меркуріѣ», жестоко разбранилъ этотъ незрѣлый плодъ юношеской фантазіи. Кто-то сочинилъ эпиграмму на романъ. Считаеиъ здѣсь же нужнымъ оговорить, что объективное изображеніе жизни Гнѣдичу никогда не удавалось, и эпикъ онъ былъ совсѣмъ плохой. Лирикъ же онъ былъ обыкновенно холодный и становился искрененъ и силенъ лишь тогда, когда его душа была поражена глубокимъ горемъ, но за то въ эти рѣдкія минуты поднимался довольно высоко въ своемъ поэтическомъ полетѣ.

Романъ «Донъ-Коррадо», исполненный чудовищныхъ злодѣйствъ и приключеній, не удовлетворилъ бурнаго юноши, въ сущности, весьма тихаго и миролюбиваго, и онъ задумалъ какую-то неслыханную драму въ 15-ти дѣйствіяхъ, и на издѣвки товарищей отвѣчалъ ссылками на Валленштейна, Шиллера, короля Генриха, Шекспира и на какую-то старинную итальянскую трагедію, которая то-же была написана въ 15-ти дѣй-

ствіяхъ и 3-хъ частяхъ и представлялась на сценѣ три дня сряду. Мы видимъ честолюбиваго и энергичнаго юношу, ищущаго оцупью себѣ какое-нибудь колоссальное дѣло, на которое въ послѣдствіи онъ и набрелъ.

Но идеи о 15-ти-актной трагедіи Гнѣдичъ не привелъ въ исполненіе за отъѣздомъ въ Петербургъ, въ концѣ 1803 года.

III.

Въ Петербургѣ Гнѣдичъ опредѣлился на службу въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, продолжалъ усиленно свою поэтическую дѣятельность, переводную и оригинальную, принятый въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ. Его денежныя дѣла были въ это время не особенно блестящи и только благодаря помощи двухъ своихъ земляковъ, Я—ва и Р—ва, ему удалось въ 1805 г. поѣхать на нѣсколько времени въ родную Украину, дорогую для него по воспоминаніямъ дѣтства. Время 1804—1806 г. слѣдуетъ считать чуть-ли не самымъ плодотворнымъ въ дѣятельности Гнѣдича, какъ самостоятельнаго поэта. Въ послѣдующіе затѣмъ годы онъ всецѣло посвятилъ себя переводамъ, а его оригинальная лира издавала

звуки фальшивые и слабыя, и только около 1819 г. лирическій талантъ Гнѣдича снова разцвѣлъ на короткое время. Объяснить эти, на первый взглядъ, странные капризы музы Гнѣдича, по нашему мнѣнію, не трудно. Истинный поэтъ-художникъ всегда остается вѣренъ самому себѣ; какъ могучая сосна растетъ и на тучномъ черноземѣ, и на голомъ утесѣ, истинный поэтъ во всякой обстановкѣ находитъ пищу для своего творчества. Но поэты второстепенные, какимъ былъ Гнѣдичъ, должны быть поставлены въ обстоятельства особенно благопріятныя, для того чтобы ихъ талантъ достигъ доступнаго для нихъ развитія. Такіе поэты рабы обстоятельствъ; вдохновеніе пробуждается въ нихъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а внѣшняго давленія. Ключа къ ихъ поэтической дѣятельности слѣдуетъ искать въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, въ ихъ положеніи въ свѣтѣ, а не наоборотъ. Это — тяжелые инструменты, въ которыхъ спящіе звуки пробуждаются лишь тогда, когда судьба сердито дуетъ въ нихъ изо всей мочи, а не Эоловы арфы, звучація отъ легкаго прикосновенія зефира.

Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился искрененъ и поэтиченъ въ своихъ пѣсняхъ только подъ вліяніемъ личнаго горя, и то сильнаго. Годы 1804 — 1806 были въ его жизни самые тяжелые. Безъ средствъ

къ жизни, затерянный въ большой столицѣ, безъ друзей и покровителей, свидѣтель чужаго блеска и счастья, самолюбивый и гордый юноша долженъ былъ много передумать и выстрадать. Въ «Гласѣ благодарности», посвященномъ упомянутымъ выше Я—ву и Р—ву, Гнѣдичъ жалуется на то, что долженъ проводить свои молодые годы —

Здѣсь — далеко — на чужинѣ —
 Отъ родныхъ, друзей моихъ.
 Бѣдняку — и сиротинѣ
 Не найти во вѣки ихъ!
 Люди есть и здѣсь, конечно,
 Кто Лукулловъ всѣхъ сочтетъ?
 Но бѣднякъ межъ ними вѣчно
 Человѣка не найдетъ.

Непритворна его радость, при мысли о томъ, что онъ увидитъ скоро родину.

На то мѣсто, гдѣ родился,
 Въ этомъ годѣ ты взглянешь;
 На томъ холмѣ, гдѣ рѣзвился,
 Въ этомъ годѣ отдохнешь
 Узришь, узришь свою хату...

Подъ вліяніемъ своего горя, Гнѣдичъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, проникнутыхъ страстью и желчью. Лучшее изъ нихъ, обратившее на двадцатилѣтняго поэта всеобщее вниманіе и въ свое время весьма извѣстное, называется «Перуанецъ къ Испанцу», и, вѣроятно, навѣяно вышеупомянутымъ

романомъ Мармонтеля. Перуанецъ обращается къ своему притѣснителю съ слѣдующими воплями злобы и мести, по страстному тону которыхъ вы чувствуете, что это — не холодная реторика, что устами перуанца говорила личная злоба и личная печаль поэта:

Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моею?
 Законъ? Какой законъ? Одной рукой природы
 Ты сотворенъ, и я, и всей земли народы.
 Но ты сильнѣй меня? А я — за то-ль, что слабъ,
 За то-ль, что черенъ я — и долженъ быть твой рабъ?
 Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
 Невинность поправа, злодѣйство увѣнчано;
 Гдѣ слабость есть порокъ, а сила — всѣ права!
 Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
 Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ
 И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!

Въ этихъ стихахъ слышится отголосокъ страстныхъ монологовъ Карла Моора, но въ нашей литературѣ подобный тонъ былъ новостью. Только при крайнемъ либеральномъ настроеніи тогдашняго правительства могло безпрепятственно появиться въ печати и распространиться такое стихотвореніе, при чтеніи котораго, можетъ быть, не лишнимъ вспомнить слѣдующія слова Вигеля о Капнистѣ и Гнѣдичѣ: «оба они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единоезваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацаповъ».

Той же страстностью тона отличается и другое стихотвореніе Гнѣдича «Общежитіе», гдѣ онъ проповѣдуетъ гражданскую добродѣтель и величіе свободы, и, обращаясь къ людямъ мелкимъ и самолюбивымъ, погрязшимъ въ заботахъ лишь о себѣ и о своихъ, восклицаетъ:

Ты спишь — злодѣй ужъ цѣпъ цвѣтами всю увивъ,
 На гражданъ наложилъ — отечество терзаетъ,
 Сыны отечества цѣпей не возлюбивъ,
 Расторгнуть ихъ хотятъ — вопль слухъ мой поражаетъ!
 Какой ужасный стонъ!

А къ индифферентнымъ мудрецамъ, презирающимъ толпу и изъ презрѣнія не хотящимъ служить ей, говоря, что лучше скитаться со звѣрьми въ лѣсу, нежели заботиться о неблагодарныхъ людяхъ, поэтъ обращается съ такими укорами:

Когда законъ ногами попираютъ,
 Болванамъ золотымъ курятъ всѣ оиміамъ,
 Достойныхъ же вѣнцовъ — всѣхъ пылью засыпаютъ,
 Ты долженъ-ли тогда скитаться по лѣсамъ?
 О, нѣтъ! Но о добрѣ всеобщемъ лишь радѣя,
 Всѣмъ другомъ истиннымъ себя ты окажи,
 Гнетущу руку ты останови злодѣя,
 И что гнетомый правъ — ты свѣту покажи,
 Неблагодарныхъ обяжи!

Приведенные отрывки показываютъ, что Гнѣдичъ былъ правъ, когда говорилъ впоследствии, что въ его груди билось:

Не общее сердце, что съ юности нѣжной оно трепетало
 При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
 Дрожало при имени славы иль гордой свободы!

Къ лучшимъ стихотвореніямъ Гнѣдича принадлежатъ тогда же написанныя, въ подражаніе пѣснямъ Оссіана, «Красоты Оссіана», «Послѣдняя пѣснь Оссіана», и, въ особенности, стихи «На гробѣ матери», сочиненные имъ послѣ поѣздки въ Полтаву. Въ нихъ господствуетъ тихая грусть, искренняя и выраженная простыми, поэтическими словами. Послѣдняя строфа могла бы быть написана лучшими изъ нашихъ поэтовъ. Гнѣдичъ, не помнившій своей матери, умершей, когда онъ былъ еще въ колыбели, обращается къ ней съ трогательной мольбой явиться его очамъ:

Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
 Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
 Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
 Я могъ и тамъ тебя узнать!

Этимъ стихотвореніемъ завершается первый періодъ дѣятельности Гнѣдича. Оригинальные его стихи, писанные въ теченіе 1806 — 1819, отличаются, какъ мы сказали, дѣланностью и слабостью. Причина та, что послѣ 1806 г. положеніе Гнѣдича становится несравненно лучше, чѣмъ было прежде. Его стихи, равно какъ и прозаическая статья о синонимахъ, пріобрѣли ему благосклонность сильныхъ меценатовъ и открыли

передъ нимъ дома гр. А. С. Строгонова и А. С. Оленина. Сверхъ того, Гнѣдичъ пользовался еще славой, какъ прекрасный чтецъ, что весьма много значило въ то время, когда ни одинъ почти вечеръ не обходился безъ чтенія стиховъ, и хорошей декламаціей можно было попасть въ избраннѣйшіе литературные кружки. Особенно Гнѣдичъ полюбился Оленину своей образованностью и знакомствомъ съ классической литературой. Но одновременно съ улучшеніемъ обстоятельствъ Гнѣдича, его оригинальный поэтический талантъ замѣтно ослабѣлъ, быть можетъ, къ его счастью, потому что онъ не былъ рожденъ великимъ поэтомъ. Въ это время въ его головѣ впервые зародилась мысль о громадномъ трудѣ, которому онъ посвятилъ двадцать лѣтъ жизни, и который доставилъ ему неумирающую славу. Мы говоримъ о переводѣ «Иліады».

IV.

Изъ всѣхъ видовъ литературы ничто у насъ такъ не процвѣтало въ XVIII и началѣ XIX вѣка, какъ переводы, и это настолько естественно, что не требуетъ никакихъ поясненій. Помимо французскихъ авторовъ, которымъ у насъ особенно посчастливилось, переводились также въ большомъ количествѣ и классики. Къ

концу прошлаго столѣтія у насъ были переведены, изъ классиковъ, вполнѣ или частію, Демосѣенъ, Овидій, Тацитъ, Саллюстій, Цицеронъ, Теренцій, Плиній Младшій, Ксенофонтъ и др. Но переводы эти были неудовлетворительны. Классицизмъ являлся у насъ въ костюмѣ псевдо-классицизма, въ переводахъ напыщенныхъ, уснащенныхъ славянскими словами и ходульными фразами, совершенно замѣнявшими простоту мыслей и ясность изложенія оригиналовъ, почему эти два направленія, діаметрально одно другому противоположныя, мирно уживались между собою. Лучшими переводчиками того времени слѣдуетъ считать Мерзлякова, представившаго образцы во всѣхъ родахъ классической литературы, Кострова, стихотворнаго переводчика «Иліады», Мартынова, отличавшагося, впрочемъ, болѣе трудолюбіемъ, нежели талантомъ, да еще переводчика Аристофана И. М. Муравьева-Апостола, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Вмѣстѣ съ Карамзинымъ, Муравьевъ-Апостолъ одинъ изъ первыхъ разоблачилъ у насъ всю фальшь и шаткость принциповъ французскаго псевдо-классицизма. Но въ то время, когда Карамзинъ, противопоставляя Корнелю, Расину и Вольтеру — Шекспира и Шиллера, сдѣлался прародителемъ русскаго романтизма, Муравьевъ-Апостолъ первый провозгласилъ у насъ, что единственное наше

спасеніе — въ классицизмѣ, въ изученіи греческихъ и латинскихъ образцовъ. Онъ даже отрицалъ значеніе новаго слога, введеннаго школой Карамзина и И. Дмитріева и доказывалъ, что нашъ книжный языкъ образуется не раньше, чѣмъ будетъ введено у насъ классическое воспитаніе и русскій языкъ сдѣлается разговорнымъ языкомъ въ обществѣ. Мысли эти, любопытныя сами по себѣ, для насъ интересны еще потому, что въ послѣдствіи ихъ высказалъ и Гнѣдичъ, въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности».

Среди всѣхъ поэтовъ древности у насъ въ особенности посчастливилось отцу поэзіи, Гомеру, а изъ его твореній — «Иліадѣ». Не говоря объ отрывкахъ изъ нея, она вся была переведена прозой два раза, впервые Якимовымъ, въ 1776 г., а потомъ — Мартыновымъ — въ началѣ нашего столѣтія. Кромѣ того, въ 1787 г. были напечатаны первыя шесть пѣсенъ «Иліады» въ стихотворномъ переложеніи Кострова, — и этотъ переводъ долгое время считался у насъ образцовымъ. Переводъ сдѣланъ александрійскими стихами, т. е. шестистопнымъ ямбомъ, съ послѣдовательными римами, — размѣромъ, заимствованнымъ у французскихъ псевдоклассиковъ и въ свое время считавшимся необходимымъ условіемъ эпоса и трагедіи. Этимъ же размѣ-

ромъ сталъ переводить «Иліаду» и Гнѣдичъ, рѣшившись продолжать и окончить трудъ Кострова, почему и началъ свой переводъ съ 7-й пѣсни.

Гомеръ давно былъ завѣтнымъ и любимымъ поэтомъ Гнѣдича. Еще въ университетѣ онъ тщательно изучалъ его, а въ 1807 г., въ посланіи къ Батюшкову, называетъ Гомера — «своимъ пѣвцомъ». Это доказываетъ, что къ тому времени мысль о переводѣ «Иліады» окончательно созрѣла въ его головѣ. Въ 1809 г. онъ издалъ въ свѣтъ 7-ю пѣснь «Иліады», написанную, какъ мы уже сказали, александрійскими стихами. Литературные старовѣры подняли крикъ о дерзости молодого автора, рѣшающагося продолжать дѣло «благоискусснаго въ красотахъ отечественной словесности» Кострова. Но Гнѣдичу помогло слѣдующее обстоятельство. Въ 1811 г. случайно было отыскано продолженіе перевода Кострова, именно 7-я, 8-я и часть 9-й пѣсни, которыя и были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы». По сравненіи этого перевода съ переводомъ Гнѣдича, преимущество несомнѣнно оказывалось на сторонѣ послѣдняго. Приводимъ, для сравненія, одинъ отрывокъ.

Переводъ Кострова. Зевсъ обращается къ богамъ и богинямъ со слѣдующею рѣчью:

Златую цѣпь съ высотъ вы долу низпустите,
И оной купно всѣ съ небесъ меня влеките:

Вы узрите, какъ вашъ ничтоженъ будетъ трудъ,
 Всѣ силы въ долъ земный меня не совлекутъ.
 Хощу-ли засѣ поднять отъ дола цѣпью сею,
 Могу возвыситъ васъ и съ моремъ, и съ землею;
 Скрѣплю-ли цѣпь сію Олимпа къ высотамъ,
 Вся будетъ тварь висѣть подъята къ небесамъ.

А вотъ та-же въ переводѣ Гнѣдича:

Знатью цѣпь спущу съ небесной я твердыни;
 Низвѣстеса по ней всѣ боги и богини;
 Не совлечете вы всей силою трудовъ
 На землю отъ небесъ властителя боговъ. —
 Когда жъ благословлю я мощь явить предъ вами,
 Восторгну землю я съ великими морями,
 А цѣпь вокругъ вершинъ Олимпа обложу,
 И все на высотахъ превыспренныхъ сдержу.

Переводъ Гнѣдича несомнѣнно лучше, но, какъ видно, самъ по себѣ далеко неудовлетворителенъ. Главный его недостатокъ, это — несчастный александрійскій размѣръ, убивающій мысль и образъ и на все изображаемое налагающій неизгладимую печать декламаторскаго бездушія. Если-бъ Гнѣдичъ этимъ размѣромъ кончилъ всю «Иліаду», то его имя, безъ сомнѣнія, было-бы давно забыто, какъ забыты имена Мартынова и Кострова. Но, къ счастью для Гнѣдича, въ 1813 г., когда онъ уже дописывалъ 11-ую пѣснь, знаменитый С. С. Уваровъ обратился къ нему съ письмомъ, имѣвшимъ рѣшающее вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность.

Письмо это касалось вопроса о греческомъ гекзаметрѣ и доказывало вѣрную мысль, что духъ всякаго поэтическаго произведенія неразрывно связанъ съ его формой, какъ душа съ тѣломъ, такъ что съ искаженіемъ формы выдыхается и самый духъ оригинала. «Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи, пишетъ С. С. Уваровъ, есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ; и каждый родъ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе къ оборотамъ, важную и плѣнительную гармонію». Французы, по необходимости, должны были, вслѣдствіе неподатливости своего языка, изобресть другую систему стихосложенія. Но «возможно-ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, обороты, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гексаметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, рѣдомо прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ». Поэтому авторъ полагаетъ,

что намъ, русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильный, метрической просодіей наполненный языкъ, неприлично слѣдовать столь слѣпому предразсудку. Если нѣмцамъ удалось ввести у себя гекзаметръ, то тѣмъ легче это намъ, такъ какъ нашъ языкъ обладаетъ свободнымъ словорасположеніемъ.

Гнѣдичъ, въ отвѣтъ на это письмо, вполнѣ соглашаясь съ выраженнымъ въ немъ мнѣніемъ, перевелъ почти всю 6-ю пѣснь гекзаметрами, правда, еще не совсѣмъ гладкими, такъ какъ попадаются стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

Въ полѣ жъ и тамо и тамо шумѣла бранная буря,
Часто толпы сопротивныхъ стремили мѣдяныя копыя,—

но этимъ переводомъ было положено крѣпкое начало русскому гекзаметру. Собственно говоря, уже Ломоносовъ представилъ образцы этого размѣра, но «Телемахида» Тредьяковскаго, написанная гекзаметрами, долгое время, по удачному выраженію одного критика, преграждала путь къ метрамъ Греціи, какъ-бы нѣкое страшилище. Являлись смѣльчаки и до Гнѣдича, какъ, напри- мѣръ, Мерзляковъ, которые рѣшились писать гекзаметрами, не страшась этого чудовища, но это были робкіе опыты, набѣги дѣлались отрывками, — *ut canis e Nilo*, и Гнѣдичъ вполнѣ правъ, говоря, что онъ первый имѣлъ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ

Гомера и Виргилія, привязанный къ нему Тредьяковскимъ. Мы поймемъ заслугу Гнѣдича, если обратимъ вниманіе на полемику, возникшую по поводу письма С. С. Уварова. Капнистъ, кажется, первый подавшій Гнѣдичу совѣтъ продолжать трудъ Кострова, въ обширномъ письмѣ пытался доказать непригодность для русскаго языка гекзаметра, вслѣдствіе отсутствія у насъ спондеевъ. Болѣе того, онъ даже отрицалъ звучность этого размѣра въ греческомъ подлинникѣ, хотя тутъ же сознается, что по-гречески онъ не понимаетъ. Вмѣсто гекзаметра онъ предлагаетъ перевести «Иліаду» размѣромъ русской пѣсни:

Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ...

и тутъ же представилъ образецъ этого размѣра:

Удалились свѣтлы боги съ поля страшныхъ битвъ:

Но то тамъ, то тамъ шумѣла буря бранная, и т. д.

Возраженія, представленныя Капнистомъ, были блистательно опровергнуты С. С. Уваровымъ, доказавшимъ, что звучный гекзаметръ можетъ существовать и безъ спондеевъ и давшимъ при этомъ слѣдующее прекрасное опредѣленіе гекзаметра: «Героическій размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается и не падаетъ; онъ изгибается, течетъ тихо, но безъ прыжковъ; сво-

бодно, но въ строгихъ границахъ. — Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости; и всѣ оттѣнки, между сими противоположностями заключенные, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра». Но до чего въ то время былъ чуждъ этотъ размѣръ русскому уху, видно изъ того, что такой опытный версификаторъ, какъ Воейковъ, обиженный мнѣніемъ объ отсутствіи у насъ спондеевъ, серьезно рѣшился доказать неосновательность этого мнѣнія слѣдующими безобразными стихами:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянiя Россовъ:
Галль, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сармать
и Саксонецъ —
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли и всѣхъ охраняемъ.
Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства монарха:
Царь Александръ щедръ, мудръ, храбръ, твердъ, быстръ, скро-
мень и сметливъ и т. д.

Но пока длился споръ, возможенъ или невозможенъ русскій гекзаметръ, Гнѣдичъ взялъ и создалъ его, совершивъ при этомъ рѣдкій подвигъ, требовавшій громадной силы воли и беззаботной любви къ предмету: онъ уничтожилъ уже переведенныя имъ пѣсни, стоившія ему упорныхъ шестилѣтнихъ трудовъ. Только въ 1829 г. вышло полное изданіе «Иліады», размѣромъ подлинника, т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ по напечатаніи перваго изъ нея отрывка. Въ Гнѣдичѣ ска-

зался малороссъ, медленный, терпѣливый, но упорный и всегда доходящій до конца разъ намѣченного пути.

«Иліада», по выходѣ въ свѣтъ, была горячо привѣтствуема нашими лучшими писателями и любителями изящнаго, но равнодушно принята «большою» публикою, что доставляло Гнѣдичу не одну минуту горькаго разочарованія. Самый теплый привѣтъ былъ высказанъ Пушкинымъ. «Наконецъ, писалъ онъ, вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ «Иліады»! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе, — съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единого высокаго подвига. Русская «Иліада» передъ нами». Также Бѣлинскій писалъ, что «постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу», и ставилъ его гакзаметры выше гекзаметровъ Жуковского. Но другіе отзывы были не столь благопріятны для Гнѣдича. Ордынскій, напримѣръ, утверждалъ, что

«Гнѣдичъ скорѣе переводилъ Фосса, нежели Гомера; слѣпо держался подлинника, уродовалъ свой языкъ, для языка подлинника, обременялъ его множествомъ чуждыхъ ему формъ и оборотовъ, образовалъ по своему непонятныя слова. Мы потеряли въ Гнѣдичѣ ту нѣжность, игривость и простодушіе, которыя такъ свойственны Гомеру». Равнымъ образомъ и Галаховъ находитъ, что Гнѣдичъ «сообщилъ гомерическимъ пѣснямъ какую-то торжественность, настроилъ ихъ на риторическій тонъ, чему особенно способствовало излишнее и не всегда разборчивое употребленіе славянскихъ словъ и оборотовъ».

Въ послѣднемъ упрекѣ вѣрно то, что переводъ «Иліады», въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ изобилуетъ славянскими реченіями а иногда представляетъ стихи неблагозвучные. Особенно непріятно дѣйствуетъ на ухо довольно часто попадающійся *dativus absolutus*, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ стихахъ:

Въ замокъ градской *имъ протекиимъ*, ко храму Аѣины богини,
Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Θεано. (П. VI,
ст. 297 — 298).

Кости твои середъ поля истлѣютъ,
Летшія въ чуждой троянской землѣ, *не свершенному дѣлу*.
(П. IV, ст. 174 — 175).

Также нельзя назвать удачными эпитеты, въ родѣ празднобродныхъ псовъ, коннодоспѣшныхъ мужей, звуко-

ногихъ коней, ясноглаголивыхъ смертныхъ, хитрошвенныхъ ремней и т. д. Равнымъ образомъ странныя выраженія «вѣстникъ повинулся», «мужи коснящіе на битву», «о Атридѣ, не неправдуй», «трояне, бодатели коней», «къ бережи ихъ» (вм. для ихъ сохраненія), «въ омракѣ чувствъ» и т. д. Но это — мелочи, легко объясняемыя эпохой, въ какую жилъ переводчикъ. Извѣстная книга Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» раздѣлила нашихъ литераторовъ на два лагеря: старовѣровъ съ Шишковымъ во главѣ и новаторовъ, послѣдователей Карамзина. Но и послѣдніе тоже не вполне отказались отъ употребленія славянскихъ словъ. Тѣмъ болѣе это было простиительно Гнѣдичу, имѣвшему дѣло съ произведеніемъ, на которое сами вѣка наложили печать какой-то торжественной важности. Но помимо нѣсколькихъ неудачныхъ словъ и оборотовъ, перевода Гнѣдича ничуть нельзя назвать устарѣвшимъ и понынѣ: въ немъ вѣетъ духъ Гомера, мужественный и наивный, безыскусственный и безконечно разнообразный въ оттѣнкахъ. Какъ бываютъ не рѣдко красивыя лица съ не совсѣмъ правильными чертами, такъ и переводъ Гнѣдича, несмотря на нѣкоторыя неправильности, дышетъ красотой и поэзіей. Гнѣдичъ постигъ и выразилъ неуловимую тайну гомеровскаго гекзаметра, и,

вчитываясь въ его переводъ, невольно повторяешь съ Пушкинымъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной, эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

V.

Переводъ «Иліады» доставилъ Гнѣдичу не только славу, но и почетное положеніе въ свѣтѣ и жизненные удобства. Еще въ 1811 г., благодаря покровительству Оленина, онъ былъ избранъ въ члены российской академіи и назначенъ бібліотекаремъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ и прослужилъ до 1817 г., живя въ сосѣдствѣ и въ тѣсной дружбѣ съ Крыловымъ. Въ 1812 г. Гнѣдичу была выхлопотана отъ великой княгини Екатерины Павловны ежегодная пенсія въ 1000 р. Въ то время литераторы въ Петербургѣ группировались вокругъ Державина и Шишкова въ Бесѣдѣ, и вокругъ Жуковского въ Арзамасѣ. Эти два общества были различны между собой по всему: по литературнымъ стремленіямъ, вкусамъ и характерамъ членовъ. Въ Бесѣдѣ засѣдали серьезные старцы, цѣлью которыхъ было спасти отъ потопа новыхъ литературныхъ ересей священный ковчегъ славянскаго стиля. Тамъ читались произведенія, находившія потомъ

мѣсто въ сборникѣ общества — «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русской словесности». Въ Арзамасѣ, напротивъ, собиралась молодежь, шутила, забавлялась, дурчилась, никакихъ изданій не предпринимала, но смѣхомъ да эпиграммами навсегда убила господствовавшія у насъ въ поэзіи со времени Ломоносова ходульную торжественность и псевдо-классическія замашки. Но Гнѣдичъ стоялъ въ сторонѣ отъ обоихъ обществъ, составляя душу и центръ особаго кружка, собиравшагося въ домѣ Олениныхъ. Сюда входили и члены Арзамаса, и члены Бесѣды, но однако всякій изъ этихъ кружковъ имѣлъ свою фیزیономію, и нужно сознаться, что кружокъ Оленинскій болѣе тяготѣлъ къ Бесѣдѣ, нежели къ Арзамасу.

О манерѣ держаться и характерѣ Гнѣдича въ ту эпоху сходятся показанія почти всѣхъ его біографовъ. Гнѣдичъ, несмотря на свое безобразіе, былъ щеголь: платье на немъ всегда было послѣдняго покроя. Съ утра до ночи во фракѣ и съ бѣлымъ жабо, онъ принаровлялъ цвѣтъ своего фрака и всего наряда къ той порѣ дня, въ которую тамъ и сямъ появлялся: коричневый или зеленый фракъ утромъ, синій къ обѣду, черный вечеромъ. Бѣлье всегда носилъ чистое, какъ снѣгъ; складки или брызжи были отдѣланы художественно. Обувь, шляпа, тросточка, — все было безукор-

ризненно: цвѣтныя перчатки всегда носились имъ въ обтяжку. Держалъ онъ себя прямо, нѣсколько величаво, и во всѣхъ движеніяхъ былъ соразмѣренъ и плавенъ, какъ въ своихъ гекзаметрахъ; въ его манерахъ было нѣчто чопорное; рѣчь звучала нѣсколько декламаторски.

Онъ страстно любилъ общество и свѣтскую жизнь, но серьезнымъ къ этому препятствіемъ былъ его смѣшной выговоръ и своеобразные обороты французскаго языка. О нихъ ходили цѣлыя анекдоты. Гнѣдичъ разъ зашелъ къ Жуковскому, жившему тогда въ верхнемъ этажѣ шепелевскаго дворца. «Ты, кажется, мой Гнѣдко (Жуковскій всегда такъ его называлъ), запыхался»? — «Oui», отвѣчалъ Гнѣдичъ, «*j'ai courtouté votre escalier*» (взбѣжалъ по лѣстницѣ). Въ другой разъ, услышавъ разсказъ о роскошной природѣ Тавриды, гдѣ растутъ высокія акаціи, каштаны и раины, — Гнѣдичъ вскричалъ: «Раина! Это рай дерево, которое... *s'élance* въ облака!» Любилъ онъ также передѣлывать на русскій ладъ французскія слова и чуть-ли не первый ввелъ въ употребленіе слова: граціозность, наивность и др. Часто хвасталъ своими великосвѣтскими знакомствами и за глаза любилъ называть барынь и барышень французскими полуименами: *princesse Catiche*, *comtesse Bibi*. Чрезвычайно любилъ онъ читать въ

обществѣ отрывки изъ трагедій или своей «Иліады», и читалъ съ большимъ искусствомъ, по мнѣнію однихъ, а, по мнѣнію другихъ, былъ очень смѣшонъ напыщенностью протяжнаго чтенія съ завываніями и вытянутой шеей, которая съ каждымъ стихомъ все болѣе и болѣе выходила изъ толсто-широкаго жабо, и высоко-поднятой головой, и къ небу возносящимся глазомъ. Благодаря славѣ отличнаго чтеца, онъ сошелся съ знаменитой красавицей — актрисой Семеновой, впоследствии княгиней Гагариной, и въ теченіе 18-ти лѣтъ сохранялъ къ ней чувство самой пламенной дружбы и любви. Онъ проходилъ съ нею всѣ роли ея обширнаго репертуара и, благодаря ему, она являлась такою совершенной Клитемнестрой, Медеей, Меропой, и Федрой. Для нея передѣлалъ онъ трагедію «Лиръ» въ 1807 г., а черезъ два года перевелъ «Танкреда» Вольтера. Эта дружба была счастьемъ и мукой его жизни.

Несмотря на нѣкоторыя смѣшныя черты характера Гнѣдича, всѣ біографы единогласно сходятся въ томъ, что онъ отличался рѣдкой честностью въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ, никогда не зналъ зависти, первый привѣтствовалъ молодыя дарованія и былъ горячимъ покровителемъ начинающихъ писателей. Недаромъ Плетневъ въ своемъ посланіи къ Гнѣдичу говоритъ:

Судья и другъ поэтовъ молодыхъ,
 Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
 Есть тайная, особенная вѣра.

Нѣсколько чопорный съ виду, что вѣроятно объяснялось желаніемъ замаскировать свое безобразіе и заставить свѣтъ уважать себя, Гнѣдичъ отличался искреннимъ дружелюбіемъ и теплымъ сердцемъ. Еще юношей, не имѣя средствъ къ жизни, онъ подарилъ доставшееся ему отъ отца небольшое имѣніе въ 30 душъ крестьянъ своей сестрѣ, о которой продолжалъ заботиться до самой ея смерти. Существуетъ разсказъ о томъ, что Гнѣдичъ, посѣщая ректора Духовной Академіи, Н. Н., замѣтилъ однажды на кладбищѣ Лавры плачущаго студента и, расспросивъ его, узналъ, что причиной горя молодаго человѣка было бѣдственное состояніе его матери. Черезъ четыре дня студентъ, посѣтивъ свою мать, узналъ, что она перебралась на другое мѣсто и отыскалъ ее въ чистой, свѣтлой квартирѣ, гдѣ во всемъ были замѣтны слѣды довольства. Это было дѣломъ Гнѣдича, выхлопотавшаго въ послѣдствіи бѣдной женщинѣ пенсію у адмирала гр. М. С. Мордвинова. При жизни Гнѣдича окружавшимъ его этотъ поступокъ остался неизвѣстенъ. Вообще люди, близко знавшіе его, становились его преданными друзьями. Такъ, Батюшковъ въ одномъ письмѣ къ нему говоритъ:

«ТЫ знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза льстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что ты одинъ у меня другъ, и истина сія запечатлѣна у меня въ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю какъ брата» и т. д. Батюшковъ, когда разстроились его душевныя силы, слушалъ и слушался одного только Гнѣдича. Не принадлежа ни къ одной литературной партіи, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися писателями всѣхъ лагерей: Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Херасковымъ, Озеровымъ, Нелединскимъ, — Мелецкимъ, кн. Шаховскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ, Лабзинымъ, Писаревымъ, Дмитревскимъ и др. Это доказывается множествомъ написанныхъ къ Гнѣдичу посланій, изъ которыхъ особенно замѣчательны посланія Пушкина, Баратынскаго, Батюшкова, Воейкова и Плетнева. Выписываемъ изъ посланія Пушкина слѣдующія прекрасныя строки:

Ты, коему судьба дала
И смѣлый духъ, и умъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обречла —
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ.

Въ послѣднихъ двухъ строчкахъ заключается поэтический намекъ на то, что Гнѣдичъ уничтожилъ пѣсни, переведенныя александрійскимъ риѳмованнымъ размѣромъ и подалъ примѣръ, которымъ въ послѣдствіи такъ блистательно воспользовался Жуковскій. Кстати тутъ будетъ привести и посланіе къ Пушкину Гнѣдича, лучшее посланіе изъ всѣхъ, написанныхъ на имя Пушкина:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній иль геній Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты-же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по своему, русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты пѣвецъ *несравненный!*

Считаемъ долгомъ оправдать тѣнь Гнѣдича отъ упрека, взведеннаго на него Вигелемъ, рассказывающимъ, будто Гнѣдичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и не имѣя друзей и средствъ къ жизни, «рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи у Хвостова», для чего написалъ ему посланіе, гдѣ «умоляя его, старается разжалобить» стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Я дурень, кривъ и денегъ не имѣю.

Посланіе къ гр, Хвостову Гнѣдичъ дѣйствительно написалъ, но не по прїѣздѣ въ Петербургъ, а въ 1814 г., уже по избраніи въ Академію, служа въ библіотекѣ и пользуясь ежегоднымъ пенсіономъ, слѣдовательно когда ему нечего было искать покровительства у кого бы то ни было. Стихъ, похожій на приведенный, употребленъ имъ, но не въ просительномъ, а въ шутливомъ смыслѣ. Гнѣдичъ говоритъ, что онъ не пользуется любовью не только музъ, но и смертныхъ дѣвъ:

Мнѣ можно-ли, Хвостовъ, любовью льститься музъ,
Мнѣ можно-ли вступить съ безсмертными въ союзъ,
Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю:
И дурень я, и хворъ, и денегъ не имѣю.

Если это посланіе грѣшитъ чѣмъ-либо, то невѣрнымъ отзывомъ о талантѣ Хвостова, почему Гнѣдичъ и не помѣстилъ его въ изданіи своихъ стиховъ. Но, въ оправданіе Гнѣдича, вспомнимъ, что около того-же времени, именно въ 1812 г, гр. Хвостовъ былъ избранъ въ почетные члены Общества любителей словесности, и когда извѣстный Дашковъ позволилъ себѣ въ прїѣтственной рѣчи иронію относительно новаго члена, то немедленно былъ исключенъ изъ этого общества.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ Гнѣдича, кромѣ «Иліады». Не будемъ останавливаться ни на его прозаическихъ статьяхъ,

показывающихъ въ авторѣ болѣе образованность вкуса, нежели оригинальность мысли, ни на прекрасномъ переводѣ простонародныхъ пѣсенъ новыхъ грековъ и другихъ переводахъ, столь-же замѣчательныхъ по чистотѣ и силѣ языка, ни на извѣстной въ свое время идилліи «Рыбаки», гдѣ имѣется поистинѣ классическое описаніе петербургскихъ бѣлыхъ ночей, цитируемое Пушкинымъ въ примѣчаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину», — все это отняло бы у насъ слишкомъ много мѣста, но нельзя пройти молчаніемъ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній, написанныхъ Гнѣдичемъ въ періодѣ 1819 — 1821 г. Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился поэтомъ только въ минуту сильнаго личнаго горя. Съ теченіемъ времени обезпеченное состояніе, литературные друзья перестали удовлетворять его любящее сердце. Онъ всю жизнь мечталъ о семейномъ очагѣ, о жизни тихой и спокойной среди близкихъ и родныхъ, но года уходили, приближалась старость, а онъ былъ совершенно одинокъ на свѣтѣ. Особенно интенсивно стало его горе около 1819 г. Было-ли тому причиной сердечная рана, измѣна любимаго человѣка, мы не знаемъ, но не сомнѣваемся, что въ это время надъ сердцемъ Гнѣдича разразилась сильная гроза. Подъ ея дуновеніемъ онъ снова становится искрененъ и глубокъ и пишетъ нѣсколько трогательныхъ и силь-

ныхъ стихотвореній, лучшимъ изъ которыхъ слѣдуетъ признать «къ Провидѣнію». Непритворной грустью дышатъ слѣдующіе стихи:

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой;
И что-жь? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитого тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Онъ слышитъ голосъ Провидѣнія, говорящій ему:

Друзья твои — льстецы; коварство — ихъ языкъ,
Обманъ невинности смиренной...
Но за тебя на нихъ возстановилъ я судъ
Необольстимаго потомства;
И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства.

Такою-же силой и скорбью отличаются написанныя въ томъ-же году два стихотворенія «къ другу», изъ которыхъ приводимъ цѣликомъ послѣднее:

Когда изъ глубины души моею угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

Отъ послѣдняго четверостишія не отказался бы и самъ Пушкинъ.

VI.

Усиленные занятія, и въ особенности чрезмѣрное напряженіе голоса при разучиваніи ролей съ Семеновой, имѣвшее слѣдствіемъ разрывъ одной артеріи, ослабили и безъ того болѣзненный организмъ Гнѣдича. Въ 1825 г. онъ ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды, но возвратился еще съ большимъ разстройствомъ въ груди. Но два года, проведенные затѣмъ въ Одессѣ, принесли ему большую пользу. Возвратившись въ Петербургъ, онъ занялся изданіемъ «Иліады». Вскорѣ всѣ прежніе припадки стали возвращаться еще съ большею силой. Въ 1831 году врачи убѣдили его ѣхать въ Москву на искусственныя минеральныя воды. Здѣсь онъ проводилъ своего друга Дельвига въ могилу слѣдующимъ прекраснымъ двустишіемъ:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моею частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Старческой скорбью вѣетъ отъ стиховъ, писанныхъ имъ за годъ до смерти:

Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Ни чьей не ласкаемъ рукою,

Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;

Въ путь жизни пошелъ одинокъ;

Прошелъ одинокъ его — тощее поле,

На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдолѣ,
 Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
 Мой путь одинокъ я кончаю,
 И хилую старость встрѣчаю
 Въ домашнемъ быту одинокъ:
 Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ.

Лебединой пѣснью Гнѣдича было стихотвореніе «Ласточка», кончающееся, словно по ироніи судьбы, слѣдующими стихами:

Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо мною!
 Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

Увы! Предчувствіе поэта не сбылось: это была послѣдняя пѣсня. 3-го февраля 1833-го года Гнѣдичъ умеръ, оставивъ послѣ себя неумирающую память въ нашей литературѣ. Прахъ его погребенъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, рядомъ съ Крыловымъ. Надъ могилой его воздвигнуть памятникъ его друзьями и почитателями, съ надписью:

*Гнѣдичу
 обогатившему
 Русскую Словесность
 переводомъ Омира.*

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».

(«Иліада», П. I, ст. 249).

КЪ МОИМЪ СТИХАМЪ.

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе отъ лѣтъ схладѣвшихъ,
Любовь не угаснула къ вамъ, о стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые, можетъ быть, вовсе отвергла-бъ отъ сердца
Брюзгливая старость, и, кажется, что по заслугамъ:
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбію дани?)
Спѣшу, о стихи, васъ отъ грознаго спасти приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снисходительной
Дружбы. —

И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ;
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Клянутъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ
волнуютъ;

То — нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ мо-
ихъ пѣсняхъ,

Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаеть изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть
можетъ,

Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль
смѣломъ,

Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что съ юности нѣжной любовію къ Музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чи-
стымъ;

Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

Но ежели Дружба найдетъ въ моихъ пѣсняхъ не-
стройныхъ
Хоть слово для сердца, хоть стихъ, согрѣваемый чув-
ствомъ;

Но ежели въ сихъ безыскусственныхъ звукахъ досуга
Услышитъ тотъ голосъ, сердечный языкъ тотъ все-
мірный,
Какимъ говоритъ къ намъ безсмертная мать — При-
рода:

Быть можетъ, стихи мои, васъ я сберегъ не къ заб-
венью.

О Б Щ Е Ж И Т І Е.

(1804 г.)

Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.

Thomas.

Неужли въ этотъ міръ родится человѣкъ,
Съ звѣрями дикими въ лѣсахъ чтобы скитаться?
Или въ бездѣйствіи, во снѣ провестъ свой вѣкъ,
Не зная подобныхъ — и ничѣмъ не наслаждаться;
Какъ-будто въ пустотѣ ужасной — въ мірѣ жить,

И прежде смерти мертвымъ быть?

Посмотримъ вокругъ себя, — мы взглянемъ на вселенну,
Какая связь въ вещахъ! На что ни кину взоръ,

И оку изумленну

Громада вся — одинъ чудесный кажется хоръ!

И то, что тамъ, — вверху, и тамъ, — подъ нижнимъ
кругомъ,

И что во всѣхъ моряхъ,

Въ лѣсахъ и на горахъ,

Все въ цѣпь одну плететь, все вяжетъ друга съ другомъ
Тотъ Разумъ, что сей шаръ и небо утвердилъ,
Атома съ существомъ премудро съединилъ.

О ты, надъ тварями, надъ всѣмъ здѣсь вознесенный,
Понятъемъ, разумомъ, безсмертною душой,
Проснися, человѣкъ, — проснися, ослѣпленный,
И цѣпи общія не разрывай собой!
Ты мишишь, что вброшенъ въ міръ безъ цѣли неизвѣст-
ной,

Чтобъ ты въ немъ только жилъ,
И зрителей число умножилъ поднебесной;
Взгляни на этотъ міръ!

Противному совсѣмъ и звѣри научаютъ,
И звѣри въ немъ живутъ не для себя самихъ;
Трудятся и они, — итенцовъ они питаютъ,
Итенцы же подраста — трудятся и для нихъ.
Зачѣмъ, ты говоришь, мнѣ для другихъ трудиться?

Какая нужда до людей?

Трудися только всякъ, для пользы лишь своей,
А пріобрѣвъ трудомъ, не худо насладиться.
Ты наслаждаешься, — а тысяча сиротъ

Страдаютъ тамъ отъ глада;
Вдовицы, старики подлѣ твоихъ воротъ
Стоять, — и падаютъ, замерзнувши отъ хлада.
Ты сишишь, — злодѣй ужъ цѣпь, цвѣтами всю увивъ,
На гражданъ наложилъ, — отечество терзаетъ,
Сыны отечества, цѣпей не возлюбивъ,
Расторгнуть ихъ хотятъ, — воишь слухъ мой поражаетъ!

Какой ужасный стонъ!

Не слышишь ты его — прерви, прерви свой сонъ!

Несчастный, пробудись,

Взгляни на согражданъ — тамъ легишихъ за тебя,
Взгляни на ихъ вдовицъ, дѣтей, — и ужаснись,

Взглянувши на себя!

Ихъ вдовы стонуть тамъ, — ихъ дѣти мрутъ отъ глада,
 Страшись и тренещи, чтобъ тѣни ихъ стена,
 Подобно фуріямъ, явившимся изъ ада,
 Въ погибели своей тебя, тебя виня,
 Не стали бъ день и ночь рыдать передъ тобою...

*
* *

Отечество, какъ ты еще младенецъ былъ,
 Подобно матери, обвило неленою,
 Чтобъ въ нѣдрахъ ты его златые дни вкусилъ;
 А ты за это все и малую заботу
 Считаешь глупостью. — лишь у окна сидишь,
 И тѣшишь своя души ты тѣмъ охоту,
 Что на людей глядишь.

Сидишь, — неужели сидѣть — въ сей міръ родился?
 Все, все гласитъ тебѣ, чтобъ для другихъ трудился.

„Трудиться? — говорятъ, — мнѣ жертвовать собою,

„Завистникамъ, льстецамъ,

„Живущимъ подлостью одною,

„Мнѣ жертвовать сердцамъ,

„Что, злобою киня, тѣхъ самыхъ умерщвляютъ,

„Которые и ихъ питаютъ?

„Хочу трудиться я, а змѣи ужъ шипятъ,

„Тружусь — труды мои къ добру людей клонятся,

„Но люди за добро одно лишь зло творятъ.

„Такъ лучше буду я въ лѣсахъ съ звѣрьми скитаться.“

*
* *

Итакъ, людей пороки,
 О мудрый человѣкъ!

А это — видитъ Богъ.

Священный долгъ намъ есть — для блага всѣхъ
трудиться:

Какъ безъ подпоръ нельзя и винограду виться,
Такъ мы безъ помощи другихъ не проживемъ;
Тотъ силу отъ подпоръ — мы отъ людей беремъ.
Всѣмъ вмѣстѣ должно жить, всѣмъ вмѣстѣ намъ тру-
диться,

Гнушаться зломъ — добро любить;
И радость изъ одной всѣмъ чашѣ пить:
Вотъ цѣль, съ какою всякъ изъ насъ въ сей міръ ро-
дится.

КРАСОТЫ ОССИАНА

или

ПѢСНИ ВЪ СЕЛЬМѢ *).

(1804 г.)

Ты, которая являешься
Изъ-за темныхъ облакъ запада
Съ тихимъ взоромъ и трепещущимъ,
Ты, которая течешь теперь,
По пространству неба сияяго
Тихо, важно и торжественно, —
О звѣзда вечерня, свѣтлая,
Ночи тихой вѣрна спутница!
Для чего свой взоръ трепещущій
На долину опускаешь ты?
Вѣтры дневные безмолвствуютъ,
Умолкаетъ шумъ источниковъ,

*) Въ стихахъ сихъ многого не найдутъ того, что есть въ „Пѣсняхъ въ Сельмѣ“, но многое найдутъ, чего нѣтъ въ нихъ; скажу (но можетъ быть эта смѣлость мнѣ и непростительна), что я хотѣлъ только всѣ красоты Оссіана слить въ эти пѣсни, и въ нихъ однѣхъ хотѣлъ показать, каковъ Оссіанъ.

Онъ умолкъ — и волны тихія
У подножія крутой скалы
Со смиреніемъ ласкаются;
Свѣтло-крылы, насѣкомыя
Кучи съ кучей собираются
На лучѣ дня умирающемъ
И жужжаньемъ прерываютъ лишь
Тишину вездѣ глубокую.
О звѣзда вечерня свѣтлая!
Для чего свой взоръ трепещущій
На долину опускаешь ты?
Но уже съ улыбкой кроткою
И сама къ долинѣ клонишься,
Волны вокругъ тебя стекаются
И, свои главы дрожація
Подымая, осребряются.
Такъ прости-жь, звѣзда безмолвная,
Если вмѣсто твоего огня
Возсіяетъ огонь души моей
И огонь сей, возражаясь,
Съ силой всею разливается
По составамъ *Оссиановымъ*;
При его сіяньѣ вижу я —
Тѣни стекшихся друзей моихъ
И на Лору опустившихся.
Межъ толпою сихъ воителей
Узнаю героя сильнаго;
Онъ межъ нами такъ какъ гордый дубъ
Между низкими деревьями; —
Онъ — Фингалъ среди сподвижниковъ;
Всѣ тѣ старцы сѣдобрадые,

Коиxъ чела такъ блестятъ во тьмѣ,
Всѣ тѣ старцы — Барды славные;
Узнаю въ нихъ Рино пѣжнаго,
И Альпино громогласнаго,
И тебя, Минона, томная;
О друзья мои любезныя!
Сколько-сколько перемѣны въ васъ
Съ тѣхъ временъ, съ тѣхъ дней счастливѣйшихъ,
Какъ среди торжествъ мы сельмннхъ
Состязались — кто вѣнчается,
Кто возьметъ награду пѣнія,
Состязались какъ зефиръ весны
Часто на холмъ возлетающій,
Чтобъ лелѣять травку пѣжную,
Изъ земли едва возникшую.
О друзья мои, вы помните,
Какъ въ одно мы изъ такихъ торжествъ
Видѣли Минону томную
Въ полномъ блескѣ юныхъ прелестей.
Времена давно протекшія,
Прежде бывшія дѣянія,
Оживитесь — воскресните
Въ Оссіана слабой памяти!
Помню, какъ Минона вышла къ намъ:
На глазахъ ея потупленныхъ
Двѣ слезы, росѣ подобныя,
Трепетали и скатились
По щекамъ ея прелестнѣйшимъ
На грудь бѣлую, высокую;
Всѣ герои тутъ смягчились!
Но когда уста прекрасныя,

Раскрываясь, голосъ издали,
Всѣ герои тутъ заплакали...
Ахъ, и камень тутъ заплакалъ бы!
Всѣ герои часто видѣли
Гробъ Сальгара, юна воина,
И жилище бѣдной Кольмы той,
Той, которой обѣщаль Сальгаръ
Возвратиться съ окончаньемъ дня;
День проходитъ, — но нейдетъ Сальгаръ,
Почъ находить, — но Сальгара нѣтъ.
Кольма, зря себя оставленной,
Мракомъ ночи окруженною,
Произносить съ стономъ жалобы:
„Ночь снисходитъ, — я одна спжу
На холмѣ, гдѣ собираются
Вѣтры бурные — пустынные.
Ночь свншла — лѣса шумять уже,
Завываетъ буря въ ребрахъ горъ,
Тамъ, — ручей, дождемъ наполненный,
По крутизнамъ извиваяся,
Съ шумомъ въ бездну низвергается.
Громъ гремитъ, — куда укрыться мнѣ?
Я одна, — одна оставлена! —

Покажи, луна, скорѣе ты
Хоть одинъ рогъ изъ-за облаковъ,
Ахъ! хоть, звѣзды, появитея
И излейте слабый, тусклый свѣтъ,
Приведите Кольму бѣдную
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ другъ души моей.
Ночь еще чернѣй становится,

Тамъ ліется пламя бѣлое,
Громъ реветъ ужъ надъ главой моею;
Какъ и эту ночь ужасную
Мнѣ одной провести на холмѣ семъ?
Шумъ ручья усугубляется,
Вѣтры болѣе свирѣпствуютъ;
Замолчите, вѣтры бурные,
Не шумите вы, источники,
Чтобъ Сальгаръ услышалъ голосъ мой!
О Сальгаръ, Сальгаръ, сюда иди,
Вотъ тотъ камень, вотъ то дерево,
Вотъ источникъ, у котораго
Ты велѣлъ мнѣ ожидать себя:
Кольма здѣсь и дожидается;
Но Сальгаръ! какъ долго медлишь ты!
Ахъ, — луна уже является,
Вижу воды я мелькающіе,
Сквозь туманы тонки-сизые
Вижу камни сѣроватые;
Но не вижу ловчихъ псовъ его,
Сихъ предтечей возвращенія.
Что мнѣ дѣлать? И куда идти?
Ахъ, — ужели здѣсь остаться мнѣ?
Вотъ — луна совсѣмъ явилася
И какихъ я ратоборцевъ зрю
Тамъ, на полѣ распростершихся?
Или сонъ сомкнулъ зеницы ихъ?
Отвѣчайте, вои храбрые!
Вы молчите? — Подойду я къ нимъ...
Вотъ мечи — но черна кровь на нихъ...
Ахъ, — мой братъ, а это — мой Сальгаръ!

Горе-горе! оба мертвые.

„О Сальгаръ, — о другъ души моей!
Ахъ! убилъ ты брата Кольмина!
О мой братъ, — о братъ любезнѣйшій!
Ахъ! за что убилъ Сальгара ты?
Вы молчите? Побесѣдуйте,
Хоть полслова вы скажите мнѣ,
Хоть полслова — на стенанія;
Но увы! они безмолвствуютъ!
Навсегда уже безмолвствуютъ!
Ужъ не бьются и сердца у нихъ,
Не забьются никогда они!
О мой братъ! — ты былъ страшнѣе всѣхъ
Въ полѣ брани, межъ свистящихъ стрѣлъ.
О Сальгаръ! — ты былъ прекраснѣе
Всѣхъ на холмѣ обитающихъ.

„Съ высоты холмовъ покатистыхъ,
Съ высоты хоть горъ ужаснѣйшихъ,
Отвѣчайте, тѣни милыя,
На стенанія вы Кольмины!
Отвѣчайте, — и не бойтесь
Устрашить меня отвѣтами;
Между тѣмъ — одна я съ горестью
Сяду здѣсь на камнѣ дикомъ семъ,
И съ росой вечерней, утренней
Буду камень сей кропить слезой.
О друзья почившихъ вѣчнымъ сномъ!
Вы для нихъ могилу выройте,
Но пождите засыпать ее.
Скоро, скоро я сойду туда,
Скоро лягу вмѣстѣ съ милыми!

Тѣни ночи на холмъ спустятся,
Съ ними я, въ прозрачномъ облакѣ,
Прилечу на холмъ покатиный.
Звѣроловецъ на меня взглянетъ,
И нога его стремящаясь
Остановится отъ ужаса.
Сердце въ немъ замретъ, — но голосъ мой
Оживитъ и усладитъ его.
Голосъ мой, — мои стenanія
Надъ могилами друзей моихъ
Будутъ томныя, — плачевныя.
Такъ Минона пѣснь окончила.
Каждого глаза слезящіяся
На Минону устремилися,
И лицо ея прелестное
Вдвое сдѣлалось прелестнѣе;
Оттѣнились щеки бѣлыя
Цвѣтомъ дѣвической скромности,
Цвѣтомъ алымъ щеки снѣжныя!
Сладкогласный тутъ восталъ Уллинь
И на арфѣ томно роскошной
Пѣснь Альпина, пѣснь унылую,
Воскресилъ своею памятью:
Онъ воспѣлъ о юномъ Морарѣ,
О его геройскихъ подвигахъ
И о смерти, — о слезахъ отца,
О слезахъ сестрою пролитыхъ,
Сей Миноною чувствительной;
Первый звукъ унылой пѣсни сей
Лишь раздался, — и глубокий вздохъ
Поднялъ грудь ея высокую!

Такъ весенній подымаетъ вѣтръ
Лебедину грудь пушистую;
Удалилася несчастная,
Какъ луна предъ грозной бурей
Удаляется за облако,
Чтобъ блѣднѣющее скрыть чело.
Пѣснь Улина потрясла сердца,
Всѣхъ объяла горестъ тихая:
Такъ ночная тѣнь объемлетъ холмъ.
Но какой согбенный старецъ тамъ,
Подымаясь съ трепетаніемъ,
На высокій жезлъ склоняется?
Голова его безвласая
Такъ печально опустилася,
Вздохи тяжкіе, глубокіе
Воздымаютъ грудь опадшую?
Се Арминъ, отецъ несчастнѣйшій!
Пѣснь Улинова печальная
Образъ сына, образъ дочери,
Сихъ дѣтей его любезнѣйшихъ,
Падшихъ въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ своихъ,
Живо тутъ ему представила,
И изъ глазъ померкшихъ, сомкнутыхъ
Полилась струя горячая.
„Какъ, Арминъ! — сказалъ Кармаръ ему, —
Это пѣніе пріятное
Льетъ въ сердца лишь томность нѣкую,
Таковую, какъ мы чувствуемъ
При закатѣ солнца краснаго,
Лучъ когда его блѣднѣющій
На тополевыхъ листахъ дрожитъ,

Или гаснетъ на вершинахъ горъ;
Озеро когда спокойное
Синевою покрывается,
И когда росой вечернею
Цвѣтъ склонившійся подѣмлется;
Это пѣніе небесное
Въ душу льетъ одно уныніе,
Но уныніе пріятное;
Отчего-же горестъ сильная,
О вождь Гормы, на лицѣ твоємъ?“
„Горестъ, — горестъ и въ душѣ моей! —
Такъ согбенный возопилъ Арминъ, —
И причина этой горести,
О Кармаръ! — есть справедливая.
Не лишился ты дѣтей своихъ;
Храбрый Кольгаръ, юна Анира
При тебѣ еще находятся;
Но Арминъ — одинъ на всей землѣ!
Ахъ! къ кому онъ склонитъ голову?
Грудь свою уже охладившую
Ахъ! на чьей груди согрѣетъ онъ?
Нѣтъ руки сыновней, дочерней,
Поддержать чтобы ослабшаго;
Нѣтъ руки, которая бъ вывела
Въ ясный день меня на холмъ крутой,
Чтобы тѣло мое слабое
Солнцемъ краснымъ оживилось;
Нѣтъ руки закрыть глаза мои!
Гдѣ теперь вы, дѣти милыя?
Гдѣ теперь ты, сынъ возлюбленный,
Ты, который въ полѣ бранномъ былъ

Равенъ духу громоносному,
Равенъ черной, грозной тучѣ той,
Стрѣлы коей и скалы дробятъ?
Такъ во мракѣ, въ сей землѣ сырой,
Три шага—вмѣстили сильнаго.
О Даура, дочь любезная!
Гдѣ твои цвѣтущи прелести?
Бѣлизной была ты равная
Снѣгу дебрей; — твои волосы
Тѣмъ парамъ, что въ верху горы
Вьются кудрями прозрачными
И златятся солнцемъ западнымъ.
О дочь милая, подобная
На закатѣ полно мѣсяцу,
Ты увяла — ахъ! исчезла ты,
Исчезаешь какъ звѣзда во тѣмѣ,
Пролетѣвъ пустыню синюю.
О Даура — какъ печаленъ одръ;
На которомъ ты простерлася!
О Даура — какъ глубокъ тотъ сонъ,
Ты въ который погрузилася!
Ахъ! когда, когда пробудишься,
Чтобъ меня, — отца несчастнаго,
Чтобы горестъ мою лютую
Усладить своею пѣснью;
Иль когда, хоть въ полночь ясную
На лучѣ спустяся мѣсячномъ,
Ты проглянешь сквозь окно мое,
Чтобъ увидѣть — какъ я слезы лью...
Никогда! о ночь ужасная!..

Вѣтры бурные — воздвигнитесь
Соч. Гнѣдича. Т. I,

И въ пустыню дуйте черную!
Раздирайте тучи сизыя
И шумите межъ дубовъ сѣдыхъ,
И свистите въ сихъ скалахъ крутыхъ —
Заревите, бури ярыя!
Покатись, луна багровая,
Между черныхъ тучъ разодранныхъ!
Громы! громы — разсыпайтесь
Надъ моею главою бѣлою —
И представьте роковую ночь,
Ту, въ которую лишился я
Обоихъ дѣтей любезнѣйшихъ!

Черны крылья врана вѣщаго,
Но чернѣй покровъ той почи былъ;
Духи злобные пустынныхъ бурь
Враждовали съ злобой страшною,
Громы съ громами встрѣчались,
Потрясались горы дикія,
Пламя вокругъ меня лѣющееся
Освѣщало ужасъ ночи сей.
Зрѣлъ — какъ дубы расщеплялися,
Или, духомъ бури ринуты,
Вмѣстѣ съ камнями отторгшимися,
Съ трескомъ — стукомъ съ горъ катилися
Въ пѣнну бездну. — Зрѣлъ, какъ съ клокотомъ
Воздымались горы водныя,
И, шумя главами бѣлыми,
О скалы дробились яростно.
Среди ужаса полночи сей
Вдругъ раздался голосъ жалобный,
Повторился — и узналъ я въ немъ

Стонъ сыновній — Ариндаля стонъ,
Ариндаля, пораженнаго
Остріемъ стрѣлы Армаровой;
Но Армаръ невиненъ, ты, Эратъ,
Ты похитилъ отъ любви его
Дочь мою, его любившую,
И Армаръ, сочтя во тьмѣ ночной
Ариндаля похитителемъ,
Напрягаетъ лукъ — стрѣла свиститъ —
Ариндаль — какъ цвѣтъ весенній — палъ!
Ахъ! — мой сынъ своею кровію
Обагрилъ ручьи текущіе,
А отецъ его несчастнѣйшій
Тѣ ручьи, имъ обагренные,
Наводнилъ слезами горькими.
Изъ-за тучъ проглянулъ мѣсяцъ вдругъ,
И очамъ моимъ слезящимся —
На утесѣ, вокругъ котораго
Клокотала пѣна бѣлая, —
Показалось привидѣніе,
Тѣнямъ Лега тѣмъ подобное,
Что, скитаяся во тьмѣ ночной,
Воютъ съ птицами полночными
И надгробной пѣсни требуютъ.
Мѣсяцъ блѣдный испустилъ свой лучъ
На лицо стелящей тѣни сей,
И—о горе! — дочь увидѣлъ я!
Видѣлъ я ее, несчастную,
На скалѣ, одну — оставленну
И волнами окруженную!
Это варварство Эратово.

Ахъ! отецъ смотрѣлъ на дочь свою
И не могъ подать ей рукъ своихъ;
Слышалъ онъ ея стenanія
И не могъ подать ей помощи!
Мракъ ночной опять сокрылъ ее;
Но духъ вѣтровъ, зломъ любуясь,
Стоны дочери страдающей
Приносилъ къ отцу несчастному.
Слышалъ я, какъ тѣ стenanія
Утихали — умалѣлися
И пачезли съ мракомъ ночи сей.
Первый лучъ свѣтила дневнаго
Освѣтилъ ее — простершую!
И я видѣлъ какъ на семь лучѣ
Непорочная душа ея
Возносилась къ небу синему,
И какъ облако румяное
Растоплалось по воздуху,
Чтобъ принять моею Дауры тѣнь —
И отецъ — отецъ смотрѣлъ на то...

Съ роковой, ужасной ночи сей
Я всегда — какъ духи бурные
Сѣютъ злобу межъ стихіями,
Какъ пустынные стenanія
Отзываются въ ушахъ моихъ,
Какъ летаютъ въ вихряхъ воющихъ
Листья желтые — древесные,
И крутятся надъ головой моею,
Съ сѣдиной моею мѣшаются —
Я сижу на этомъ берегу,
На скалу смотрю ту страшную,

Иногда сквозь слезы вижу я,
На лучѣ послѣднемъ — мѣсячномъ,
Тѣни милыя дѣтей моихъ,
Межъ собою тихо шепчущихъ.
Какъ—о дѣти! — волю я къ нимъ, —
Вы лишились сожалѣнія,
Вы не хотите отвѣтствовать
На стенанія отцовскія?
Но — уввы! они въ безмолвіи,
Помавая головами ихъ,
Близъ меня несутся медленно
И отъ глазъ моихъ скрываются!
Никогда я не увижу васъ,
Никогда васъ не услышу я!
Горестъ лютая въ душѣ моей
И причина этой горести —
О Карморъ! — есть справедливая!

Таковыя пѣсни томныя
Въ сводахъ Сельмы раздавались,
Такъ звучали арфы стройныя,
Такъ гремѣли барды славные,
Сидя вокругъ огней пылающихъ
Съ золотою чашей пиршества.
Голоса ихъ были громкіе,
Но—и мой тамъ голосъ слышенъ былъ;
А теперь — языкъ мой холоденъ
И угасъ огонь души моей.
Тѣни бардовъ часто носятъ,
Воспѣвая пѣсни древнія;
Я стараюсь замѣтить ихъ,
Но и память измѣняетъ мнѣ.

О лѣта!... но вы, которые
Ясно солнце еще видите,
Возведите вы меня, слѣпца,
Возведите Оссіана вы
На холмы его высокіе,
Посадите подъ орѣшникомъ,
Подлѣ дуба тамъ шумящаго,
Посадите на зеленый дернъ,
Близъ ручья едва журчащаго,
А Мальвина пусть мнѣ арфу дастъ,
И холодная душа моя
Можетъ быть еще возвысится.
Возвышается — о Сельма! зрю
Твои стѣны, деревья твои,
Зрю Фингала — о родитель мой!
Зрю Оскара — сынъ возлюбленный!

Вотъ герои всѣ морвенскіе —
Въ ихъ рукахъ мечи блестящіе.
О герои! вы желаете
Славы вѣчной? — вы получите,
Увѣнчаетесь — я живъ еще,
Возвѣщу вѣкамъ я будущимъ!
Но увы!.. рука дрожащая
Ронитъ арфу — слышу голосъ лѣтъ:
Какъ? еще — еще желаетъ пѣть
Оссіанъ? — который завтра же,
Но, быть можетъ, въ этотъ самый часъ,
Ляжетъ въ гробъ — пескомъ засыплется!

Слабый смертный — жертва времени!
Нынѣ гордо съ башенъ смотришь ты
Внизъ на землю, а земля сія

Можетъ завтра — можетъ нынѣ же
И тебя, и мысли гордыя —
Ахъ! — поглотить въ нѣдра мрачныя,
И полночны совы нынѣ же,
Вмѣстѣ съ вѣтрами пустынными,
Поселятся въ гордыхъ башняхъ тѣхъ,
И завоютъ съ псами страшну пѣснь,
Зашипятъ змѣй въ шишакѣ твоємъ,
Засвистятъ вѣтръ вокругъ щитовъ твоихъ,
И одно сухое дерево,
Иль тростникъ, звеня головкамъ,
Возвѣститъ потомкамъ будущимъ
О тебѣ — и о дѣлахъ твоихъ!

Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
Вы скорѣй — быстрѣй катитесь
Надъ сѣдою головой моею,
Закрывайте вы глаза мои,
Свѣта дневнаго не зрящіе
И почти уже закрытые;
Я всего лишился въ мірѣ семъ,
Оссіана все оставило,
Что любезно на землѣ было;
Барды всѣ мнѣ современныя
Успокоились — а я живу!
Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
Открывайте крышку гробную.

ПЕРУАНЕЦЪ КЪ ИСПАНЦУ.

(1805 г.)

Рушитель милой мнѣ отчизны и свободы,
О ты, что, посмѣясь святымъ правамъ природы,
Злодѣйствъ неслыханныхъ землѣ примѣръ явилъ,
Всего священнаго навѣкъ меня лишилъ!
Доколѣ, въ варварствахъ не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья?
Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней!
Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моею?
Законъ? какой законъ? Одной рукой природы
Ты сотворенъ и я, и всей земли народы.
Но ты сильнѣй меня; а я — за то-ль, что слабъ,
За то-ль, что черенъ я — и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность поправа, злодѣйство увѣнчано;
Гдѣ слабость естъ порокъ, а сила — всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ,

И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!

Итакъ законъ тебѣ насъ мучить право далъ?
 Почто же у меня онъ всѣ права отнялъ?
 Почто же сей законъ, тираново желанье,
 Ему даетъ и власть и мечъ на злодѣянье,
 Меня-жъ неволитъ онъ себя переродить,
 И что я человѣкъ, велитъ мнѣ то забыть? —
 Иль мыслишь ты, злодѣй, составъ мой изнуря,
 Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,
 Что будутъ чувства во мнѣ умерщвлены?
 Ахъ, нѣтъ, — тираны лишь одни ихъ лишены!..
 Хоть живъ на снѣдъ звѣрей тобою я проструся,
 Что равень я тебѣ... Я равень? нѣтъ, стыжуся,
 Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить,
 И ужасаюсь тебѣ подобнымъ быть!

Я дикій человѣкъ, и простотой несчастный;
 Ты просвѣщенъ умомъ, а сердцемъ тигръ ужасный.
 Моря и земли рокъ тебѣ во власть вручилъ;
 А мнѣ онъ уголокъ въ пустыняхъ удѣлилъ,
 Гдѣ, въ простотѣ души, пороковъ я не зная,
 Любилъ жену, дѣтей, и больше не желая,
 Въ свободѣ и любви я счастье находилъ.
 Ужели симъ въ тебѣ я зависть возбудилъ?
 И ты, толпой рабовъ и громомъ окруженный,
 Не прямо, какъ герой, — какъ хищникъ въ ночь презрѣнный,

На безоруженныхъ, на спящихъ насъ напалъ.
 Не славы побѣдить, ты злата лишь алкалъ;
 Но страсть грабителя личиной покрывая,
 Лилъ кровь, намъ своего ты бога прославляя;
 Лилъ кровь, и какъ въ зубахъ твоихъ свирѣпыхъ исовъ

Трупъ Инки трепеталъ, — на грудяхъ череповъ
Ликъ бога твоего съ мечемъ ты водружаешь,
И ликъ сей кровію невинныхъ окропляешь.

Но что? и кровью ты свирѣпствъ не утолилъ;
Ты адъ на свѣтѣ семъ для насъ соорудилъ,
И адскими меня трудами пзнуруя,
Желаешь, чтобы я страдалъ не умирая.
Коль хочетъ богъ сего, немплосердъ твой богъ!
Свирѣпъ онъ, какъ и ты, когда желать возмогъ
Окровавленной, нисильственной рукою
Отечества, дѣтей, свободы и покою,
Всего на свѣтѣ семъ за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который, насъ создавъ, и грѣетъ и питаетъ *)
И мой унылый духъ на мечь одушевляетъ!..

Такъ, варваръ, ты всего лишить меня возмогъ;
Но права мстить тебѣ, ни ты, ни самъ твой богъ,
Хоть громомъ вы себя небеснымъ окружите,
Пока я движуся — меня вы не лишите.
Такъ, въ правомъ мщеніи тебя я превзойду,
До самой подлости, коль нужно, низойду;
Ядъ въ помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду все мрачное смертей ужасныхъ царство,
И жесточайшую изъ оныхъ изберу,
Да ею грудь твою злодѣйску раздери!

Но, можетъ быть, при мнѣ тотъ грозный часъ свер-
шится,

*) Перуанцы боготворили Солнце.

Какъ братій всѣхъ моихъ страданье отомститъся.
 Такъ, нѣкогда придетъ тотъ возжелѣнный часъ,
 Какъ въ сердцѣ каждаго раздастся мести гласъ;
 Когда рабы твои, тобою угнетены,
 Узря представшія минуты возжелѣнны,
 На все отважатся, рѣшатся предпринять
 Съ твоею жизнію неволю ихъ скончать.
 И не толпы рабовъ, насильствомъ ополченцевъ,
 Или наемниковъ, корыстью возбужденныхъ,
 Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
 Вспылавшихъ мщеніемъ за бремя ихъ цѣпей.
 Видалъ ли тигра ты, горящаго отъ гладу,
 И сокрушившаго желѣзную заграду?
 Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
 Которой рабства цѣпь влачу въ неволѣ злой,
 Я знамя вольности развѣю предъ друзьями;
 Сражусь съ твоими я крылатыми громами,
 По грудамъ мертвыхъ тѣлъ къ тебѣ я притеку,
 И изъ души твоей свободу извлеку!
 Тогда твой каждый рабъ, нашъ каждый гнѣвный воинъ,
 Попретъ тебя пятой — ты гроба недостойнъ!
 Твой трупъ, въ дремучій лѣсъ, во глубину пещеръ,
 Рыкая, будетъ влечь плотоядущій звѣрь;
 Иль на песокъ простертъ, предъ солнцемъ онъ истлѣетъ,
 И прахъ, твой гнусный прахъ, вѣтръ по полю развѣетъ.
 Но что я здѣсь вѣщаль во слѣпотѣ моей?..
 Я слышу стонъ жены и плачъ моихъ дѣтей:
 Они въ цѣпяхъ... а я о вольности мечтаю!..
 О братія мои, и вашъ я стонъ внимаю!
 Гремятъ желѣза ихъ, вѣчасъ отъ выи и рукъ;
 Главы преклонены подъ игомъ рабскихъ мукъ.

Что вижу?... очн ихъ, какъ огнь во тьмѣ, сверкаютъ;
Они въ безмолвіи другъ на друга взираютъ...

А! се языкъ ихъ душъ, предвѣстникъ тѣхъ часовъ,
Когда должна потечъ тирановъ нашихъ кровь!

ГЛАСЪ БЛАГОДАРНОСТИ.

Я—ву и Р—ву.

(1805 г.)

Долго ль будешь, рокъ суровый,
Дни весны моей мрачить,
И на сей ты годъ мой новый
Хочешь тучи наводить?
Гдѣ, въ какихъ сердцахъ найду я
Противъ этихъ тучъ отводъ,
Или мнѣ — опять горюя
Провлечь и этотъ годъ,
Здѣсь—далеко на чужинѣ
Отъ родныхъ, друзей моихъ?
Бѣдняку—и сиротинѣ
Не найти вовѣки ихъ!
Люди есть и здѣсь, конечно, —
Кто Лукулловъ всѣхъ сочтетъ!—

Но бѣднякъ межъ нами вѣчно
Человѣка не найдетъ.

Знать—подъ чуждымъ небосклономъ
Поле жизни я пройду,
И считая дни лишь стономъ,
Здѣсь въ могилу упаду.

Такъ я думалъ предъ началомъ
Блѣдна вечера съ собой,
Геній кроткій вдругъ съ фіаломъ
И съ оливой — сталъ предъ мной.

Вѣстникъ неба, вѣстникъ мирный, —
Я въ восторгѣ возгласилъ, —
Если ты съ страны эфирной
Посланъ, чтобы мнѣ открылъ
Будущу мою судьбину;
Послѣ мрачныхъ, грозныхъ тучъ,
Указалъ чтобъ мнѣ долину,
Гдѣ блистаетъ солнца лучъ, —
Пусть подыметъ завѣса,
Пусть надежды лучъ мелькнетъ;
Если жъ я узрю съ утеса
Пропастъ — дна которой нѣтъ?..
Если страннику несчастну,
Въ знойный день — среди песковъ,
Ты снишелъ сказать вѣсть страшну,
То хоть жажда жжетъ въ немъ кровь,
Не сыскать ему здѣсь тѣни
И воды тутъ не найти,
Оживить чтобъ томны члены,
Чтобъ языкъ хоть омочить!
Нѣтъ — пускай, пускай не знаетъ,

Странникъ рока своего,
Пусть надежда прохлаждаетъ
Кровь кипящую его;
Пусть взоръ странника несчастна
Покрываетъ мракъ густой,
Жизнь намъ тягостна — ужасна;
Какъ простимся мы съ мечтой!
Тутъ небесный вѣстникъ мира
Вдругъ слова мои прервалъ,
И — мнѣ голосомъ зефира,
Вѣсть такую прошепталъ:
Въ роковомъ твоёмъ фіалѣ
Желчь изсохнетъ съ годомъ симъ,
При самомъ его началѣ
Ты подъ небомъ ужь другимъ
По пути мірскомъ пойдешь,
Гдѣ — хоть встрѣтишь подъ ногою
Тернъ — слезу хоть и прольешь,
Но состраждущихъ рукою
Та осушится слеза;
Такъ царя планетъ лучами
Осушается роса.
Но не мни межъ богачами
Обрѣсти ты рукъ такихъ,
Нѣтъ — они не сострадаютъ,
Они чувствовать не знаютъ,
Имъ невнятенъ стонъ другихъ;
Ихъ добро — есть видъ корысти
Или гордости одной;
Нѣтъ — не къ воплямъ — но лишь къ лести
Слухъ они склоняютъ свой.

На то мѣсто, гдѣ родился,
Въ этомъ годѣ ты взглянешь,
На томъ холмѣ, гдѣ рѣзвился,
Въ этомъ годѣ отдохнешь;
Узришь — узришь свою хату
И повѣсишь посохъ въ ней,
Хату малу — но богату
Любящей тебя родней,
И помиришься съ судьбиной,
Въ ней забывъ бѣды свои.

О восторгъ! и кто жъ причиною?
Это вы, друзья мои!
Вы съ судьбой меня мирите,
Коею гонимъ я былъ,
Вы мнѣ ясны дни дарите!
Чѣмъ я — чѣмъ я заслужилъ?...
Нѣтъ, ничѣмъ — вы лишь склонили
Слухъ свой къ стону моему;
И добро, добро творите,
Внявъ лишь сердцу своему;
Только стонъ уединенный
Моей арфы къ вамъ дошелъ,
И я — рокомъ удрученный,
Въ васъ — друзей себѣ нашелъ.
Гдѣ же кисть, чтобъ изразила
Благодарный жаръ въ чертахъ,
Гдѣ та арфа, чтобъ излила
Жаръ сердечный на струнахъ?...
Чтобъ сказалъ — какъ умѣю
Это чувствовать въ груди,
И это чувство... я нѣмѣю...

Ты, слеза, катись — пади!
Такъ — она пускай докажетъ,
Что я сердцемъ къ вамъ писалъ,
Пусть, друзья, она доскажетъ
То, чего я не сказалъ.

НА ГРОБЪ МАТЕРИ.

(1805 г.)

Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой;
На утрѣ дней моихъ разстался,
О мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я въ первый разъ въ углу родномъ;
И въ первый разъ я посѣщаю
Твой тѣсный, безъисходный домъ!
И землю въ трепетѣ лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу впервые: тѣнь святая,
Миръ вѣчный праху твоему!

Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мшистой муравой,
И холмъ съ землею поравняло!
Увы! онъ скоро-бъ былъ забытъ;
Мнѣ скоро-бъ неизвѣстно стало,
И мѣсто — гдѣ твой прахъ сокрытъ!

И сынъ печальный, я бы тщетно
Могилы матери искалъ;
Ее прошелъ бы непримѣтно
И, можетъ быть, ногой попралъ!..
Прости! — оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой — судьбою.
Она, отъ берега мой чолнъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Между бушующихъ зыбей,
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
Къ брегамъ роднымъ я прпрнесень;
Любовью спрою, тоскливой
Къ твоей могилѣ приведенъ.
На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца —
Я пѣсни приношу и слезы,
Богатство скромное пѣвца.

Увы! когда ты испускала
Изъ устъ послѣдній жизни вздохъ,
Но взоръ еще на насъ кидала, —
Я траты чувствовать не могъ.
Теперь, возросшую со мною
Печаль — я изолью въ слезахъ;
Поплачу надъ землею сырою,
Сокрывшею мнѣ милый прахъ!
Еще не разъ, душой унылый,
Одинъ, въ полуночной тиши,
Приду я у твоей могилы

Искать отрады для души.
Приду — и холмъ съ землею сравненный
Возвышу свѣжій надъ тобой;
И черный крестъ, къ землѣ склоненный,
Возобновлю моею рукой;
И тризной, въ день субботъ священныхъ,
Я, ублажая тѣнь твою,
При воскресеньѣ жертвъ смиренныхъ
Надгробны пѣсни воспою. —
А ты, слухъ къ пѣснямъ приклоняя,
Отъ звѣздъ къ могилѣ ниспустишь,
И горестъ сына утѣшая,
Тѣнь матери — очамъ явись!
Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
Я могъ и тамъ тебя узнать!

СОНЪ СКУПАГО.

(1805 г.)

Скупецъ, одиножды на сундукахъ сидѣвши

И на замки глядѣвши,

Зѣвалъ — зѣвалъ,

Потомъ и задремалъ.

Заснулъ — какъ вдругъ ему такой приснился сонъ,

Что будто *нищему копѣйку подалъ онъ.*

Со трепетомъ схватился —

Разъ пять перекрестился —

И твердо поклялся ужъ никогда не спать,

Чтобъ сновъ ему такихъ ужасныхъ не видать.

РОМАНСЪ.

(1805 г.)

(На голосъ: *Пой во мракъ тихой ночи.*)

Долго-ль, долго-ль будешь биться,
Сердце бѣдное, въ груди,
Долго-ль будешь ныть, томиться?
Смерть! — скорѣй, скорѣй приди!

* *
*

Ничего мнѣ не осталось,
Для чего бы въ мірѣ жить —
Только сердце — чтобы рвалось,
И глаза — чтобы слезы лить.

* *
*

На землѣ мой взоръ унылый
Не находитъ ничего;
Но въ землѣ — въ сырой могилѣ,
Тамъ — спокойствіе его!

* *
*

Гдѣ жь мечта — какъ упоенный
Я природу позабылъ,
Но *тобою* лишь плѣненный
Все — въ *тебѣ* боготворилъ.

* * *

Землю ту — гдѣ *ты* ступала,
Землю ту я цѣловалъ...
Но увы! завѣса пала,
Страшну правду я узналъ.

* * *

Я узналъ — о лучше бѣ вѣчно
Не встрѣчалъ тебя взоръ мой,
Чѣмъ, любя *тебя* сердечно,
Знать, что я забыть тобой.

* * *

Для чего жь *ты* сердцу льстила,
Чтобъ его лишь побѣдить?
Для чего змѣей *ты* была,
Чтобы послѣ уязвить?

* * *

Смѣйся ты, что я страдаю,
Что мученія терплю,
Что отъ нихъ я умираю —
Умираю, но люблю.

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ.

(1806 г.)

Фиалка на зарѣ блистала;
Предъ солнцемъ красовался цвѣтъ;
Но въ полдень съ стебелька унала,
И къ вечеру фиалки нѣтъ!

Печальный образъ!.. Такъ умчтся
И юность рѣзвая отъ насъ.
Блаженъ, кто жизнью насладится
Въ ея быстропролетный часъ!

Моя ужъ юность отцвѣтаетъ;
Златое время протекло!
Уже печаль мнѣ духъ стѣсняетъ,
Задумчивость мрачитъ чело.

Приходитъ старость, и отгонитъ
Послѣдніе часы утѣхъ;
Болѣзнями хребетъ мой склонитъ,
На голову посылетъ снѣгъ.

Тоска, мрача мой вѣкъ постылой,
Падеть на сердце, какъ гора;
Застынетъ кровь въ груди унылой,
И смерть воскликнетъ мнѣ: пора!..

О холмъ, гдѣ лиру въ дѣтствѣ строя,
Съ цѣвницей селъ я соглашалъ,
Ты будь одромъ мнѣ вѣчнаго покоя!
Сего, какъ счастья, я желалъ:

Всегда желалъ, чтобъ край священный,
Гдѣ кости спятъ отцовъ моихъ,
Близъ нихъ покоилъ прахъ мой тлѣнный
Въ своихъ объятіяхъ родныхъ;

Чтобъ тамъ безмолвная могила
Возвысилася надо мной,
И только-бъ съ вѣтромъ говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любилъ, и жизнь хотѣлъ влачить,
Сестра! когда ты грудь стѣсенну
Захочешь плачемъ облегчить;

Когда печали къ услажденью,
Придешь на гробъ мой, при лунѣ
Бесѣдовать съ моею тѣнью,
Часовъ полночныхъ въ тишинѣ:

Мою забвенную цѣвницу
Вспомни, принеси съ собой;

Чтобъ отличить пѣвца гробницу,
Повѣсь подъ дубомъ надо мной.

Она въ полночный часъ, унылой,
Тебѣ пѣвца напомянетъ;
Со стономъ вѣтра надъ могпой
И свой надгробный стонъ сольетъ. —

Но если, бурей роковою
Въ страны чужія занесетъ,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребенъ:

Не усладитъ п вздохъ единый
Тамъ тѣни горестной моей,
И мой надгробный холмъ, пустынный,
Лишь будетъ сходбищемъ звѣрей.

Въ ночи надъ нимъ сова завоетъ,
Возсѣвъ на преклоненный крестъ;
И сердце путника занетъ,
Онъ убѣжитъ отъ скорбныхъ мѣстъ.

Но, можетъ быть, надъ нимъ стеная,
Гласъ томный горлица прольетъ;
И пѣснью путника плѣняя,
Къ моей могилѣ привлечетъ;

Быть можетъ, путникъ — сынъ печали,
И сядетъ на могилу онъ:
И склонится на мигъ, усталый,
Въ задумчивый и сладкій сонъ;

Настрою духъ свой умпленный
Къ мечтамъ, и ими пробужденъ,
Онъ молвить, крестъ обнявъ склоненный:
„Здѣсь вѣрно добрый погребенъ!“

Быть можетъ... Что-жь мой духъ томится?
Пускай хоть съ чуждою землею,
Хотя съ родною прахъ смѣсится,
Узрю я вновь моихъ друзей!

КЪ К. Н. БАТЮШКОВУ.

(1807 г.)

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живетъ?
Когда поклонншься Цепату,
Который дни мои блюдетъ?

Приди, раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ,
И вмѣстѣ — пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвятимъ;

А вечеръ, скучный долгою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылахъ.

Туда, туда, въ тотъ край счастливый,
Въ тѣ земли солнца полетимъ,

Гдѣ Рима прахъ краснорѣчивый,
Иль градъ святой, Ерусалимъ.

Узримъ средь дикой Палестины
За Божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, Паладины
Летѣли въ битвахъ умирать.

Пѣвецъ ихъ, Тассъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ.

Иль мой пѣвецъ — царь пѣснопѣннй,
Неумирающій Омиръ,
Среди безчисленныхъ видѣннй
Откроетъ намъ весь древнй міръ.

О, пѣснь волшебная Омира
Насъ вмигъ перенесетъ, пѣвцовъ,
Въ край героическаго міра
И поэтическихъ боговъ:

Зевеса, мечущаго грома,
И всѣхъ безсмертныхъ вокругъ Отца,
Ппры ихъ свѣтлые, и дома
Увидимъ въ пѣсняхъ мы Слѣнца.

Иль посѣтимъ Морвенъ Фингаловъ,
Ту Сельму, домъ его отцовъ,

Гдѣ на прахѣ сто арфѣ звучало,
И пламенѣло сто дубовъ;

Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой,
И только звѣздъ безсмертныхъ очи
Тамъ свѣтятъ съ блѣдною луной.

Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ
О битвахъ и дѣлахъ былыхъ;
И лирой — тѣни вызываетъ
Могучихъ праотцевъ своихъ.

И вотъ, Тренморъ, отецъ героевъ,
Чертогъ воздушный растворивъ,
Летитъ на тучахъ съ сонмомъ воевъ,
Къ пѣвцу и взоръ и слухъ склонивъ.

За нимъ тѣнь легкая Мальвины,
Съ златою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ тѣнію Моины,
Плывутъ на легкихъ облакахъ. —

Но другъ, возможно ли словами
Пересказать или описать,
О чемъ случается съ друзьями
Подъ часъ веселый помечтать?

Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ которымъ хоть мечта живетъ:
Въ дняхъ сумрачныхъ день сердцу ясный
Онъ хоть въ мечтаніяхъ найдетъ..

Жизнь наша есть мечтанье тѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.
Приди-жь подъ кровомъ дружной сѣни
Повеселиться хоть въ мечтахъ.

СЕМЕНОВОЙ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА ТРАГЕДІИ: «ЛЕАРЪ».

(1808 г.)

Прими, Корделія, Леара своего:
Онъ твой, твои дары украсили его. —
Какъ арфа золотая,
Подъ вдохновенною рукою оживая,
Измѣняетъ насъ, разитъ гармоніей своею:
Равно душа твоя страстями наполняясь,
Такъ быстро въ видахъ ихъ и звукахъ измѣняясь,
Мертвитъ насъ и живитъ огнемъ игры твоей!

.....

Могущество даровъ и прелестей твоихъ
Обезоружило и критиковъ моихъ:

Когда волшебствомъ ты искусства
То раздирала намъ, то умиляла чувства,
Какъ слезы, вѣстники довольныхъ душъ, текли;
Сатира блѣдная вдали

Въ смущеньѣ на тебя, въ безмолвіи взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отпрала. —

Свершай путь начатый, — онъ труденъ, но почтенъ;
Дается свыше даръ, и всякій даръ священъ!
Но ихъ Природа намъ не втунѣ посылаетъ:
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершенуетъ;
Цѣни его и уважай,
Искусствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь — за
славой!

Пусть Зависть мрачная вслѣдъ за тобой ползетъ
И дышетъ на талантъ безсильною отравой;
Или пусть съ тобою въ споръ, безстыдная, дерзнетъ:
Ей съ шумомъ пасть подъ собственнымъ позоромъ!
Лишь ты спокойна будь; и гордо-яснымъ взоромъ,
И свѣтлаго чела спокойствіемъ однимъ

Ты, какъ стрѣлами Аполлона,
Пронзишь исчадіе нелѣпаго Тифона!

Почтеннымъ торжествомъ такимъ
Убьешь всѣ козни ты, и ревность дерзновенныхъ,
Съ тобой идти путемъ однимъ,
Соперницъ и враговъ надменныхъ.

Но какъ прекрасно, какъ возвышенно сказать:

„Враговъ я не имѣю;

Соперницъ — я люблю, или о нихъ жалѣю;
Хочу и въ славѣ ихъ участие принимать;

Одни искусства насъ связали:

Хочу я раздѣлять ихъ радость и печали.“

Счастливъ такъ мыслящій! Онъ миръ въ душѣ
хранить,

А Зависть мрачная у ногъ его лежитъ.
Такъ дубы на холмахъ, соединясь корнями,
Спокойные растутъ, одинъ другимъ крѣпясь;
И въ адъ стопами ихъ упрясь,
Касаются небесъ ихъ гордыми главами;
Колеблясь бурейю дебелые ихъ пни,
Ни подъ перунами не падаютъ они,
Живутъ одинъ другимъ, смѣясь надъ громами;
Но между тѣмъ, подъ ихъ широкими тѣнями,
Во прахѣ видятъ подлыхъ змѣй,
Гдѣ часто бой онѣ со свистомъ начинаютъ
И черной кровію своей
Ихъ корни обагрятъ.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

(1809 г.)

Страшна, о Задумчивость, твоя власть надъ душою,
Унынія мрачнаго блѣдная мать!

Одни ли несчастные знакомы съ тобою,
Что любишь ты крови лишь ихъ посѣщать?
Или тебѣ счастливыхъ невступны чертоги?

Иль вѣчно врата къ нимъ златны стрегутъ
Утѣхи — жилищъ ихъ блюстили-боги? —

Нѣтъ, твой не въ чертогахъ любимый пріютъ;
Тамъ нѣтъ ни безмолвія, ни думъ, ни вздыханій.

Хоть есть у счастливыхъ дни слезъ и скорбей:
Ихъ стоны не слышимы при шумѣ ласканій,

Ихъ слезы не горьки на персяхъ друзей.
Бѣжишь ты ихъ шумныхъ чертоговъ блестящихъ;

Тебя твое мрачное сердце стремить
Туда, гдѣ безмолвная обитель скорбящихъ,
Иль гдѣ одинокій страдалецъ груститъ.

Увы! не на радость приходишь ты къ грустнымъ,

Какъ другъ ихъ, любезная сердцу Мечта:
Витаеть она по дубравамъ безмолвнымъ;
Равно ей пустынные мѣста,
Гдѣ въ думахъ таинственныхъ часто мечтаеть,
И, дочь печали, груститъ и она;
Но взоръ ея томный отрадой сіяеть,
Какъ ночью осенней въ туманѣ луна;
И грусть ея сладостна и слезы пріятны,
И образъ унылый любезенъ очамъ;
Минуты бесѣдъ ея несчастнымъ отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзамъ:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть блѣдной надеждой она ихъ живить,
И робкій въ грядущее взоръ устремляя,
Хоть призракомъ счастья несчастному льститъ. —
Но ты, о Задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящаго въ грусти нѣмой,
И думы вокругъ черныя простря надъ главою,
Заводишь бесѣды съ его лишь тоской;
Не съ тѣмъ, чтобъ усталую грудь отъ вздыханій
Надежды отрадной лучемъ оживить;
Нѣтъ, призраки грозные грядущихъ страданій
Ему ты заботишься въ думахъ явить;
И смотришь, какъ грустнаго глава поникаеть,
Какъ слезы струить онъ изъ томныхъ очей,
Которыя хладная земля пожираеть.
Когда жъ изнуренный печалью своею,
На одрѣ онъ безрадостный, на одрѣ одинокій
Не въ сонъ, но въ забвеніе страданій падеть,
Когда въ его храмину, въ часъ ночи глубокой
Послѣдній другъ скорбныхъ, Надежда, придетъ,

И съ лаской къ спротскому одру приникаетъ,
Какъ нѣжная мать надъ сыномъ стоитъ,
И пѣсни волшебныя надъ нимъ воспѣваетъ,
Пока его въ тихихъ мечтахъ усыплетъ;
И въ мигъ сей послѣдняго душъ наслажденья,
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:
Перстомъ, наваждающимъ мечты и видѣнья,
Касаясь челу его, сонъ ты мятешь;
И духъ въ немъ, настроенный къ мечтаньямъ унылымъ,
Тревожишь, являя въ видѣньяхъ ночей
Иль бѣдствія жизни, иль ужасъ могилы,
Иль призраки блѣдные мертвыхъ друзей.
Онъ зрѣтъ незабвеннаго, онъ гласъ его внемлетъ,
Онъ хочетъ обнять ему милый призракъ,
И одръ лишь холодный несчастный объемлетъ,
И въ храминѣ тихой находитъ лишь мракъ!
Падетъ онъ, встревоженный и горько прельщенный;
Но сонъ ему болѣ не сводитъ очей.
Такъ дни начинается онъ на грусть пробужденный,
Свой одръ одинокій бросая съ зарей:
Ни утро веселостью, ни вечеръ красами
Въ немъ сердца не радуютъ: мертвъ онъ душой;
При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями,
Вездѣ, о Задумчивость, одинъ онъ съ тобой!

СНИГИРЬ.

(1809 г.)

Въ избѣ Пустынника Снигирь по волѣ жилъ:
По волѣ, то есть, могъ вылетывать изъ клѣтки,
Глядѣть въ окно сквозь сѣтки;
Но дѣло не о томъ: онъ страстно пѣть любилъ.
Пустынникъ самъ игралъ прекрасно на свирѣли
И, въ птицѣ видя страсть, онъ пѣть ее училъ
И подъ свирѣль свистать людскія трели. —
Снигирь ихъ перенялъ, и на голосъ людской
Свистя, какъ звонкая свирѣль, переливался.
Пустынникъ, на руку склоняясь головой,
Не разъ пѣвцомъ по часу любовался.
Снигирь мой счастливъ былъ!
Чего-бъ еще хотѣть въ такой счастливой части?
Пустынникъ Снигиря любилъ,
И самъ изъ рукъ его кормилъ.
Но мучать, знать, и птицѣ враги покоя — страсти. —
Унылъ Снигирь и мало пѣлъ,
И часто пасмурный сидѣлъ
На клѣткѣ у окошка,
Въ которую его пустынникъ запиралъ
Лишь на почъ, чтобъ пѣвца не подхватила кошка.
И вотъ о чемъ Снигирь, случась одинъ, мечталъ:

„Къ чему мнѣ все ученье?
Кто слушаетъ мое здѣсь пѣнье?

Хозяинъ мой да котъ!

Для нихъ весь день дерю ротъ!

Что прибыли въ такой и волѣ?

Ахъ, если бы въ лѣсу я, въ полѣ,

Хоть разъ межъ птицами на ладъ людской запѣлъ,

Какого птицѣй родъ не слыхивалъ отъ вѣка,

Они-бъ, дивясь, почли, что слышать человѣка!

Меня-бъ и Соловей послушать прилетѣлъ.

Да что же?—я не запертъ въ клѣткѣ:

Но на окно вѣдь сѣть опущена.

Ахти! она

Никакъ разорвана? —

Такъ точно; вылечу, спою на ближней вѣткѣ...”

Сказалъ, вспорхнулъ, въ лѣсъ темный полетѣлъ,

И стаю рѣзвую увидѣвши пернатыхъ,

Онъ сѣлъ

Между пѣвицъ и пѣвуновъ крылатыхъ;

И сѣвши, посвистомъ всю рощу огласилъ.

Пернатые вздрогнули.

Другъ на друга взглянули

И замолчали всѣ; а мой пѣвецъ, что силъ,

И громкой флейтою, и тихою цѣвницей

Свисталъ на ладъ людской предъ птицьею станицей.

„Да что это за новый ладъ?..“

Щегленокъ, Дроздъ и Чижъ заговорилъ съ Спницей:

„Онъ не чирикаетъ, онъ и свиститъ не птицей,

Поетъ, какъ человѣкъ — ну что это за складъ?

Избави Боже насъ отъ такого тона!..“ —

„Вотъ каркать бы умѣлъ,“

Сидѣвшая на пнѣ закаркала Ворона.

„Куда какой хитрецъ!“

Картавый засвисталъ Скворецъ,
„Поетъ какъ человѣкъ! Ты видно, братъ, ученый?..

Слыхали мы такихъ — прощай!

Тебѣ-ль ужь былъ чета тотъ Попугай зеленый.. “ —

„Да, да, тебѣ-ль чета зеленый Попугай!“

Скворца Сорока перервала,

„Котораго въ дому господскомъ я видала;

Вѣдь какъ кричалъ — да я его перекричала.

А ты отколь? ты что поешь?“ — „Поетъ онъ вздоръ!“

Весь разомъ закричалъ пернатыхъ мелкій хоръ. —

А мой пѣвецъ, оставя вѣтку,

Скорѣй домой, скорѣй на клѣтку

Вспорхнулъ и опустилъ головку подъ крыло. —

Не много времени прошло,

Какъ и Пустынникъ самъ явился:

Съ порога до лѣсу онъ бѣглеца слѣдилъ,

И слышалъ, какъ надъ нимъ судъ птичій совершился.

„Товарищъ, онъ сказалъ, что такъ ты приунылъ?“ —

„Ахъ, дѣдушка! ахъ, гдѣ я былъ!

Зачѣмъ я пѣнію людскому научился!..“

„Не для того, мой другъ, чтобъ пѣніемъ людскимъ

Ты передъ птицами хвалился.

Тебѣ урокомъ симъ

Пусть опытъ истину полезную откроетъ:

Что и у насъ, людей,

Тотъ завсегда слыветъ умнѣй,

Съ волками кто по-волчьи воетъ.“

Д Р У Ж Б А.

КЪ БАТЮШКОВУ.

(1810 г.)

Дни юности, быстро вы быстро промчались!
Исчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
А прежнія скорби на сердцѣ остались;
Къ чему же и сердце оставлено мнѣ?

Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
Ему измѣнила молодая любовь!
Но если бы сердце и съ дружбой простилось,
Была бы и жизнь мнѣ даръ горькій боговъ!

Остался-бъ я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стѣня;
Но вѣрная дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
Что отняла скрывшись любовь у меня.

Священною дружбой я все замѣняю:
Она мнѣ опора подъ промѣ годовъ,

И спутница будетъ къ прощальному краю;
Куда насъ такъ рѣдко доводитъ любовь.

Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
Зеленая въ осень и въ зиму стоитъ;
Равно неизмѣнная дружба святая
До гроба живительный пламень хранитъ.

Укрась же, о дружба, мое пѣснопѣнье,
Простое, внушенное сердцемъ однимъ;
Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
Хоть въ памяти друга да будетъ хранимъ.

НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ.

(1810 г.)

Амуры, Зефиры, утѣхъ и смѣховъ боги,
И вы, текущія Киприды по слѣдамъ,
О Нимфы легконоги,
Разсѣянны въ поляхъ, по рощамъ и холмамъ,
И съ распущенными Хариты поясамъ,
Стекайтесь сюда плачевными толпами!

Царицы нашей нѣтъ!...

Вотъ ваше счастье, веселіе и свѣтъ,
Смотрите — вотъ она безгласна, бездыханна,
Лежитъ недвижима, хладна,
И непробудная отъ роковаго сна.

* * *

Данилова! ужели смерть нещадно
Коснулась твоего цвѣтушаго чела?

Ужель и ты прешла?...

Нѣтъ, не прешла она, не отнята богамъ
Отъ непризнательныхъ, безчувственныхъ людей.
Такъ, боги, возжелавъ ихъ мощь явить на ней,
Ущедрили ее небесными дарами:
Вдохнули въ видъ ея, во всѣ ея черты,
Пріятность граціи, сильнѣйшу красоты;
Вліяли въ душу огонь, котораго бы сила

Краснѣе всѣхъ рѣчей безмолвно говорила;
Чтобъ въ дарѣ семъ она единственной была,
И смертныхъ бы очамъ изобразить могла
Искусство дивное, какимъ дѣвѣ чистыхъ хоры
На звѣздныхъ небесахъ боговъ плѣняють взоры.
Но помраченному ль невѣжествомъ уму
Плѣняться прелестью небесныхъ дарованій?
Нѣтъ, счастье сіе лишь суждено тому,
Кто самъ дары пріялъ и свѣтъ обрѣлъ познаній;
А ты, Данилова, въ часъ жизни роковой,
Печальну истину, что болѣ между нами
Богатыхъ завистью, убогихъ же дарами,
Печальнымъ опытомъ познала надъ собой.
Едва на попроще со славой ты ступила,
И утро дней твоихъ, какъ ядомъ, отравила завистная
вражда!

Отъ нашихъ взоровъ ты сокрылась какъ звѣзда,
Котора, въ ясну ночь по небу пролетая
И взоры путниковъ сіяньемъ изумляя,

Во мракѣ исчезаетъ вдругъ
И въ думу скорбную ихъ погружаетъ духъ.
Кто вспомнить о тебѣ безъ слезнаго жалѣнья?

Богъ скупъ въ такихъ дарахъ
И шлетъ ихъ изрѣдка людей для украшенья.

Но что теперь въ слезахъ?..
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни сокрушеній,
Ни злобы умысловъ, ни зависти гоненій;
Она въ хоръ чистыхъ дѣвѣ къ Олимпу пренеслась,
И въ вѣчну цѣнь любви съ Харитами спелась.

КЪ БАТЮШКОВУ,

ПРИ ПОДАРКѢ ЕМУ БѢЛОЙ КНИГИ.

(1811 г.)

На память дружбы мнѣ, любимецъ Аопидъ
Чернильницу дарить,
Прекрасную, но безъ чернилъ, *пустую*.
О, даръ краснорѣчивъ! — Пускай же мой поэтъ
И отъ меня бумагу не простую,
Британскую, но *чистую* приметъ.
Квитаюсь искренно, и нельзя лучше сладить;
Другъ друга мы даримъ какъ *честные* друзья:
Писавъ стихи, чернилъ не долженъ тратить я;
А ты ихъ не писавъ, не долженъ время тратить.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІО.

Musis amicus. Кн. I, од.

А. Н. О.

(1812 г.)

Иптомецъ Піеридъ — и суеты и горе
Я вѣтрамъ отдаю, да ихъ поглотитъ море!
И чуждъ мірскихъ цѣней,
Въ моей свободной долѣ
Я не страшусь царей,
Дрожащихъ на престолѣ;
Но Діа чту и Музъ и Фебовыхъ жрецовъ.
О веселящаясь на высотѣ холмовъ,
Или въ тѣни долинъ пространныхъ,
Гдѣ сребренный шумѣтъ потокъ,
Нарви цвѣтовъ благоуханныхъ
И свей, Піерида, достойному вѣнокъ.
Не звученъ пѣсней гласъ тобой не вдохновенныхъ;
Коснися жъ струнъ моихъ волшебной ты рукой
И мужа возвеличь безсмертною хвалою,
Достойнаго тебя и сестръ твоихъ священныхъ.

Д Р У Ж Б А.

къ ***

(1813 г.)

Клянусь *любовію* на дружество съ тобой,
Когда безчувственной къ любви ты не была. —
Но, другъ мой, слишкомъ ты прелестна и мила,
Чтобъ не пылатъ къ тебѣ и дружбой, какъ любовью.

Ты ропщешь, и восторгъ находишь мой нескромнымъ?
Клянуся, какъ могу, въ душѣ его скрывать;
И буду я умѣть, не бывши вѣроломнымъ,
Прелестную, по гробъ, какъ друга обожать!

ДЛЯ РОЗОВАГО ПАВИЛЬОНА
ВЪ ПАВЛОВСКѢ.

(1814 г.)

Какъ, Государыня, мнѣ дерзко такъ мечтать,
Чтобъ каждый разъ въ Твоей обители чудесной,
На лирѣ, по Твоимъ лишь благостямъ извѣстной,
Твое священное мнѣ Имя воспѣвать?.. *)

Но въ сей странѣ, Тобой благополучной,
Меня и эхо устыдить:
И эхо о Тебѣ здѣсь громче говоритъ,
Чѣмъ голосъ мой незвучной.

*) Императрица Марія Ѳедоровна, при случайномъ проѣздѣ
моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною
какіе-либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ.

ОТВѢТЪ

НА ПОСЛАНИЕ ГР. Д. И. ХВОСТОВА, НАПЕЧАТАННОЕ
1810 года.

(1814 г.)

Мнѣ можно ли, Хвостовъ, любовью льститься Музъ?
Мнѣ можно ли вступать съ безсмертными въ союзъ,
Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю?
И дурень я, и хворъ, и денегъ не имѣю.
Но еслибъ я расцвѣлъ и къ чуду сталъ богатъ, —
Парнаскихъ дѣвъ дары земные не прельстятъ:
Онѣ красавицы не нынѣшняго вѣка,
Онѣ всегда глядятъ на душу человѣка;
И если чистая души въ немъ глубина
Священнымъ отъ небесъ огнемъ озарена,
Коль духъ въ немъ пламенный, восторгомъ окрыленный,
И къ небу звѣздному парить неутомленный
И погружается безтрепетный во адъ, —
Сей смертный чистыхъ дѣвъ вездѣ преклонитъ взглядъ.
И рыбарь, даромъ симъ ущедренный отъ неба,
У хладныхъ водъ Невы плѣнилъ и Музъ и Феба.
Мнѣ, изволеніемъ всеправящихъ боговъ,
Не суждено въ удѣлъ сихъ высреннихъ даровъ.
Мой духъ лишь воспаленъ любовію къ наукамъ,

Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ;
 И счастливъ, чувствуя волшебну сладость ихъ.
 Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ:
 Восторженной душой при гласѣ лиръ священныхъ,
 Живой я восхожу на пиръ боговъ блаженныхъ!
 Хвалюсь симъ счастьемъ, но въ немъ весь мой удѣлъ,
 И перейти его напрасно бѣ я хотѣлъ;
 А кто, горя однимъ честолюбивымъ жаромъ,
 Дерзаетъ, Фебовымъ его считая даромъ,
 Идти поэтамъ вслѣдъ — стремится тотъ всегда
 По славнымъ ихъ слѣдамъ искать себѣ стыда.
 Но ты, о ревностный поклонникъ Аполлона,
 Стремись, Хвостовъ, имъ вслѣдъ къ вершинамъ Ге-
 ликона,
 Куда нашъ Невскій Бардъ, Державинъ, какъ орелъ,
 Чрезъ многотрудный путь столь быстро прелетѣлъ. —
 Я жъ тихомолкомъ жизнь невѣдому свершая,
 И древняго пѣвца гласъ робко повторяя,
 Ни славы не добьюсь, ни денегъ не соберу
 И, вопреки тебѣ, съ стихами весь умру.
 Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу быть мученикомъ славы,
 И всѣ твои, Хвостовъ, совѣты какъ ни правы,
 Слѣпому Плутусу я также не слуга *):
 Давно онъ чести врагъ, а честь мнѣ дорога.
 Нѣтъ, лучше темною пойду своей стезею,
 Хоть съ сумкой за плечми, но съ чистою душою.
 Когда же Парки мнѣ прядутъ съ кострицей нить,

*) Въ посланіи сочинитель шута предлагалъ мнѣ войти въ откупы.

Ее терпѣніемъ я стану золотить,
И злобный рокъ поправъ, безъ страха и безъ стона
Увижу дикій берегъ скупаго Ахерона.
Дотолѣ жъ объ одномъ молю моихъ Пенатъ:
Да въ свѣжести мой умъ и здравіе хранятъ,
И въ дни, какъ сердце мнѣ кровь хладная обляжетъ,
Какъ старость мрачная мои всѣ чувства свяжетъ,
Да боги мнѣ тогда велятъ оставить міръ,
Чтобъ болѣ я не жилъ безчувственъ къ гласу лиръ.

СЪТОВАНИЕ ΘΕΤΙДЫ

НА ГРОБЪ АХИЛЛЕСА.

(1815 г.)

Увы мнѣ, богинѣ, рожденной къ бѣдамъ!
И матери въ грусти, навѣкъ безотрадной!
Зачѣмъ не осталась, не внемля сестрамъ,
Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
Связать свою долю со смертной женой?..

Увы, я родила единого сына!
При мнѣ возрасталъ онъ, любимецъ боговъ,
Какъ пышное древо, долинь украшенье,
Очей моихъ радость, души наслажденье,
Надежда Ахейнъ, гроза ихъ враговъ!
И сына такого, Эллады героя,
Создателя славы Ахейскихъ мужей,
Увы, не узрѣла притекшая съ боя,
Къ груди не прижала отрады моей!
Младый и прекрасный Троянъ побѣдитель

Презрѣннымъ убійцею въ Троѣ сражень!
 Дѣламп — боговъ изумившій воптель,
 Какъ смертный ничтожный, землею поглощенъ!

Зевесъ, гдѣ обѣтъ твой? Ты клялся главою,
 Что славой, какъ боги, безсмертенъ Пелидъ;
 Но рать еще зрѣла пылавшую Трою,
 И Трон рушитель былъ ратью забытъ!
 Изъ гроба былъ долженъ подняться онъ мертвой,
 Чтобъ чести для праха у Грековъ просить;
 Но, чтобъ ихъ принудить почитать его жертвой,
 Былъ долженъ Зевесъ, ты природы смутить;
 И самъ, ужасая Ахеянъ народы,
 Сномъ мертвымъ сковалъ ты имъ быстрыя воды *).

Отчизнѣ пожертвовавъ жизнью молодой,
 Что добылъ у Грековъ ихъ первый герой?
 При жизни обиды, по смерти забвенье!
 Что-жъ божіе слово? одно ли прельщенье?
 Не разъ прорекалъ ты, безсмертныхъ Отецъ:
 „Героевъ безсмертьемъ пѣвцы облакаютъ.“
 Но два уже вѣка свой кругъ совершаютъ,
 И гдѣ предреченный Ахиллу пѣвецъ?
 Увы! о Кронидъ, прельщены мы тобою!
 Мой сынъ злополучный, мой милый Ахиллъ,

*) Безвѣтріе, долго удерживавшее Грековъ отъ отплытія въ дома, истолковано было Калхасомъ, жрецомъ, какъ посланное Зевесомъ, гнѣвнымъ на Грековъ, медлившихъ воздать Ахиллесу честь, закланіемъ на гробъ его Поликсены, — честь, которой онъ, являясь изъ гроба грозною тѣнью, себѣ требовалъ.

Своей, за отчизну сложенной, главою
Лишь гробъ себѣ темный въ пустынь купилъ!
Но если обѣты и Зевсъ нарушаетъ,
Кому тогда вѣрить, въ кого уповать?
И если Ахиллъ, какъ Тетисъ, погибаетъ,
Что слава? Кто будетъ мечты сей искать?
Ничтожно геройство, труды и дѣянья,
Ничтожна и къ чести, и къ славѣ любовь,
Когда ни отъ смертныхъ имъ нѣтъ воздаянья,
Ниже отъ святыхъ, правосудныхъ боговъ.

Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ ты богами!
И памяти ждать ли отъ хладныхъ людей?
Твой гробъ на чужбинѣ, изрытый вѣкамъ,
Забудется скоро, сравнявшись съ землей!
И ты, моей грусти свидѣтель унылой,
О ульмъ, при гробницѣ взлелѣянный мной,
Изсохнешь и ты надъ сыновней могилой;
Одна я останусь съ безсмертной тоской!
О, сжапись хоть ты, о Земля, надо мною!
И если не можешь мнѣ жизни прервать,
Сырая Земля, разступись подъ живою,
И къ сыну въ могилу прими ты и мать!

ЕКАТЕРИНЪ ПАВЛОВНЪ,

КОРОЛЕВЪ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ,

ПРИ ВОСШЕСТВІИ ИХЪ КОРОЛЕВСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ НА
ПРЕСТОЛЪ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ.

(1816 г.)

Не долго, Сѣвера прекрасная звѣзда!
Не долго безъ лучей подъ небомъ ты скрывалась,
Куда тебя вела высокая чреда,
Чтобъ новая страна тобою осіялась.
Ты, озарившая божественнымъ челомъ
Высокій виртембергскій домъ!
Ведомая рукой супруга и героя,
Какого счастья и покоя,
Какихъ для всѣхъ надеждъ ты вѣстницей была,
Когда съ собою имъ несла
Величіе Петра и духъ Екатерины,
И Брата славнаго блистательность судьбины! —
И всѣ надежды тѣ свершились для людей:
На тронъ, юная Фелица!
О, ты давно была сердецъ и душъ царица

Умомъ, и красотой, и благодѣею твоей!
И если къ Сѣверу благое Провидѣнье
Тебя похитило отъ отческой страны,
Конечно, равное его благоволенье
Склонили на себя Германіи сыны.

О, какъ я восхищенъ, ихъ счастье прорицая;
Провижу духомъ я сердецъ ихъ торжество!
И съ ними длань твою священную лобзая,
Въ тебѣ я и мое чту съ ними божество.

НА ФРАНЦУЗСКІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ЗНАМЕНА

ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ,

изъ которыхъ на одномъ видна надпись:

Qu'est ce que Dieu? *)

(1816 г.)

Произнеси въ семъ храмѣ, нечестивый,
Что Божество!...

Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ Вѣры торжество! —

Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе столпивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли! —

*) Оно стоитъ у главныхъ дверей, налѣво при входѣ, и отличается якобинскими колпаками, по угламъ нарисованными.

Уже торжествовало;
И крестъ и скиптръ попрадо въ прахъ,
И кровію царя на гордыхъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало!
И кликъ ужасный: „Бога нѣтъ!“
Уже, какъ ада ревъ, смутилъ весь божій свѣтъ...

И гдѣ Титановъ легіоны?
Гдѣ богоборныя, кровавыя знамены? —
Во храмъ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожація передъ Его святыней,
Пошкпнули у прага алтаря,
Съ уничиженною безбожія гордыней!

РОЖДЕНІЕ ГОМЕРА.

(Посвящено С. С. Уварову).

(1816 г.)

I.

Съ тѣхъ дней, какъ въ Троѣ жизнь могучаго Пелида
Убійцей прервана предъ брачнымъ алтаремъ,
Прошли вѣка; но скорбь глубокую о немъ
Хранила въ сердцѣ мать, безсмертная Тетидѣ.

„Героевъ подвиги во гробѣ не умрутъ;
Какъ холмы, гробы ихъ безсмертьемъ процвѣтутъ.
Поэзія — глаголъ святаго вдохновенья,
Доколѣ на землѣ могущественъ и святъ,
Героямъ смерти нѣтъ, нѣтъ подвигамъ забвенья:
Изъ вѣковыхъ гробовъ пѣвцы ихъ воскресятъ.“

Такъ утѣшалъ Зевесъ печальную Тетиду,
Когда она, взошедъ въ высокій бога домъ,
Напомнила ему о знаменіи томъ,
Какимъ онъ утвердилъ безсмертіе Пелиду;
Такъ утѣшалъ онъ мать. — Межъ тѣмъ, рука временъ
Дѣла полубоговъ съ лица земли стирала
И самую Молву съ вѣками увлекала,
Хранительницу дѣлъ сихъ древности племенъ.

Съ тѣхъ дней, какъ палъ Пелидъ, два вѣка ¹⁾ протекали,

Но дѣлъ его пѣвцы отъ мрака не спасли;
 Какъ эхо, пѣсни ихъ, раждаясь, умирали;
 Краснорѣчивый прахъ безмолвствовалъ въ земли;
 О славномъ воинѣ Ахейцамъ говорила
 Одна, въ землѣ чужой, пустынная ²⁾ могила.

Давно Пеліда мать не видѣла при ней,
 Какъ въ дни минувшіе, ни жертвъ, ни алтарей;
 Въ тѣ дни, когда, храня завѣтъ боговъ священный,
 Додоны вѣщими дубами прореченный:
Чтить Ахиллеса гробъ, отечеству святой —
 Сыны Тессаліи ко берегу Иліона,
 На поклоненіе могилѣ Пеліона,
 Въ урочный года срокъ, стекались толпой.

Бывало, чернымъ ³⁾ одѣтый парусами
 Корабль, съ дружиною, и хоромъ, и жрецами
 Къ Троадѣ приливалъ, и съ гимномъ гробовымъ
 Въ пристанище входилъ подъ сумракомъ ночнымъ;
 И въ жертву храброму на берегъ Иліона
 Все несъ родимое съ земли его отцовъ,
 Все Тессалійское: и пламень, и тельцовъ,
 И воды Сперхія и кедры Пеліона.
 И становилася могила алтаремъ;
 Кругомъ пылалъ огонь, дымъ жертвъ курился тучный;
 И сонмы юношей съ увѣнчаннымъ челомъ,
 Сливали съ лирами свой голосъ сладкозвучный;
 Другой сонмъ юношей, воинственныхъ, младыхъ,
 Блистая красотой ихъ тѣлъ полунагихъ,

Лишь съ коньями въ рукахъ и мѣдными щитами,
Въ шеломахъ, конскими покрытыхъ волосами,
Сплетясь въ Арсеевъ хоръ, плѣнительный очамъ,
И коньями звуча по звонкимъ ихъ щитамъ,
Вкругъ гроба пляскою воинственной летали
И крикомъ страшнымъ тѣнь Ахилла вызывали.

Все смолкнуло; герой забыть родной землей!
Въ развалинахъ его надгробныхъ алтарей
Вылъ вѣтръ; могилы же его уединенной
И пастырь убѣгалъ, молвою уstraшенной.
Давно вкругъ нея лишь ужасъ обиталъ;
Не разъ, нарушивши молчаніе ночное,
Огромный Ахиллесъ изъ гроба вставалъ,
И грозный, ужасалъ созданіе живое,
Чтобъ память о своихъ заслугахъ и дѣлахъ
Вновь пробудить, въ людскихъ умершую сердцахъ.

Все скрылось отъ земли, что Ахиллеса чтило.
Лишь сердце матери въ теченіе вѣковъ
Безсмертной, какъ сама, любви не измѣнило.
Мать, грусти вѣрная, забывъ обѣтъ небесъ,
Тотъ день, какъ сынъ ея погибъ стрѣлой Париды,
На вѣки обрекла для горести и слезъ,
Чтобъ участь мрачную оплакивать Пелиды.
И каждый годъ въ сей день, въ тиши ночныхъ часовъ,
Изъ волнъ лазоревыхъ богиня выходила
Къ полямъ, гдѣ бытія Пелидова слѣдовъ
Десница времени еще не истребила;
Гдѣ Ксанѳъ и Симоисъ, прахъ Трои, рядъ могилъ
И каждый камень ей о сынѣ говорилъ.

Тамъ, надъ могилою заглохлой и пустынной,
Но гордою еще всѣхъ высшею главою,
Чернѣвшей издали надъ пѣнною пучиною,
Θетида каждый годъ являлась въ часъ ночной. —
Съ богиней скорбь дѣля, и сестры Перепды
Бросали каждый годъ Нерее влажный домъ;
И выходя изъ волнъ, вокругъ горестной Θетиды
Садилась сѣтовать на холмъ гробовомъ.
И, то безмолвныя грустили вокругъ богини,
То, вторя плачущей стенаніемъ своимъ,
Смущали тишину и ночи и пустыни,
И плачь ихъ вѣтромъ былъ далеко разносимъ.
Далеко слыша ихъ, смолкала Филомела.
Недвижно Цинтія на горестныхъ смотрѣла
И слезы тихія задумчиво лила.
Такъ пѣснь ихъ жалобна, такъ сладостна была.

„О милыя сестры, о дщери Нерее!“
Къ нимъ часто Θетида вопила, стѣня:
„Любви не извѣдавъ, не знавъ Гименея,
Стократно вы, дѣвы, счастливей меня!
Невѣдома грусть вамъ быть матерью сына
И все съ нимъ, единственнымъ, въ міръ терять.
На бѣдство богиня, на горе я мать!
И нѣтъ мнѣ отрады, кабую судьбина
Послала для смертныхъ несчастныхъ сердецъ,
Найти хоть въ могилѣ — печалей конецъ!“

Такъ года протекли, такъ вѣка миновали;
Θетидѣ данныхъ клятвъ не исполнялъ Зевесъ:
Вѣка не унесли Θетидиною печали,

Она отчаялась и въ промышлѣ небесъ.
И нѣкогда, въ сей день, для плача посвященный,
Одна, безъ Нерейдъ, возникла изъ зыбей,
И на сыновній гробъ возсѣвъ уединенный,
Душой предавшись всей горести своей,
Мечтаній полная о незабвенномъ сынѣ,
Мать повѣряла тамъ печаль свою пустынѣ. —
Глубокой наконецъ тоской омрачена,
Взронтала на свое безсмертіе она;
Мечтая прекратить жизнь для нея постылу,
Ударилась въ тоскѣ объ черную могилу;
И голосъ съ высоты богини крикнулъ въ слухъ:

„Встань, Нерейя дочь, и укрѣпи твой духъ:
Послѣднимъ былъ сей день, печали посвященный!“

Θетида встаетъ; и, взоръ поднявъ смущенный,
Зритъ бога надъ собой, метающаго громъ,
Сходящаго къ землѣ на облакѣ златомъ.
Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмая,
Мать бросилась предъ нимъ, стопы обнять шлая;
Но мрачныхъ думъ еще и горести полна:
„Кроніонъ!...“ наконецъ воскликнула она:
„Или плачевный стонъ тоски моей глубокой
Достигъ уже твоей обители высокой?...
Или надъ матерью ты сжалился, Зевесъ?“

Рекла, и, вновь упавъ къ ногамъ царя небесъ,
Рукой его стопы священные обьяла.

„О малодушная, вѣщаль ей Эгіохъ:
Ты-ль мыслила, что я забыть героя могъ?“

Ты-ль вѣчности моихъ завѣтовъ не познала?
Забыла-ль, что я самъ, поклявшись главою,
Не въ силахъ возвратитъ сей клятвы роковой?
Но есть еще Судьбы: законъ ихъ довременной
Отвести иль упредить — нѣтъ власти во вселенной.
Сии Судьбы виной, что черезъ столько лѣтъ
Еще не совершенъ священный мой обѣтъ,
Что блескъ безсмертныхъ дѣлъ — мракъ сокрываетъ
гробный,
Что въ пѣсняхъ не воскресъ твой сынъ богоподобный.
Но наконецъ Судебъ исполнился законъ,
И вдохновеннаго свершилося рожденье:
Изъ праха гласъ его подыметъ Иліонъ;
Онъ давнобытное, погрувшее въ забвенье,
Все въ образахъ живыхъ Элладѣ возвратитъ;
Въ нихъ зашумятъ моря, востанутъ грады, горы;
Вкругъ Трои загремятъ кровавой брани споры,
И царства цѣлыя онъ въ пѣснь сною вмѣститъ.
Глава поэта — міръ; въ ней все, земля и небо;
И все животворитъ онъ, вдохновенный Фебомъ.
Встань, гряди со мной, увѣруешь ты вновь,
Что непреложень ввѣкъ глаголь царя боговъ.“

Молча на облако возсѣла мать Пелида,
И, тучъ гонителя велѣніемъ Кронида,
Взвилось оно, какъ вихрь, къ эѳирнымъ высотамъ;
Какъ вихрь, перенеслось въ Ахейскимъ островамъ;
Спустилось на холмы счастливаго Іоса,
Межъ благовонныхъ древъ и пышнаго лотоса.
И шествовать Зевесъ веля богинѣ съ нимъ,
Но взорамъ чадъ земныхъ желая быть незримъ,

Сквозь рошу яворовъ, на злачный холмъ пологой
Грядетъ невидимый съ богиней среброногой.

Тогда въ полдневный путь вступалъ Гиперіонъ,
И отъ его лица твердь знойная пылала;
И томная земля какъ будто въ сладкій сонъ
И воды, и поля, и воздухъ призывала;
И, будто чувствуя присутствіе боговъ,
Невидимости ихъ природа измѣнила,
И, жертву имъ неся, дыханіе цвѣтовъ,
Благоуханіемъ весь воздухъ растворила.
Величественный Зевсъ съ холмовъ свой путь склонялъ.
Тамъ, при покатѣ ихъ, стоитъ уединенный,
Кругомъ бросая тѣнь, высокій лавръ священный;
При корнѣ ключъ шумитъ, прѣзрачный, какъ кристалль.
Подъ пышнымъ лавромъ тѣмъ сидитъ жена молодая;
У ногъ ея лежитъ младенецъ на цвѣтахъ,
Прелестный, радостный, съ улыбкой на устахъ,
Цвѣтами съ дѣтскою безпечною играя.
Недавно первенецъ, казалось, рожденъ;
И мать казалася отъ бѣдныхъ смертныхъ женъ:
Убогой ризою она была покрыта,
Но красотой цвѣла, какъ юная Харита.
Къ груди своей главой поникнувши, она
Сномъ амврозическимъ была окружена;
Дитя рѣзвилось въ цвѣтистой колыбели. —
И вдругъ Оетида зритъ: на лаврѣ девять птицъ
Явились, какъ снѣгъ, блестящихъ голубицъ,
И съ лавра низлетѣвъ, кругомъ младенца сѣли;
И тихо порхая, одна вослѣдъ другой,
Младенца дивнаго, казалось, лобзали,

Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли.
За ними пчелъ златыхъ являсь веселый рой
И, по цвѣтамъ кружась, влеченьемъ непонятнымъ.
Неслись къ его устамъ съ ихъ медомъ ароматнымъ.
Вдругъ, съ высоты небесъ на лавръ спустился орелъ,
Надъ колыбелю величественный сѣлъ,
Спокойно быстрый взоръ на солнце устремляя,
Которое текло въ средѣ небесъ пылая.
Младенецъ радостный весельемъ трепеталъ,
Несмешно, какъ орелъ, на солнце самъ взиралъ;
И юный взоръ его горѣлъ, какъ огонь денницы,
И дѣтскій крикъ его былъ стройный гласъ цѣвницы.

Зевесъ невидимый въ безмолвіи стоялъ;
Пелида мать чудясь на отроча взирала
И тихо, чуть дыша, Зевеса вопрошала:

„Кто, кто младенецъ сей, повѣдай, Эгіохъ?
Не богъ ли свѣтлыхъ водъ, или небесный богъ
Любовью посѣтилъ созданіе земное?
Надъ чадомъ зрю небесъ я знаменье святое.“

И Зевсъ ей: „Надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ
Почіетъ съ первыхъ дней божественный покровъ:
Любимецъ ихъ — пѣвецъ могучаго Пелида.“

„О милосердый Зевсъ!“ воскликнула Оетида;
И тихо на дитя невидимо прижавъ,
И очи и уста лобзаніемъ покрыла,
И сладкими его слезами оросила.
За ней Отецъ боговъ къ рожденному представъ,

Младенца оѣнилъ божественной рукою;
И юная душа земнаго существа,
Почувствовавши вдругъ присутство божества,
Взыграла жизнию и радостью святою;
И засіялъ свѣтло прекрасною звѣздой
Огонь, языкъ души, надъ юною главою.

„Но кто же смертный сей, сынъ тайнства священный?
Кому твой промыслъ далъ сей жребій возвышенный?
На сей ли онъ землѣ счастливой порожденъ,
Отъ Нимфъ ли родшая, или отъ смертныхъ женъ?
Не сынъ ли онъ царей, и отъ людей гоненья
Сокрытъ въ пустынѣ сей подъ взоры Провидѣнья?
Иль сынъ онъ пастыря счастливыхъ сихъ полей,
За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
Благословеннаго любовію твоей?
Кто онъ? повѣдай, Зевсъ, пѣвца сего рожденье?“

„Онъ сынъ возлюбленный природы и боговъ.
Въ свои объятія, на лоно изъ цвѣтовъ
Его отъ матери природа воспріяла;
Небесныхъ и земныхъ исполнила даровъ:
Уста амврозіей безсмертной наплатала;
Сихъ горлицъ простоту душѣ его дала
И силу гордую и быстрый взоръ орла;
Да будетъ пѣснь его — то сладостно журчащій
Токъ тихій при лучахъ серебряной луны,
То бурный водопадъ, съ нагорной вышины
Волнами шумными далеко вокругъ гремящій. —
Но, колыбель и гробъ Ахиллова пѣвца
Есть тайна для земли: невѣдомо рожденный

И неразгаданный, подъ именемъ слѣща
Пройдетъ онъ по землѣ; таковъ законъ священный
Судьбы; таинственный, какъ солнце, онъ возникъ,
Какъ солнце, онъ умретъ въ лучахъ безсмертной славы.“

„Но, Кроновъ сынъ, Судьбы суровые уставы
Не для Отца боговъ. — Ты мощенъ и великъ,
Ты взоромъ цѣлый свѣтъ съ Олимпа обнимася:
И таинствъ ли одной Судьбы не проникаешь?“
Такъ испытуетъ былъ Ѳетидой Царь громовъ.

„Ѳетида, мракъ Судьбы священъ и для боговъ,
Онъ ей отвѣтствовалъ: „и избранники неба,
Пророки и жрецы, таинственники Феба,
Очами тму время могущіе пронзять,
Вотще о немъ дерзнуть безсмертныхъ вопрошать:
Предъ вѣчною Судьбой безмолвствуютъ и боги.
Законы сей Судьбы неумолимо-строги;
Ихъ пронять и ты, Ѳетида, не дерзай;
Кѣмъ смертный сей рожденъ, меня не вопрошай.
Его удѣлъ тебѣ я возвѣстити желаю;
Но открывать ему на вѣки воспреещаю:
И горько смертному въ грядущемъ то познать,
Чего нѣтъ силъ отвести, ни средства избѣжать:
Опредѣленія Судьбы неотразимы.“

„Ахъ!..“ мать Пеліда рѣчь Зевеса прервала:
„Когда Судьба его на бѣдства обрекла,
Да будутъ мной, о Зевсѣ, всѣ дни его хранимы;
Я спутница его до смертнаго конца.“

„Мой промысль сохранить священнаго пѣвца. —
 Но удалимся“, Зевсъ рекъ наконецъ богинѣ:
 „Пѣвца Ахиллова о будущей судьбѣ
 Тебѣ я прореку; но часть его познавъ,
 Пещись о немъ богамъ Олимпа предоставь;
 Вотще за жизнь его душа твоя страшится:
 И власъ его главы моей рукой хранится.“

Скончавъ, съ Ѳетидою грядетъ Отецъ боговъ,
 Направивъ путь на холмъ, надъ моремъ возвышенный.
 И тамъ онъ, уклонясь подъ вѣщій лѣсъ дубовъ,
 Ему издревле здѣсь, провидцу, посвященный,
 И взоромъ времена объемля до конца,
 Такъ прорицалъ судьбу Ахиллова пѣвца.

II.

„Когда во тьмѣ временъ Ахеянъ дремлютъ грады,
 И въ мракъ погружены земныхъ сыновъ сердца,
 Среди глубокаго безмолвія Эллады
 Раздастся дивный гласъ убогаго слѣпца.
 Слепецъ, въ дни юности очей своихъ лишенный,
 Очами разума пронзитъ онъ небеса;
 Обыметъ весь Олимпъ, пространство всей вселенной.
 И міра горняго проникнувъ чудеса,
 Узритъ въ лицо боговъ, домъ славы ихъ чудесный,
 Бесѣды чистыхъ Музъ и радость ихъ прелесть;
 И первый на землю сведя языкъ небесный,
 Безсмертно воспоетъ героевъ и боговъ;

И пѣснью славы міръ наполнивъ безконечной,
Элладу сотворить землею славы вѣчной. —

Во дни, какъ въ плѣнь рабы надетъ сія страна,
Въ ней будетъ вѣтръ шептать героевъ имена;
Ихъ тѣни населятъ лѣса, долины, горы;
И тотъ, чья будетъ грудь любовію полна
Ко славѣ, обратитъ къ странѣ священной взоры,
Гдѣ вольность въ первый разъ зажжетъ людей сердца,
Гдѣ столько за нее безсмертныхъ грянетъ боевъ;
И возбужденный онъ примѣрами героевъ
И пѣснью пламенной Ахиллова пѣвца,
Дерзнетъ на варваровъ за Греціи народы;
И полетитъ — мечемъ имъ добывать свободы!

Но нынѣ, тьмой времянь покрытыя сердца,
Еще небеснаго душой не постигая,
Въ отчизнѣ не почтутъ священнаго пѣвца;
И будетъ онъ — слѣпецъ — скитаться въ край изъ края,
Водимый бѣдностью за трапезы царей,
Единой спутницей его печальныхъ дней.
И бѣдность мудрому во благо обратится.
Влачась изъ края въ край — всевидящій слѣпецъ,
Онъ глубину людскихъ извѣдаетъ сердецъ,
Дѣяній и вещей познаньемъ умудрится,
И будетъ убѣжденъ онъ жизнію своей,
Что бѣдность — лучшее училище людей.
И воспоетъ бѣды и странствія героя,
Гдѣ опыты своей превратной жизни кроя,
Примѣръ возвышенный оставитъ въ пѣсняхъ сихъ,
Что мудрый человекъ превыше бѣдъ земныхъ. —
Такъ двухъ героевъ онъ, любезныхъ мнѣ, прославитъ

И двухъ безсмертныхъ чадъ ⁴⁾ потомству въ нихъ оставитъ;

И такъ исполнится его земной удѣлъ.

Тогда его съ земли, съ лица юдоли тлѣнной,
Пророка на Олимпъ восхититъ мой ⁵⁾ орелъ,
Гдѣ, благовоніемъ небеснымъ умащенный,
И въ жизнь нетлѣнную преобразенный вповь,
На ниръ безсмертія возсядетъ межъ боговъ,
И съ нами раздѣлитъ онъ смертныхъ поклоненье.
И сбудутся надъ нимъ безсмертныхъ слова,
Какимъ Пнѣю ⁶⁾ исполнитъ вдохновенье:

Слѣпецъ, твой домъ — Олимпъ, отчизна — небеса!

Умолкъ; и передъ нимъ душой благоговѣя,
Восторга полная, возвала дочь Нерей:
„Любимца Зевсова благословенъ удѣлъ!
Но, Зевсъ, прости ты мать, разсѣй мнѣ мракъ сомнѣній.
Ужели, какъ земной пѣвца сего предѣлъ,
Толь мрачна и кратка судьба его твореній?
Не погребетъ ли Кронъ и ихъ всеобщей тьмой,
Какъ преждебывшія поэтовъ пѣснопѣнья?
Невѣрной памятью хранимая одной,
Иль брэнной хартіей, добычей быстрой тлѣнныя,
Погибнуть, можетъ быть, священныя творенья?“

„Не гибнетъ слово Музъ,“ вѣщаль отецъ боговъ:
„Какъ безконечна высь блистательнаго неба,
Таковъ удѣлъ земной святыхъ внушеній Феба.
Но должно зрѣть ряды безчисленныхъ вѣковъ,
Ряды имущихъ быть и царствъ и поколѣній,
Чтобъ славу созерцать безсмертныхъ пѣснопѣній.“

Взирайтъ, грядущія отверзу времена,
И быть имущія страны и племена.“ —

Онъ рекъ; и мрачная съ временъ завѣса пала;
Къ событіямъ ихъ мать взоръ жадный приковала;
И зрѣть:

Гомера пѣснь, во мракѣ двухъ вѣковъ,
Вначалѣ тайное наслѣдіе пѣвцовъ,
Убогихъ, какъ онъ самъ, питомцевъ Музъ смиренныхъ,
Едва приносить имъ крупицы современныхъ.
Но извлеченную изъ тьмы рукой царей,
Вдругъ пѣснь его, изъ устъ скитавшихся людей,
Уста Оракуловъ принять соизволяютъ,
И боги языкомъ Гомеровымъ вѣщаютъ.
Тогда Тетида зрѣть, сколь славенъ рокъ пѣвца!
За неизвѣстнаго, безроднаго слѣпца,
Семь спорятъ городовъ ⁷⁾, готовые сражаться,
Всѣ, гордые пѣвца отечествомъ назваться.
Скиталецъ онъ, родной невѣдомый землей,
Сталъ другомъ мудрецовъ, спутникомъ царей;
Наставники людей въ немъ ищутъ просвѣщенья,
Герои — образца, поэты — вдохновенья,
И всѣ, признавъ его источникомъ умовъ,
Имъ возвышаются къ познанію боговъ.
И бога человѣкъ невидѣвшій очами,
Но наученъ постичь возвышеннымъ пѣвцомъ,
Величье Зевсово одушевилъ ⁸⁾ рѣзцомъ,
И дышетъ въ мраморъ блистающій громами! —
Вся древность наконецъ признавъ въ немъ суще-
ство,

Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
Торжественно почла и храмомъ и кумиромъ.

Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зрѣла мать,
Испытывалась пѣснь Гомеровыхъ твореній;
И положилъ тогда временъ священный Геній
На свитокъ пѣсней спхъ безсмертія печать.
Тогда и самый Кронъ изъ тьмы и разрушенья,
Изъ праха мертвыхъ царствъ и стертыхъ имъ гра-
довъ

Повсюду исторгаль Гомера пѣснопѣнья,
Чтобъ даръ божественный, на пользу всѣхъ вѣковъ,
Отъ мрачной древности, отъ странъ иноплеменныхъ,
Достигъ до новыхъ странъ, до царствъ невозрожден-
ныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
Кромѣ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣща,
Дивясь, Пелида мать срѣтала въ каждомъ вѣкѣ
Безмолвіе о семъ чудесномъ человѣкѣ,
Сокрытомъ отъ людей покровомъ роковымъ.
И тщетно Греція, наполненная имъ,
Вносила громкій гласъ во всѣхъ градахъ цвѣтущихъ:
„Кто сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ,
Который, какъ перунъ, тьму времени разсѣкъ?
Который, какъ гигантъ, на раменахъ могущихъ
Всю славу Греціи подъялъ изъ тьмы временъ?“
И тщетно странники рожденных вновь племенъ
Стекались на берега разрушенной Эллады,
Чтобъ вопрошать о немъ пустыни, камни, грады,

Чтобъ вызвать тѣнь пѣвца изъ вѣковыхъ гробовъ;
Никто не находилъ земныхъ его слѣдовъ!
Подобно божествамъ, отъ смертныхъ сокровеннымъ
Судьба сокрыла тьмой Ахиллова пѣвца:
Его возвышеннымъ твореньямъ вдохновеннымъ
Дивится вся земля, не вѣдая творца.

Но на лицѣ земномъ нѣтъ славы несомнѣнной.
Не скрылся и Гомеръ отъ зависти людей.
Немолчной славою, гремящей по вселенной,
Онъ гордость уязвилъ и сильныхъ и царей.
И между тѣмъ, какъ месть изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
Свѣтъ коей первому врагу его отмстилъ;
(Свѣтъ имя самое завистнаго Зоила
Въ обиду и позоръ повсюду обратилъ)
Тирана древности узрѣла дочь Нерея,
Который, низкою враждою пламенѣя,
Что нищій славою царей переживалъ,
Пѣвца священный ликъ, безумецъ⁹⁾, поругалъ.
Такъ древле видѣли въ Египтѣ воды Нила,
Какъ черные сыны пустынныхъ ихъ береговъ
Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругались боговъ,
Надъ ликомъ блестящимъ всемірнаго свѣтила.
Но злоба тщетная! безумный гнѣвъ людей!
Межъ тѣмъ, какъ варвары, бѣснуясь въ сонмѣ дикомъ,
Произали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ,
Царь свѣта шествовалъ блистательной стезей
И волны проливалъ своихъ лучей священныхъ
На мрачную толпу ругателей презрѣнныхъ!

Но что? вдали время, въ дни позднихъ тѣхъ вѣковъ,

Какъ пала Греція подъ судъ иноплеменныхъ,
 Въ странахъ, свѣтильникомъ Эллады озаренныхъ,
 Богиня новыхъ зрѣть пѣвца сего враговъ.
 Послѣ трехъ тысячъ лѣтъ хвалу о немъ гремѣвшихъ,
 Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ толпой,
 Богатыхъ завистью, но духомъ обѣднѣвшихъ:
 Гомера слава имъ представилась мечтой,
 Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрнымъ;
 И заблужденіемъ гордяся неимовѣрнымъ,
 Они безсмертное наслѣдіе пѣвца
 Терзаютъ и дѣлятъ межъ многими пѣвцами. —
 Другіе, въ областяхъ, прославленныхъ умами, —
 И кто? служители священнаго слѣпца,
 Тѣ, кои, пріобщась всей мудрости Востока,
 Постигли таинства Ахейскаго пророка,
 Мечтанье древнее извлекшіе изъ тьмы, —
 Оружье ветхое ¹⁰⁾ лжемудрецовъ забвенныхъ,
 Имъ помрачить хотятъ свѣтъ истинъ несомнѣнныхъ;
 И предъ толпой ища прославить ихъ умы,
 Сип жрецы его, изъ глубины чертога,
 Гдѣ съ славою ему служили столько лѣтъ,
 Дерзаютъ отвергать существованье бога,
 Котораго познать они учили свѣтъ,
 Дерзаютъ... Не стерпѣвъ ихъ дерзости, Оетида, —
 „О вѣка стыдъ!“ рекла: „о разума обида!
 Зевесъ, и не казнишь ты Фебовыхъ враговъ?“

„Отринь, Оетида, страхъ“, прервалъ отецъ боговъ:
 „Какъ перваго врага священныхъ пѣснопѣній,
 Самъ Фебъ казнить ихъ всѣхъ; снмъ ложнымъ му-
дрецамъ

Не дастъ онъ чувствовать чистѣйшихъ наслажденій,
Прекраснѣйшихъ изъ благъ, какія пѣсней Геній
Даруетъ на землѣ возвышеннымъ сердцамъ.
Но отъ клеветъ людей, отъ злобы и хуленья
Сильнѣе всѣхъ творца творенье защититъ;
Взираи, грядущее откроетъ убѣжденья.“

И дочь Нереева въ видѣньѣ новомъ зреть,
Что на развалинахъ, на прахѣ Иліона,
Въ пустыняхъ симъ пѣвцомъ прославленной земли,
Его поборники оружія нашли,
Чтобъ правду защититъ и славу Аполлона.
Тамъ камни самые, Ахилла видитъ мать,
Тамъ гробы начали глаголы издавать
За бытіе творца и истину творенья.

Такъ созерцая лѣтъ потомственныхъ явленья,
Богиня наконецъ въ мерцаніи временъ
Судьбу Гомера зреть подъ небомъ той державы,
Гдѣ узнаетъ Славянъ, потомковъ гордыхъ Славы,
Безсмертной матери воинственныхъ племенъ,
Племенъ, еще во тьмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
Являющихъ ряды великихъ человѣковъ,
И мощныхъ витязей, и доблестныхъ царей;
И видя ихъ дѣла, мечтаетъ мать Ахилла,
Что вновь Земля сыновъ — титановъ породила
И навела ихъ гнѣвъ на греческихъ мужей.
Подъ гордый Грековъ градъ племенъ сихъ предво-
дитель,
На зыбкихъ ладіяхъ примчавшись по волнамъ,

Византию потрясъ и, Грековъ побѣдитель,
Побѣды знакъ — свой щитъ — прибилъ къ ея ¹¹⁾
вратамъ.

Но скрылъ отецъ боговъ тѣ вѣки сей державы,
Когда Нерее дочь межъ храбрыхъ сихъ племенъ
Дивиться лишь могла дѣламъ ихъ бранной славы;
И бытіе отверзъ счастливѣйшихъ временъ.
Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Оетиды изумленной
Блистательнѣйшій вѣкъ страны преображенной;
Тотъ вѣкъ — какъ царь ея, любимый сынъ небесъ,
Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
И міръ склонивъ къ стопамъ ¹²⁾, его душой плѣ-
ненный,
Наукъ божественныхъ, прямыхъ къ добру вождей,
Свѣтъ чистый разливалъ надъ отческой землей,
Высокихъ истинъ самъ ревнитель просвѣщенный.
Въ сей вѣкъ блистательный, подъ небомъ сихъ племенъ,
Гомерову судьбу раскрылъ отецъ временъ.
И свѣтлая кругомъ свои вращая очи,
Зритъ мать Ахиллова, что и сыны полночи,
Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца
И духъ возвысивши поэзіей священной,
Плѣнялись пѣснями поэзіи отца.
Съ восторгомъ зритъ она, что въ камняхъ ожив-
ленной
Стоитъ у нихъ почтенъ Гомера древній ликъ:
Вельможъ въ домахъ — какъ мужъ, достойный удив-
ленья,
И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ геній вдохновенья.
Но что? въ блистательныхъ чертогахъ ихъ владыкъ,

Въ сокровищницѣ ихъ — вдругъ познастъ Ѳетида
 Знакомый образъ ей, ликъ ¹³⁾ милаго Пелида,
 Блестящій въ мраморѣ предъ взорами царей!
 И въ тотъ же мигъ узрѣвъ царей, свой слухъ скло-
 нившихъ

На робкій гласъ пѣвцовъ, Гомера пѣснь вторившихъ,
 Мать — въ полной радости, не находя рѣчей,
 Бросается въ слезахъ обнять стопы Зевеса...
 И опустилася грядущаго завѣса.
 И Зевсъ уже отецъ на свѣтлыхъ облакахъ,
 Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
 Парилъ надъ темною дубравой откровеній.
 „Ѳетида,“ онъ вѣщалъ: „довольно-ль убѣжденій,
 Что сына Кронова невозвратимъ обѣтъ?
 Онъ совершается, и будетъ полонъ свѣтъ
 Гомера пѣснями и славою Ахилла.“

Мать, сыномъ гордая, рѣчей не находила;
 И руки лишь воздѣвъ съ мольбой къ царю боговъ,
 Котораго чело еще изъ тучъ сіяло,
 Она въ пучину волнъ низверглася съ береговъ,
 И подъ богиною все море заиграло.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Гомеръ родился въ исходѣ втораго вѣка послѣ войны Троян-
 ской.

²⁾ Могила, донынѣ извѣстная подъ названіемъ гроба Ахилле-
 сова, на берегу Геллеспонта.

3) Это не вымыселъ. Тессалійцы, соотечественники Ахиллеса, по свидѣтельству греческихъ писателей, въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ взятія Трои, ежегодно плавали въ Троаду, чтобы, по повелѣнію оракула Додонскаго, чествовать гробъ Ахиллеса, и совершали какъ самое путешествіе, такъ и поминовеніе герою на гробъ его по *обряду*, тѣмъ же оракуломъ заповѣданному. По сему обряду, корабль съ воинами, жрецами и проч., отправлявшійся въ Троаду, долженствовалъ быть съ парусами *черными, nigris velis sublati*; въ пристань, при пѣніи гимновъ, входилъ *ночью*; для жертвоприношенія привозилъ огонь изъ Тессаліи, дрова съ горы Пеліона, воду изъ Сперхіи и проч. Обо всемъ этомъ, также о пляскахъ, пѣніи на гробъ Ахиллеса и проч., можно читать *сокращенно* у Страбона: Lib. XIII; а *пространно* у Philostrat: Vita Apollon. Lib. VI, cap. XI, и cap. XVI; тамъ же Heroic. cap. 19.

4) Илиаду и Одисею.

5) Такъ изображался древними апофеозъ Гомера: орелъ на хребтѣ своемъ возноситъ его на небо.

6) Всѣ оракулы о Гомерѣ находятся въ его жизнеописаніи у Плутарха.

7) Споръ о родинѣ Гомера, по свидѣтельству римскаго писателя Варона, вели слѣдующіе города: Смирна, Родось, Колофонъ, Саламинъ, Хіо, Аргось, Аѣины.

8) Знаменитую статую Зевса Олимпійскаго, величественнѣйшее изображеніе отца боговъ, какое произвела рука человѣка, Фидіасъ образовалъ, какъ самъ признавался, по идеямъ Гомера. „Когда я читаю Гомера,“ говорилъ великій художникъ, „люди представляются мнѣ вдвое большими“.

9) Римскій императоръ Калигула оплевалъ бюстъ Гомера и велѣлъ выбросить изъ чертоговъ.

10) Не многимъ, можетъ быть, извѣстно, что всѣ писатели нашихъ временъ, противники общаго мнѣнія о существованіи Гомера, начиная отъ италійца Вико до германца Вольфа и даже англичанина Бріана (который между прочимъ доказывалъ, что никогда не существовало ни царства Троянскаго, ни города Трои, ни ополченія на нее Грековъ), не многимъ извѣстно, что писатели сии, мужи впрочемъ весьма ученые, выдавая такія мнѣнія, ничего не

выдали, ничего не сказали *новаго*: это мнѣнія *старья*, принадлежавшія софистамъ школы Александрійской и порожденные такимъ же духомъ скептицизма тогдашней философіи и словесности греческой, какъ теперь господствуетъ въ Европѣ. — Сей скептицизмъ нашего времени поднять изъ мрака гипотезы софистовъ александрійскихъ, дабы ввести въ сомнѣніе то, о чемъ свидѣтельствуется цѣлый свѣтъ древній. Но сомнѣніе далеко еще отъ истины.

¹¹⁾ Олегъ.

¹²⁾ Императоръ Александръ Павловичъ.

¹³⁾ Древній бюстъ Ахиллеса находится въ Эрмитажѣ.

КЪ МОРФЕЮ.

(1816 г.)

Увы! ты измѣнилъ мнѣ,
Нескромный другъ, Морфей!
Одинъ ты былъ свидѣтель
Моихъ сокрытыхъ чувствъ,
И вздоховъ одинокихъ,
И тайныхъ сердца думъ.
Зачѣмъ же, какъ предатель,
Въ видѣніи nocturno
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открылъ?
Зачѣмъ, меня явивши
Красавицѣ въ мечтахъ,
Безмолвными устами
Принудилъ все сказать?
О, будь же, богъ жестокий,
Взаимно справедливъ:
Открой и мнѣ взаимно
Въ безмолвіи, во снѣ,
О тайныхъ чувствахъ сердца,
Сокрытыхъ для меня.

О! дай мнѣ образъ мпль
Хоть въ призракъ узрѣть;
И пылкими устами
Прильнувъ къ ея рукѣ...
Когда увижу розы
На дѣвственномъ челѣ,
Когда услышу трепетъ
Стыдливой красоты, —
Довольно — все открыто,
И сердцу данъ отвѣтъ!
Довольно — и счастливецъ,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
Съ Авророй принесу!

КЪ ГЕНЕРАЛУ ЗАХАРЖЕВСКОМУ,

НАЧАЛЬНИКУ ЦАРСКАГО СЕЛА.

(1816 г.)

Безногій Марса другъ,
И на одной ногѣ отъ славы неотставшій!
За сердце доброе, за мужественный духъ
Любовь Царя-сподвижника списавшій,
О, Захаржевскій, отдыхай
На лаврахъ съ миромъ и свободой! —
Подъ властію твоей земной Адамовъ рай;
Живи съ друзьями и природой;
И ежели до позднихъ дней
Ты хочешь сохранить миръ сердца нетревожнымъ,
Не слушая сужденія людей,
Слѣпцовъ, надутыхъ счастьемъ ложнымъ,
Гоняй ты чаще голубей *).

*) Онъ страстно любилъ голубей, и часто самъ ихъ гонялъ.

Р. И. СУХОЗАНЕТОВОЙ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕЯ ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА.

(ВЪ АЛЬБОМѢ, 1816 г.)

Въ далекой сторонѣ,
Когда случится вамъ въ мечтаньяхъ одинокихъ
Вспомнить о друзьяхъ далекихъ,
Вспомните и обо мнѣ,
Взглянувъ на эти строки,
О томъ, кто васъ,
Невидимыхъ и отдаленныхъ,
Увидитъ и не разъ,
Мечтой для сердца оживленныхъ.

ЧТО ЗНАЧИТЬ „ЛЮБИТЬ“.

(ИЗЪЯСНЕНІЕ ДЛЯ СЛОВАРЯ, 1816 г.)

По цѣлымъ днямъ чего-то все желать,
Чего, — не понимая;
Зарадоваться вдругъ, и вслѣдъ затѣмъ — вздыхать,
О чемъ, — не очень зная;
Все утро проскучать и вечера хотѣть,
А вечеромъ объ утрѣ сожалѣть;
Страшить себя, когда надеждой можно льститься;
Надеждой льстить себѣ, какъ надобно страшиться;
Всѣмъ жертвовать и трепетать,
Не мало ли еще пожертвовано было?
Терзаться тѣмъ, что прежде веселило;
Страдать и обожать страданія свои;
Вдругъ ненавидѣть ихъ, съ самимъ собой сражаться;
И вдругъ, забывъ страданія свои,
Въ мечты блаженства погружаться;
То робкимъ иногда, то слишкомъ дерзкимъ быть,
То подозрительнымъ, то очень легковѣрнымъ;
Всѣмъ вѣрить, и считать на свѣтѣ все невѣрнымъ;
Чужому все открыть, отъ дружбы все таить;

Соперникомъ считать невиннаго душою;
Короче: ночью сна, а днемъ не знать покою —
Вотъ смыслъ, но слабою наброшенный рукою,
Глагола страшнаго — *любитъ*;
Вотъ что испытывалъ (я знаю надъ собою),
Кто въ жизни разъ влюбленнымъ былъ,
И вотъ зачѣмъ никто два раза не любилъ.

ПЕРСТЕНЬ.

(1817 г.)

О перстень, часто на рукахъ
Увянувшей любви блестящая примѣта,
Или залогъ надеждъ, лелѣемыхъ въ сердцахъ, —
Что скажешь на рукѣ ты у меня, поэта?
Ни слова, никому, какъ дружбы знакъ простой.
Но, перстень золотой!
О милый даръ волшебницы, мнѣ милой!
Ей — выскажи ты все, тверди ей про меня,
И будь съ сего же дня
Мой талисманъ надъ ней съ неотразимой силой,
Но талисманъ лишь для меня.

КЪ *** ИЗВИНЕНІЕ.

(1818 г.)

Въ разлукѣ съ вами,
Когда вы предъ глазами
И чаще и живѣй,
Чѣмъ въ мигъ присутствія и даже разговора;
Когда я самъ, не потупляя взора,
Смѣлѣй на васъ гляжу, къ вамъ говорю смѣлѣй,
И болѣ въ мигъ, чѣмъ въ цѣлый день свиданья;
Въ такой я часъ, о сладкій часъ мечтанья! —
Хотѣлъ въ альбомъ къ вамъ написать — сонетъ,
Иль оду, иль кантатъ, иль просто — родъ посланья;
Но нѣтъ!
Что мнѣ о тетущкѣ душа моя шептала,
То, какъ *сударынь*, я могъ бы вамъ сказать;
Но что сударынь хотѣлъ поэтъ писать,
За то ты, *тетушка*, мнѣ дурака сказала.
Итакъ, подумалъ я, умнѣе замолчать,
Съ душой поэту не шептаться,
И скромникомъ-племянникомъ остаться;
Хоть истину связать,
Труда не мало въ этомъ:
Близъ васъ заговорить и *дядюшка* поэтомъ.

КЪ ПРОВИДѢНІЮ.

(1819 г.)

Предъ Богомъ милости я сердце обнажилъ:
Онъ призрѣлъ на мое крушенъе;
Уврачевалъ мой духъ и сердце укрѣпилъ;
Несчастныхъ любить Провидѣнье.

Уже я слышалъ крикъ враждебныхъ мнѣ сердець:
Погибни онъ во мракѣ гроба!
Но милосердый Богъ воззвалъ мнѣ какъ Отецъ:
„Хвала тебѣ — презрѣнныхъ злоба!

Друзья твои — льстецы; коварство — ихъ языкъ,
Обманъ невинности смиренной;
Тотъ, съ кѣмъ ты хлѣбъ дѣлилъ, бѣжить продать
твой ликъ,
Его коварствомъ очерненной.

Но за тебя на нихъ возстановлю Я судъ
Необольстимаго потомства;

И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства.“

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой.

И что жъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитого тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Увы! минутный гость я на земномъ пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонялъ ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ
Великолѣпную природу.
Хвала тебѣ, мой Богъ! ты жизнь мнѣ возвратилъ,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почій еще на мнѣ!
Страхъ тайный все еще со мною:
Отъ бури спасшійся пловецъ и по землѣ
Ступаетъ робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть можетъ, вновь гроза ихъ взроетъ:

Синѣющійся брегъ вновь затуманитъ мглой,
И свѣтъ звѣзды моею сокроетъ.

О Провидѣніе! ты, ты мой зыбкій чолнъ
Спасало, бурями гонимой;
Не брось еще его, средь новыхъ жизни волнъ,
До пристани — уже мнѣ зримой.

КЪ ДРУГУ.

(1819 г.)

Когда кругомъ меня все мрачно, грозно было,
И разумъ предо мной свой факель угашалъ;
Когда надежды лучъ и блѣдной и унылой
На путь сомнительный едва мнѣ свѣтъ бросалъ;

Въ ночь мрачную души, и въ тайной съ сердцемъ
брани,
Какъ равнодушные безъ боя вспять бѣгутъ,
А духомъ слабые, какъ трепетныя лани,
Себя отчаянью слѣпому предають;

Когда я вызванъ въ бой коварствомъ и судьбою,
И предало меня все въ жертву одного, —
Ты, ты мнѣ былъ тогда единственной звѣздой,
И не затмился ты для сердца моего.

О, будь благословенъ, отрадный лучъ, мнѣ вѣрный!
Какъ взоры ангела, меня онъ озарялъ;
И часто, отъ очей грозой закрытый черной,
Сквозь мраки, сладкій свѣтъ, мнѣ пламенно сіялъ!

Хранитель мой! я все въ твоємъ обрѣлъ покровѣ!
Скажи-жь, умѣлъ ли я, какъ мужъ, стоять въ битвѣ?
О, больше силы, другъ, въ твоємъ единомъ словѣ,
Чѣмъ свѣта цѣлаго въ презрительной молвѣ!

Ты покровительнымъ былъ деревомъ надо мною,
Что, гибко зыбляся высокою главою,
Не сокрушается, и зеленью густою
Широко стелется надъ урной гробовой.

Гроза шумѣла вокругъ, все небо бушевало;
Шаталось дерево до матерого ния;
Но, некрушимое, съ любовью покрывало
Вѣтвями влажными безкровнаго меня.

Пускай любовь обѣтъ священный попираетъ;
Измѣной дружество не очернить себя.
И если вѣрный другъ взоръ неба привлекаетъ,
То небо наградить, и перваго тебя!

Все измѣнило мнѣ, ты устоялъ въ обѣтѣ.
О, если могъ твое я сердце сохранить,
Не все, еще не все я потерялъ на свѣтѣ;
Земля пустыней мнѣ еще не можетъ быть.

КЪ НЕМУ ЖЕ

(1819 г.)

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступить мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнить чело мнѣ черной думой —
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ

О С Е Н Ь.

(1819 г.)

Дубравы пышныя, гдѣ ваше одѣянье?
Гдѣ ваши прелести, о холмы и поля,
Журчаніе ключей, цвѣтовъ благоуханье?
Гдѣ красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися пѣвцовъ пернатыхъ хоры,
Живившіе лѣса гармоніей своей?
Зачѣмъ оставили пріютъ ихъ мирныхъ дней?
И все уныло вокругъ — лѣса, долины, горы! —

Шумитъ порывный вѣтръ между деревъ нагихъ
И желтый листъ крутя, далеко завѣваетъ:
Такъ все проходитъ здѣсь, являясь на мигъ;
Такъ гордый сынъ земли цвѣтетъ и исчезаетъ!

На крыльяхъ времени безмолвнаго летятъ
И старость и зима, гроза самой природы;
Онѣ, нещадныя и быстрыя, умчатъ,
Какъ у весны цвѣты, у насъ молодые годы!

Но что-жь? крушитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коихъ низкія надежды и желанья
Лишь пресмыкаются надъ бременною землею,
И духъ вашъ заключать въ гробахъ безъ упованья,

Но кто за темный гробъ съ возвышенной душой,
Съ святой надеждою взоръ ясный простираетъ,
Съ презрѣньемъ тотъ на жизнь, на мрачный міръ
взираетъ,
И улыбается превратности земной.

Весна украситъ міръ ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вѣчный свой закатъ?
Нѣтъ! новымъ пурпуромъ востокъ воспламенится,
И новою весной дубравы зашумятъ.

А я остануся, въ ничтожность погруженный,
Какъ всемогущій перстъ цвѣтокъ животворить!
Какъ червь, сей житель дня, отъ смерти пробужденный,
На крыльяхъ золотыхъ вновь къ жизни полетитъ!

Смѣняйтесь, времена, катитесь въ вѣчность, годы!
Но нѣкогда весна несмѣнная сойдетъ!
Живъ Богъ, жива душа! и царь земной природы,
Воскреснетъ человекъ; у Бога мертвыхъ нѣтъ!

М. Θ. КОКОШКИНОЙ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ, 1819 г.)

Въ альбомахъ и большимъ и маленькимъ дѣвицамъ
Обыкновенно льстятъ; я къ лести не привыкъ;
Изъ дѣтства обреченъ парнаскимъ я царицамъ,
И сердце — мой языкъ.

Мои для Машеньки желанья

И кратки и ясны:

Какъ дѣтскія, невинныя мечтанья,
Какъ непорочище, младенческіе сны,
Цвѣти твоя весна подъ взоромъ Провидѣнья
И расцвѣтай твоя прекрасная душа,
Какъ ароматомъ цвѣтъ, невинностью дыша;
Роднымъ будь ангелъ утѣшенья,
Отцу (могу-ль тебѣ я лучшаго желать),
Отцу напоминай ты мать.

П Р І Ю Т И Н О.

(Посвящено Елисаветѣ Марковнѣ Олениной.)

(1820 г.)

Еще я прихожу подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Твою пріятную всегда любившій тѣнь.

Край милый, сколько разъ съ тобою я прощался!
Но какъ проститься съ тѣмъ, что въ насъ слплось
съ душой?
Все, чѣмъ я здѣсь дышалъ, чѣмъ въ тайнѣ наслаж-
дался,
Всенеизгладимо вездѣ ношу съ собой!

Есть край, родной мнѣ край зефировъ легкокрылыхъ;
Тамъ небо и земля и воздухъ мнѣ милѣй!
Но гдѣ людей найти, душъ мсей столь милыхъ?
Гдѣ столько сладостныхъ воспоминаній ей?

Здѣсь часто, удаленъ отъ городского шума,
Я сердцу тишины искалъ отъ жизни бурь;

И здѣсь унылая моя свѣтлѣла дума,
Какъ неба лѣтняго спокойная лазурь.

Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
И спящее въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ
Я эхо сѣвера, вечернею порою,
Будилъ гармоніей Гомеровыхъ стиховъ.

Вамъ, дѣти тайныя души моей свободной,
Вамъ, думы гордыя, здѣсь гласъ мой жизнь давалъ;
И пылкій юноша, ты, другъ мой благородной,
Мой слыша смѣлый стихъ, кипѣлъ и трепеталъ!

Но чаще, сѣвъ я тамъ, подъ сосной говорливой,
Гдѣ съ нею шепчется задумчивый ручей,
Одинъ, уединенъ, въ часъ ночи молчаливой,
Бесѣды долгія велъ съ думою моею.

О! кто переходилъ путь бѣдствій и крушенья,
Тотъ знаетъ, отчего душа и дума въ насъ
Влечется въ тихія лѣсовъ уединенья,
Зачѣмъ полуночный, безмолвный любить часъ.

Такъ, я здѣсь не одинъ; здѣсь все, чѣмъ сердце
дышитъ,

Надежды юности, сердечныя мечты,
Все видитъ въ образѣ, всего здѣсь голосъ слышитъ,
И ловитъ милаго воздушныя черты!

Уединеніе для сердца не пустыня:
Мечтами населить оно и дикій боръ;

И въ дебряхъ сводить съ нимъ Фантазія богиня
Свиданья тайныя и тайный разговоръ.

Пустыня не предѣлъ для мысли окрыленной:
Здѣсь я, невидимый, все вижу надъ землей;
Воздушной жизни всей участникъ сокровенной
Дѣлюся бытіемъ, живу не самъ собой.

Душой сливаюсь съ лазурью безконечной,
Съ златыми звѣздами, поэзіей небесъ!
Съ Тобой бесѣдую, Художникъ міра вѣчной,
И съ книгой дивною божественныхъ чудесъ!

Вотъ чѣмъ влекомъ опять подъ кровъ твой безмя-
тежный,

Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Еще мою главу въ твою склоняю тѣнь.

Ты тотъ же все еще, край мирный и прелестный!
Свѣжи твои цвѣты, предѣлъ твой такъ же тихъ;
Безъ шума все течетъ потокъ твой неизвѣстный,
Какъ счастье скромное властителей твоихъ.

Но я уже не тотъ безпечный сынъ свободы,
Лелѣявшій мечты дубравъ твоихъ въ тиши.
Увы! не многіе, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свѣтъ надеждъ, меня живившихъ,
Убили жизнь младыхъ и недоцвѣтшихъ лѣтъ.

Ударовъ роковыхъ, мнѣ міръ опустошившихъ,
На блѣдномъ я челѣ пишу глубокій слѣдъ

Но, тщетнымъ ропотомъ я року не скучая,
Какъ грусть безсловная, грущу наединѣ;
Я слезы, предъ людьми души не унижая,
Скрылъ въ ихъ источникѣ, въ сердечной глубинѣ.

Должны мирныя, лѣсовъ уединенья!
Нѣтъ, я не прихожу покою вашъ возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Потокъ Пріютинскій, мнѣ дай его испить!

Вотъ здѣсь я, заключенъ зеленой сей стѣною,
Мой ограничу взоръ прудомъ недвижнымъ симъ:
Съ его спокойствіемъ солюсь моею душою,
И обману печаль безчувствіемъ нѣмымъ.

Вотъ здѣсь семья березъ, нависшихъ надъ водами,
Меня безмолвіемъ и миромъ осѣнитъ;
Въ тѣни ихъ мавзоль подъ ельными вѣтвями —
Знакомый для души, краснорѣчивый видъ!

При немъ вся жизнь, какъ сонъ, съ мечтами убѣгаетъ,
И мысль покоится, и сердце здѣсь молчитъ.
И дружба самая здѣсь слезъ не проливаетъ:
О храбромъ сожалѣть ей гордость запретитъ.

За честь отечества онъ отдалъ жизнь тирану,
И русскимъ витязямъ онъ можетъ показать
Грудь съ сердцемъ вырваннымъ, прекраснѣйшую рану,
Его безсмертія кровавую печать! —

Но вечеръ наступилъ; вокругъ меня молчанье.
О, какъ торжественна ночная тишина!
И вотъ, и на лѣса и на холмы сіянье,
Поднявшись, полная разсыпала луна.

О лучъ серебряный полночнаго свѣтила!
Что одинокій ты къ груди моей летишь?
Что за волшебная въ твоємъ блистаньѣ сила?
О лучъ таинственный, ты что мнѣ говоришь?

Нисходишь ли съ высотъ, сіяніемъ прекраснымъ
Прекрасный свѣтъ иной землѣ предвозвѣщать?
Иль утѣшительный склоняешься къ несчастнымъ,
Надъ блѣднымъ ихъ челомъ надеждою сіять?

Твой свѣтъ въ меня ліетъ святое трепетанье!
Рѣзвѣй волнуетъ кровь вокругъ сердца моего!
О мертвомъ юношѣ родитъ воспоминанье!...
Небесный, кроткій лучъ, ты не душа-ль его?

Какъ гласомъ ближняго, какъ друга призываньемъ
Мой слухъ ласкается въ вечерней тишинѣ!
Мнѣ сердце говоритъ веселымъ трепетаньемъ,
Здѣсь есть невидимый, но кто-то близкій мнѣ.

О ты, на дружество мнѣ въ жизни руку давшій!
Я чувствую, ты здѣсь небесъ незримый духъ:
О, видимъ ты душѣ, тебѣ неизмѣнявшей,
Не разъ являясь ей, какъ утѣшитель-другъ.

Такъ, если, сбросивъ прахъ, духъ чистый избираетъ
Мѣста любезныя обителью своей,

Здѣсь, въ сихъ мѣстахъ давно духъ сына обитаетъ
Незримымъ геніемъ отеческихъ полей.

О гость Пріютинской обители смиренной!
За все, что въ ней найдешь для сердца твоего,
За все благодари душою умиленной
Благаго генія убѣжища сего.

И если здѣсь бродя полуденной порою,
Ты сядешь утомленъ березъ въ густой навѣсѣ,
И вдругъ тебѣ въ лицо, горящее отъ зною,
Прохладою дохнетъ съ незыблемыхъ древесъ —

То будетъ онъ! Здѣсь онъ вливаетъ въ воздухъ сла-
дось,

Свѣжитъ цвѣты, луга родныхъ своихъ полей;
Ниспосылаетъ онъ и миръ на нихъ и радость,
И тихимъ счастіемъ лелѣетъ ихъ гостей.

О, дай ты, дай и мнѣ, мой духъ-благодотворитель,
Хотя спокойствіемъ всѣ траты замѣнить.
Но вѣрно не могучъ и онъ, небесный житель,
Утраченного здѣсь для смертныхъ возвратить.

Онъ не забылъ того, чьей арфой тихострунной
Слухъ юный услаждать любилъ въ земной странѣ;
Но, лишь являясь въ видѣньяхъ ночи лунной,
На небо грустному указываетъ мнѣ.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ *).

(1820 г.)

Сосѣдъ, ты выигралъ! скажу теперь и я;
Но Богъ тебѣ судья,
Навѣрную поддѣлъ ты друга!
Ты, съ Музой Греціи и день и ночь возясь,
И день и ночь не вѣдая досуга,
Блажилъ, что у тебя теперь одна и связь
Съ Плутусомъ и Фортуной;
Что Музою тебѣ — божественная лѣнь,
И что тобой забытъ звукъ лиры златострунной:
Сшутилъ ты басенку, любезный Лафонтенъ!
Къ себѣ онъ заставивъ Гомера, Ксенофона,
Софокла, Пиндара и мудреца Платона,

*) И. А. Крыловъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изучилъ самъ собою древній греческій языкъ; но во все это время скрывая отъ меня свои занятія, и увѣряя, что онъ ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ играетъ въ карты, наконецъ, къ изумленію моему, обнаружилъ свои свѣдѣнія очень забавно.

Два года у ночей сонъ сладкій отнималъ,
Лѣннivecъ,
Чтобъ старыхъ Грековъ обообразь,
И къ тайнамъ слова ихъ ключъ выигралъ, счастливецъ!
Умень, такъ съ умными онъ зналъ на что играть.

Крыловъ, ты выигралъ богатства,
Хотя не серебромъ;
Не въ серебрѣ же всѣ пріятства:
Ты выигралъ такимъ добромъ,
Котораго по смерть, и какъ ни расточаешь,
Ни проживешь, ни проиграешь.

Р Ы Б А К И.

И Д И Л Л И Я.

(1821 г.)

I.

Таланты отъ Бога, богатство отъ
рукъ человѣка.

На островѣ Невскомѣ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбака жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь бородой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыселъ вмѣстѣ пришли земляки на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ товарищи нужду и трудъ раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни улада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.—
Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновенье
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загорается лѣтній,

И все на землѣ воскресаеъ для счастья жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны то-
нуло,
Иль въ ясныя ночи, когда онъ смотря дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
Въ такія минуты тѣспились въ грудь юноши чувства,
И онъ изливалъ ихъ въ простыхъ, безыскусственныхъ
звукахъ,
Но чистыхъ, по свѣжихъ, какъ юные листья на вѣт-
вяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной сви-
рѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не
вѣдалъ. —

Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у берега, главою на руку попикишій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились!
Но долгомъ молчанія къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣснѣ унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;

Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
 Охота — другая неволя; но молвлю я слово:
 Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
 Не пѣсями-ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
 Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротись
 къ дому.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не сгибну, товарищъ, насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
 Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Пастухъ горемычный!
 Что дѣтямъ оставилъ онъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Доброе имя!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

И бѣдность.
 Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
 Когда-бъ не пришли на семью его черные годы.
 Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ,
 Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
 Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
 Онъ къ пѣсямъ меня заохотилъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Такъ что же, товарищъ?
Ты хочешь отцовскій наслѣдственный промыселъ кинуть?
Но промыселъ рыбный есть промыселъ чистый и чест-
ный:

Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный;
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добы-
вали.

Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ ры-
болова?

Такъ лучше-бъ съ свирѣлью остался ты дома, при-
стадѣ.

Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выноешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ услы-
шать?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Услышать, любезный, о мнѣ она добрая вѣсти;

А ты понапрасну меня не кори, — обижаешь.

Свое ремесло я люблю и его не чуждаюсь;

Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;

Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ при-
морскій

Клубъ витокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.

Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди,

Ихъ слушаютъ часто, на шлюпкахъ по взморью гуляя,

Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!

Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,

Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами, и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей де-
ревиѣ,

И зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подьема незрячія, бѣлыя очн.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребяташки, какъ вкопаны въ землю стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому-бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тону!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣт-
лымъ,

Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но, знать, въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнихъ
ночи

И струны рокочутъ и вѣщіе носятъ гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ;
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходятъ, какъ трель поведетъ и залетитъ!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ

Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
 Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
 А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
 То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
 Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
 Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
 Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
 Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
 Про доли зеленые, гдѣ мы играли младые,
 Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
 Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
 Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства; ея не боюсь.
 Поколѣжь есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р Ш І Й.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчисть ты!
 Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
 Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша при-
 быль.

Р Ы Б А К Ъ М Л А Д Ш І Й.

Что правда, то правда; но день вѣдь еще не оконченъ,
 А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
 Вѣдь это не къ худу: о! ласточка вѣстница счастья!
 Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ,
 У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
 Сажуся на лодку, беру я и сѣти и уды...

Р Ы Б А К Ъ С Т А Р Ш І Й.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Разстаюсь ли я съ нею?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Худое предвѣстье!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечетъ и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣтъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
„Ловися мнѣ, рыба, ловися, и окунь и щука!“
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго берега.

II.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце;
Уже вечерѣтъ; а рыбака нѣтъ молодого.
Вотъ, солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залили рощи и дома.
Шпиць тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ
надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;

Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на
землю;

Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
Какъ будто Денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. — Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонами волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ ви-
дять

Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Какъ будто бы новое видятъ беззвѣздное небо,
На коемъ покоится незаходимый свѣтъ солнца;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончить,
И пѣсни заводить, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть; на невскія тундры
Роса опустилась; а рыбака нѣтъ молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель
Нева ни колыхнетъ; свѣтла и спокойна, какъ небо;
Разѣхались всѣ городскіе веселые гости. —
Ни гласа на брегахъ, ни зыби на влагахъ; все тихо;
Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ надъ водой раздается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни, протяжный, промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется.

Огонь лишь дымится предъ кущею рыба-
 ры-старца.
 Котелъ у огня стоитъ, уже снятый съ тренога:
 Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
 Уха ужъ, остывши, подернулась пѣной янтарной.
 Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
 Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
 И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.
 Но скучилъ старикъ, безпокойный грустью и голодомъ,
 И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
 Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
 Лишь началъ уху, черезъ край, призадумавшись, про-
 лилъ

И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
 Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,
 Шумъ веселья раздался, и крестъ сотворилъ онъ не къ
 яствѣ,

Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
 И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный,

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгру-
 жаться.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Люби тебя Богъ, наважденный свирѣльникъ несчастный!
 Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
 Пропастъ до полночи! Я, Богъ знаетъ, что передумалъ.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А что же ты думалъ?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что думалъ? Свѣтаеть, повѣса!

По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучать ужь телеги;
 И гдѣ разѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
 А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
 Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
 Палъ на сердце страхъ; до бѣды далеко-ль человѣку!
 Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ водяные,
 А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
 Негодный повѣса?.. Здорово! дай руку, товарищъ!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Другъ милый, другъ мпый! вѣдь ласточка намъ не
 солгала.

Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго
 пѣснью

Сманилъ ты на удю? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
 Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
 Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ, признавайся;
 Разсказывай все..... Но на челнѣ, какъ видится, не-
 водъ?

Ты невода не бралъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О неводѣ послѣ, товарищъ!
 А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?
 Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно, бояринъ

Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!
 Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
 А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
 На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты-бъ вывелъ!
 Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали;
 Чужое добро не въ корысть.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не присвою чужаго:
 И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на чолнѣ
 Мои!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Счастью?

Ума приложитъ не могу, и не знаю, какому?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
 И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
 Я выигралъ!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И за что бы купилъ я?

За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
 Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за
 пѣсни!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Да молви же, кто? Не томи, расскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропаль мой и голодъ,
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По берегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы! —
Какъ солнце садилось, подѣхалъ я съ удами въ чолнѣ
Къ противоположному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и въ правду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ шукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ дре-
вами

Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,
 И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
 Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
 Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
 „Не съ рыбой, съ свирѣлью!“ веселые вскрикнули слуги:
 „Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.“

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
 Какъ вотъ, и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрусталь-
 ныхъ
 Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ онъ въ
 душу
 Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но
 страшно
 Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
 Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
 Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
 Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
 Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, гово-
 рится:
 Что на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
 И вся въ терему красота поднебесная видна!
 Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый въ се-
 мействѣ
 Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
 Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
 Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы

Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
 Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
 „Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
 Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
 Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
 Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
 Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
 Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
 Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!“
 Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
 Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
 Отъ радости всѣ позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
 Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
 Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
 Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
 И вотъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Постой, товарищъ, ты видишь,
 Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать. — Ну далѣ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:

„Кто былъ твой учитель?“ измолвилъ онъ. —

Богъ, — отвѣчалъ я.

Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,

„Играй,“ мнѣ примолвилъ, „безъ Бога, какъ ты, не
 играютъ.“

Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для
 пѣсней?

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка“.

— Нашъ промыселъ, — молвилъ я, — промыселъ чистый
и честный: —

Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
„Разумныя рѣчи, — бояринъ мнѣ весело молвилъ: —
За нихъ я тебя дарю еще неведомъ новымъ;
Ты-жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на тра-
пезу“.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово:
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ посе-
ляетъ,
То вѣрно не къ худу. — Молчишь ты, любезный!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Усталъ я

Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты прінялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ.

ПРИНОШЕНІЕ

ЕКАТЕРИНЪ ПАВЛОВНЪ,

ПОКОЙНОЙ КОРОЛЕВЪ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ *).

(1821 г.)

На гробъ приношу я, — плачевная участь! —
Что жизнью цвѣтущей Фелицы къ стопамъ
Повергнуть пылалъ! Изумленный мой геній,
Окончивши поприще, ищетъ тѣхъ взоровъ,
Которыми, робкій, онъ былъ окрыленъ,
Въ привѣтѣ которыхъ всю славу онъ ставилъ;
Но взоровъ живительныхъ нѣтъ для него! —
Какъ странникъ, окончивши путь долготнѣй,
Спѣшитъ въ край родимый, чтобъ въ домѣ отцовъ,
Подъ сѣнью пенатовъ, возрадовать сердце;
И видя—въ развалинахъ мпый свой домъ,
Пенатовъ во прахѣ — свой посохъ и слезы
Роняетъ на прахъ онъ погибшихъ надеждъ:

*) Ея имени намѣренъ былъ переводчикъ посвятить Илиаду.

Такъ я, о Фелица, мой свѣтокъ и слезы
На гробъ твой роняю, печальный пѣвецъ!

Забуду-ль, когда ты склоняла твой слухъ
Ко слабымъ еще отголоскамъ Гомера?
Съ какимъ ты восторгомъ всю душу открыла
Высокимъ внушеньямъ владыки пѣвцовъ!
Съ какою любовью на Старца алтарь
При мнѣ приносила прекрасную жертву
Прекрасной души, — умиленія слезы!

Гдѣ нынѣ я слезы Фелицы найду,
Васъ, васъ, драгоцѣнныя перла души,
Награда сладчайшая сердцу поэта? —
Быть можетъ, свѣтъ шумный, сей гордый судья,
Улыбки холодной меня удостоитъ.
Не молодъ я сердцемъ, и свѣта улыбки
Наградой завидной себѣ не почту.
Награда мнѣ лучшая — сладостный трудъ,
И совѣсти голосъ, что онъ не безцѣненъ,
И имя, любезное русскимъ сынамъ! —
Фелица! о ты, отлетѣвшій мой Геній!
Такъ, имя твое да украситъ мой свѣтокъ;
И пусть оно скажетъ потомкамъ, что я,
Избранный тобой проповѣдникъ Гомера,
Не вовсе пѣвцовъ недостойную жертву
Принесъ на священный отчизны алтарь.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ,

ПРИГЛАШАВШЕМУ МЕНЯ ЪХАТЬ СЪ НИМЪ ВЪ ЧУЖІЕ
КРАЯ.

(1821 г.)

Надежды юности, о милая мечты,
Я тщетно васъ въ груди молодой лелѣялъ!
Вы не сбылись! какъ лѣтніе цвѣты,
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ!
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда-жь, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатая мечты,
Съ весною дней умчась — назадъ не прилетаютъ. —
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Аріель *),

*) Маленькій воздушный геній.

Ээпра легкій сынъ, весны любимецъ вѣчной.
Отъ неизбежнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела,
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;
Онъ пьетъ амброзію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы. —
Но лишь приблизится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ суровая зима,
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края,
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнию мы снова расцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастьемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
И счастье душъ прямое.

ИНОСТРАНЦАМЪ-ГОСТЯМЪ МОИМЪ.

(1824 г.)

Привѣтствую гостей отъ Сенскихъ береговъ!

Вотъ скиѣскаго пѣвца пріютъ уединенный:

Онъ, какъ и всѣхъ пѣвцовъ,

Чердакъ возвышенно-смиранный. —

Не красенъ, темень уголокъ;

Но видны изъ него лазоревые своды;

Немного тѣсенъ, но широкъ

Пѣвцу для пѣсней и свободы!

Не золото, не пурпуръ по стѣнамъ;

Опрятность — вотъ уборъ моей убогой хаты.

Цѣвница, кустъ цвѣтовъ и свитки по столамъ,

А по угламъ скудельные Пенаты —

Вотъ быть пѣвца; онъ весь — боговъ домашнихъ даръ;

Убогій счастьемъ, любовью ихъ богатый;

Имѣю все отъ нихъ, и все еще безъ траты:

Здоровье, миръ души и къ пѣснямъ сладкій жаръ. —

И если ты, поэтъ, изъ пѣсней славянна

Нашелъ достойныя отечества Расина,

И на всемірный вашъ языкъ ихъ передалъ *),
Тѣ пѣсни мнѣ — Пенатъ-Гомеръ внушалъ.
Воздайте, гости, честь моимъ богамъ домашнимъ
Обычаемъ, у скиѳовъ насъ, всегдашнимъ:
Испей, мой гость, завѣтный ковшъ до дна
Кипучаго задонскаго вина;
А ты, о гостя дорогая,
И въ честь богамъ,
И въ здравье намъ,
Во славу моего отеческаго края
И славу Франціи твоей,
Ковшъ меда русскаго, душистаго испей.
А тамъ, усядемся за столъ мой ненарядный,
Но за кипучій самоваръ.
О други, сладостно питать бесѣды жаръ
Травой Китая ароматной!
Когда-нибудь и вы въ родимой сторонѣ,
Подъ небомъ счастливымъ земли свободной вашей,
Въ бесѣдахъ дружескихъ вспомните о мнѣ;
Скажите: скиѳъ сей былъ достоинъ дружбы нашей:
Какъ мы, къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
Какъ мы, ей лучшіе дни жизни посвящалъ;
Бесѣдовалъ съ Гомеромъ и Природой,
Любилъ отечество, но жилъ въ немъ не рабомъ,
И у себя подъ тѣснымъ шалашомъ
Дышалъ святой свободой.

*) Онъ переводилъ отрывки изъ русскихъ писателей.

НА СМЕРТЬ ОДНОЙ
И
РОЖДЕНИЕ ДРУГОЙ ДОЧЕРИ Г...

СЛУЧИВШІЯСЯ ВЪ ОДИНЪ ДЕНЬ.

(1824 г.)

И жизнь и смерть на землю вѣчно,
Какъ дождь и градъ, шумятъ съ небесъ!
Смѣсь вѣчная въ странѣ подлунной
И горестныхъ и сладкихъ слезъ!

Зрю, ангела срѣтаетъ ангелъ
Подъ кровомъ храмины земной:
Одинъ слетѣлъ и отлетаетъ
На небо съ воззванной душой.

Другой отъ неба душу сводитъ,
Летитъ одушевить скудель,
И въ день одинъ въ жилищѣ смертныхъ
И новый гробъ и колыбель!

„Привѣтствую, о братъ небесный!“
 Такъ ангелъ ангелу воззвалъ:
 „Я горестенъ въ обитель смертныхъ,
 Ты утѣшителенъ предсталъ. —“

Почто-жь такъ рано опадаетъ
 Съ роднаго стебля милый цвѣтъ?
 Почто взята душа у юной?... —
 — То тайна Бога: Онъ зоветъ. —

„О, какъ и свѣтелъ и прекрасенъ
 Почившей дѣвы ликъ молодой,
 Вѣнчанный розою стыдливой
 И кудрей дѣвственныхъ волной!“

— Душа свѣтлѣй, душа прекраснѣй
 Въ преображеніи своемъ
 Небесною заблещетъ ризой
 И звѣзднымъ на челѣ вѣнцомъ. —

„О, какъ она на небо взоромъ
 Въ твоихъ объятіяхъ паритъ
 Невѣста неба, дѣва рая
 Испитъ безсмертія горитъ...“ —

— Горю!.. прости, сестра земная!
 Утѣшь и мать и отца;
 Скажи, я счастлива, безсмертна!
 Парю въ объятія Творца!.. —

Еще рыдалъ отецъ надъ гробомъ,
Объемля хладный, милый ликъ;
И съ горестнымъ о мертвой стономъ
Сліялся юной жизни крикъ!

Надъ мертвой обнялъ дочь живую,
И радостью волнуя грудь:
„О будь же ты, отецъ вызываетъ,
„Наградой траты, Ольгой *) будь!

Творецъ, Ты взялъ и возвращаешь!
О, возврати въ чертахъ мнѣ сихъ
Почившей кротость, добродѣтель
И душу ангеловъ Твоихъ!“—

Взывалъ отецъ, и умиленный
Летѣлъ родившую обнять.
На гробъ и колыбель взирая,
Сквозь слезы улыбнулась мать.

*) Умершую звали Ольгой, и родившуюся называли такъ же.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

(1824 г.)

Дорогой скучною, погодой все суровой,
Тащу я жизнь мою сегодня сорокъ лѣтъ.
Что-жь нахожу сегодня, въ годъ мой новый?
Да больше ничего, какъ только сорокъ лѣтъ.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

ПОКОЙНОЙ СЕСТРЫ.

(1826 г.)

Дитя сестры моей, души моей дитя,
Что, нерасцвѣтшій цвѣтъ, такъ рано увядаешь?
Мои нѣжнѣйшія заботы о тебѣ
Что такъ безвременно навѣки прекращаешь?

О, крови мнѣ родной единственная вѣтвь,
Моя послѣдняя привязанность земная!
Такъ, жить не для себя тобой позналъ я сладость;
Тебя, далекую, невиданную мной,
Любилъ, лелѣялъ я во глубинѣ души,
Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду;
Въ твоихъ чертахъ, въ душѣ найти я уповалъ
Все милое очамъ и все святое сердцу:
И кровную любовь, и искреннюю дружбу.
Я уповалъ, что ты, наперекоръ судьбѣ,
Невозвратимую замѣнишь трату мнѣ.

Что ты мнѣ населишь тоскующую душу,
Опустошенную сестры мнѣ милой смертью.

Но, прежде чѣмъ тебя узрѣлъ я на землѣ,
Ты скрылася какъ сонъ, какъ быстрый, сладкій сонъ,
Который обольстилъ несчастнаго мечтою,
И одинокаго на хладномъ ложѣ бросилъ,
Съ очами влажными еще отъ сладкихъ слезъ
И съ распростертыми, дрожащими руками,
Горѣвшими обнять любезную мечту!

Ты скрылася! Куда? не въ тотъ ли свѣтлый міръ,
Куда твоя и матъ такъ рано преселилась?
Оттуда больше вы на землю не придете!...
Но я съ юдоли слезъ, я скоро къ вамъ приду!
О, что я не могу на быстрыхъ крыльяхъ воли
Къ вамъ, тѣни милыя, теперь же возлетѣть!
Съ какой бы радостью я бросилъ эту землю,
Гдѣ ничего уже нѣтъ общаго со мной!

ЧУДО НА МАСЛЯНОЙ НЕДѢЛѢ *).

(1826 г.)

На Масляной недѣлѣ
Въ смѣренный уголь мой влетѣли
Три красоты,
Прелестныя, какъ сестры Феба!
И чѣмъ-то неземнымъ дышали ихъ черты;
Надъ головами ихъ играло пламя неба. —
Одна — душой лица, могуществомъ очей,
Не говоря, для сердца говорила
Сильнѣе всѣхъ рѣчей! —
Другая — лишь вступила,
И я узналъ тебя, владычица сердець,
Тебя, прекрасная царица русской сцены!
А третья дочерью казалась Мельпомены,
И обвивалъ чело ей Талии вѣнецъ;

*) На прїѣздъ ко мнѣ Семеновой старшей *вмѣстѣ* съ обѣими Колосовыми: союзъ дарованій, по тогдашнимъ ихъ отношеніямъ, неожиданный.

Веселый умъ сверкалъ изъ быстрыхъ взоровъ,
Въ устахъ дышала жизнь и прелесть разговоровъ.
Онѣ явился втроемъ, рука съ рукой,

Рука съ рукой и улетѣли. —

И видѣлъ я даровъ союзъ святой,
Да, чудо видѣлъ я на Масляной недѣлѣ!

И молвилъ я: о тройственный союзъ
Царицъ по дарованью!

Да сохранится святость вашихъ узъ
Наперекоръ враждебному желанью;
Пусть лопнетъ завистью раздутый челоуѣкъ
Скорѣй, чѣмъ разорветъ вамъ узы золотыя;
И чудомъ каждая вы будете въ Россіи
И достопамятнымъ и славнымъ во вѣкъ!

М Е Д В Ъ Д Ъ.

(1827 г.)

Медвѣдя по дворамъ цыганъ водилъ плясать.
Въ деревнѣ русскую медвѣдь увидѣвъ пляску,
Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ, перенять.

Медвѣди, нечего сказать,
Ловки перенимать.

Вотъ разъ, какъ днемъ цыганъ на солнцѣ спалъ
врастяжку,

Мой Мишенька поднялся на дыбки,
Платокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,
Изъ-подъ цыгана вынулъ шляпу,
Набросилъ на-бекрень, какъ хваты-ямщики,
И, топнувши ногой, медвѣдь плясать пустился.

„А, каково?“ Барбосу онъ сказалъ.

Барбось въблизи на этотъ разъ случился;
Собака — умный звѣрь, и пляски онъ видалъ.

„Да плохо!“ песъ Барбось медвѣдю отвѣчалъ.

„Ты судишь строго, братъ!“ собакѣ молвилъ Мишка;

„Я чѣмъ не молодцомъ пляшу?

Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ вашъ Гришка?

Гляди, какъ ловко я платкомъ машу,

Какъ выступаю важно, плавно!..“

„Ай, Миша! славно, славно!

Такого плясуна

Еще не видѣла вся наша сторона!

Легокъ ты, какъ цыпленокъ!“ —

Такъ крикнулъ мимо тутъ бѣжавшій поросенокъ:

Порода ихъ, пзвѣстно, какъ умна!—

Но Миша,

Судъ поросенка слыша,

Задумался, вздохнулъ, трудиться пересталъ

И, съ видомъ скромнымъ, самъ съ собою бормоталъ:

„Хулить меня собака, то не чудо;

Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;

Но если хвалить ужь свинья —

Пляшу я вѣрно худо!“

Быть можетъ, и людьми за правило взято

Медвѣжье слово золотое:

Какъ умный что хулить, навѣрно худо то;

А хвалить глупый — хуже вдвое!

А. А. О.

(ВЪ АЛЬБОМЪ. 1827 г.)

И новый годъ и альбомъ новый!
А что еще милѣй — владѣлица его!
Какой предметъ прелестный для того,
Кто, Музами любимъ, съ душой, всегда готовой
На впечатлѣнія прекраснаго всего,
Ихъ такъ легко изображаетъ!
Кто, записной поэтъ, гармоніей стиховъ
Красавицъ нѣжитъ слухъ и звукомъ сладкихъ словъ
Такъ сердцу сладостно ласкаетъ!
Я, отставной поэтъ, парнасскій инвалидъ,
Служитель истины суровой,
Что новое могу вписать въ вашъ альбомъ новый?
Что вы полны пріятностей Харить? —
Не новость: зеркало вамъ то же говоритъ.
Что милы вы, умны? — Но и въ чертогахъ царскихъ,
И въ теремахъ боярскихъ,
Гдѣ вы блистаете умомъ и красотой,
То-жъ самое жужжитъ гостей веселый рой. —

Итакъ, и въ истинахъ, нѣсколько вамъ не льсти-
выхъ,

Я упрежденъ; всѣ слышали вы ихъ,
И, можетъ быть, изъ устъ любезниковъ молодыхъ

И болѣе меня краснорѣчивыхъ. —

Остались мнѣ для васъ желанія одни,
Но вѣрьте, искренны и пламенны они:

Цвѣтите вы, какъ роза молодая

Подъ небомъ голубымъ безоблачнаго мая;

Неувядаемой и въ самыхъ позднихъ дняхъ

Душевной красотой плѣняйте взоры свѣта;

И хоть забудете вы о моихъ стихахъ,

Но помните меня, васъ часто на рукахъ

Носившаго поэта.

КЪ * * *

НА ПОЛУЧЕНІЕ ТУРЕЦКАГО КОШЕЛЬКА СЪ МАЛЕНЬКОЮ
ЗОЛОТОЮ МОНЕТОЮ.

(1830 г.)

Вашъ кошелекъ, Востокомъ ароматный,
И носу моему и сердцу даръ пріятный!

Но не съ монетою золотою
Желалось бы имѣть отъ васъ мнѣ даръ такой:
Нѣтъ, вы-бъ не золотомъ меня обогатили;
А если-бъ въ маленькій вы кошелекъ вложили
Хоть маленькую часть любезности своей,
И вкуса, и ума, и вашего пріятства,
Вы, съ малымъ кошелькомъ, мнѣ дали бы богатства;
Вы сдѣлали-бъ — что я у всѣхъ людей
И милымъ бы прослылъ, и умникомъ считался,
И всѣмъ — и даже вамъ, любезнѣй бы казался.

НА СМЕРТЬ

БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

(1831 г.)

Милый, младый нашъ пѣвецъ! на могилѣ, уже мнѣ
грозившей,

Ты обѣщался воспѣть Дружбы прощальную пѣснь *);
Такъ не исполнилось! Я надъ твоею могилою ранней
Слышу надгробный плачъ, Дружбы и Музъ и Любви!
Бросилъ ты смертныя пѣсни, оставилъ ты бrenную
землю,

Мрачное царство вражды, грустное свѣтлой душѣ!
Въ міръ неземной ты унесся, небесно-прекраснаго
алчный;

*) Покойный Дельвигъ, во время опасной моей болѣзни, въ дружескихъ разговорахъ, обѣщаль написать стихи въ случаѣ смерти моей.

ПСАРЬ И МЕДВѢДЬ.

(1831 г.)

Псарь, промысляющій смиренныхъ зайцевъ шкурой,
Медвѣдя разъ въ берлогѣ подстерегъ;
Богатой шубою псаря плѣнилъ звѣрекъ;
Но, тварей мелкихъ врагъ — былъ, видно, слабъ нату-
рой:

Съ звѣрями крупными онъ дракъ терпѣть не могъ;

Медвѣди же большіе забіяки

И шубъ съ себя не отдаютъ безъ драки,

Принявши развѣ пулю въ бокъ;

Но псарь мой былъ и не стрѣлскъ.

Такъ хоть, кажись, и ясно,

Что моему тутъ молодцу

На добычъ зариться напрасно,

Что для псаря медвѣдь былъ звѣрь не по ловцу;

Однако, смертная взяла его охота

Медвѣжій мѣхъ себѣ добыть:

Борзыми вздумалъ псарь медвѣдя затравить. —

Скорѣй домой, и лишь въ ворота,

Собралъ онъ всѣхъ собакъ, и гончихъ и борзыхъ,

Здоровыхъ и больныхъ.

И даже къ нимъ въдобавку,
Взялъ, отъ жены тайкомъ, ея сѣдую Шавку,
И, захвативши кнутъ, на звѣря онъ пошелъ.

Знавъ хорошо лѣсныя всѣ дороги,

Берлогу скоро онъ нашелъ.

Хозяинъ дома былъ: на солнцѣ у берлоги
Медвѣдь дремалъ; надъ нимъ, скача между кустовъ,
Привыкшая при немъ питаться объѣдала

Остатками мясныхъ его столовъ,

Сорока лепетала.

Она пздалека

Псаря-героя увидала

И, жизнью дорожа сосѣда Мишука,

Къ нему въ испугѣ закричала:

„Кумъ, на тебя гроза!“ — А что? — „Собаки съ гурьбой

Идетъ къ берлогѣ псарь.“ — Какой? —

„Что зайцевъ травитъ здѣсь порой;

Собаки не слышишь ли ты лаю?

Идетъ!“ — Пускай идетъ; его собаки я знаю; —

Медвѣдь въ-полсна пробормоталъ. —

А псарь ужъ подошелъ; но пздали онъ сталъ,

И издали собаки пускаетъ всѣхъ въ атаку;

Но, страшнаго почуявъ забіяку,

Лай подняли онѣ, а не пдутъ

Съ медвѣдемъ въ драку.

Псарь порскаетъ, кричитъ, собакамъ кажетъ кнутъ,

Сѣчетъ ихъ; вой и крикъ вся стая поднимаетъ

Подъ свнщущимъ кнутомъ: но все пздалека

Глядитъ на спящаго безпечно Мишука.

Но Шавка вдругъ одна къ медвѣдю подбѣгаетъ,

И лаесть въ носъ ему, смѣшно и глупо злясь;

Медвѣдь лежитъ не шевелясь. —

„Проснися, кумъ; собаки нападаютъ,“

Кричитъ сорока: „ну, какъ стаяй нападуть?“

— Нѣтъ, — Миша говоритъ, — собаки эти лають,

А зубомъ не берутъ. —

„Но Шавка, погляди, она тебя не труситъ;

Все рвется до твоихъ ушей;

Ахти, вопьется!.. Кумъ, дай оплеуху ей!“

— Ну, хорошо; скажи-жь, кума, скорѣй,

Когда она меня укусптъ, —

Ей Мишка отвѣчалъ

И потянувшись, вновь спокойно задремалъ.

Такъ журналистъ иной, частехонько бываетъ,

Съ толпой наемниковъ на дарованье лаесть;

А дарованіе, какъ злость ни нападай,

Спокойно слушаетъ журнальных шавокъ лай.

ДУМА.

(1832 г.)

Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его — тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ.

(1833 г.)

Кавказъ освѣщается полною луною;
Аулъ и станца на горномъ покатѣ
Сосѣдніе спятъ; лишь казакъ молодой
Безъ сна, одинокій, сидитъ въ своей хатѣ.

Напрасно, казакъ, ты задумчивъ сидишь,
И сердца біеньемъ минуты считаешь;
Напрасно въ окно на ручей ты глядишь,
Гдѣ тайнаго съ милой свиданія чаешь.

Желанный свиданія часъ наступилъ,
Но нѣтъ у ручья Кабардинки прекрасной,
Гдѣ счастливъ онъ первымъ свиданіемъ былъ,
И первой любовію дѣвы, имъ страстной;

Гдѣ, страстію къ дѣвѣ онъ самъ ослѣпленъ,
Далъ клятву отъ вѣры своей отступиться,
И скоро принять Магометовъ законъ,
И скоро на Фати прекрасной жениться.

Глядитъ на ручей онъ, сидя подъ окномъ,
И видитъ онъ вдругъ, близъ окна, передъ хатой,
Угрюмый и блѣдный, покрытъ башлыкомъ,
Стоитъ Кабардинецъ подъ буркой косматой.

То братъ Кабардинки, любимой имъ, былъ,
Давнишній кунакъ казаку обреченный;
Онъ тайну любви ихъ преступной открылъ:
Бѣда Кабардинкѣ, гяуромъ прельщенной!

„Сестры моей ждешь ты?“ онъ молвилъ: „сестра
Къ ручью за водой не пойдетъ уже, чаю;
Но клятву жениться ты далъ ей: пора!
Исполни ее... Ты молчишь? Понимаю.

Пойми жъ и меня ты. Три дня тебя ждать
Въ аулѣ мы станемъ: а если забудетъ
Казакъ свою клятву, — пришелъ я сказать,
Что Фати въ день третій сама къ тебѣ будетъ“. —

Сказалъ онъ и скрылся. Казакъ молодой
Любовью и совѣстью три дня крушится.
И какъ измѣнить ему вѣрѣ святой?
И какъ ему Фати прекрасной лишиться?

И вотъ, на исходѣ ужъ третьяго дня,
Когда онъ, размученъ тоскою глубокой,
Ужъ въ полночь, жестокий свой жребій кляня,
Страдалецъ упалъ на свой одръ одинокой, —

Стучатся; онъ всталъ, отпираетъ онъ дверь:
Вошелъ Кабардинецъ съ мѣшкомъ за плечами;

Онъ мраченъ какъ ночь, онъ ужасенъ какъ звѣрь,
И глухо бормочетъ, сверкая очами:

„Сестра моя здѣсь, для услугъ кунака“.
Сказалъ онъ, и сталъ сопротиву кровати,
Мѣшокъ развязалъ, и къ ногамъ казака
Вдругъ выкатилъ мертвую голову Фатп.

„Для дѣвы безъ чести нѣтъ жизни у насъ;
Ты — чести и жизни ея похититель —
Цѣлуйся жъ теперь съ ней хоть каждый ты часъ!
Прощай; я — кунакъ твой, а Богъ — тебѣ мститель!“ —

На голову дѣвы безмолвно взиралъ
Казакъ одичалыми страшно очами;
Безмолвно предъ ней на колѣни упалъ,
И съ мертвой — живой сочетался устами...

Сребрятся вершины Кавказа всего.
Быль день. Къ перекличкѣ, предъ домъ кошевого,
Сошлись всѣ казаки, и нѣтъ одного —
И нѣтъ одного казака молодого.

ЛАСТОЧКА.

(1833 г.)

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни,
Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой и ве-
селою.

Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною;
Можетъ быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.
Птица, любезная людямъ! ты любишь сама человѣка;
Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь въ
его домѣ;

Днями счастливой любви подъ его наслаждаешься кров-
лей;

Дружбѣ его и свой маленькій домъ и семейство ввѣ-
ряешь,

И зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка. —
Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая
гостья!

Но куда? за какія моря, за какіе предѣлы
Странствуешь ты, чтобъ искать обновленія жизни пре-
красной,

Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты не
можешь?

Кто, по пустынямъ воздушнымъ, досель неотгаданный
нами,

Путь для тебя указываетъ, чтобъ снова предъ нами
являться?

Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова,
какъ съ неба,

Пѣснями насъ привѣчать съ воскресеньемъ безсмерт-
ной природы. —

Хату и пышный чертогъ избираешь ты, вольная птица,
Домомъ себѣ; но ни хаты жилецъ, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Если онъ счастье дома съ тобою потерять не стра-
шится.

Счастье приносишь ты въ домъ, гдѣ пріютъ нетре-
вожный находишь,

Божія птица *), какъ набожный пахарь тебя называетъ:
Онъ, какъ священную птицу, тебя почитаетъ и любитъ
(Такъ пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочестія
чтили). —

Кто-жъ, нечестивый, посмѣетъ гнѣзда твоего прикос-
нуться, —

Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря человѣку:
„Будь покровителемъ мнѣ, но свободы моей не ка-
сайся!“

Птица любви и мира, ты недругъ всѣхъ хищныхъ
пернатыхъ:

Первая крикомъ тревожнымъ — домашнимъ ты птицамъ
смирненнымъ

*) Такъ въ нѣкоторыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи народъ
называетъ ласточку.

Вѣсть подаешь о налетѣ погибельномъ коршуна злаго;

Крикомъ встрѣчаешь его; и до облакъ преслѣдуешь
крикомъ,

Часто крылатаго хищника умыслъ кровавый ничтожа.—
Чистая птица, на прахѣ земномъ ты ногъ не покоишь
Развѣ на мигъ, чтобъ пищу восхитить, сядишь на
землю:

Цѣлую жизнь, и поя и гуляя, ты плаваешь въ небѣ,
Такъ же легко и свободно, какъ мощный дельфинъ въ
океанѣ.

Ты съ высоты поднебесной смотришь на бѣдную землю;
Горы, лѣса, города и всѣ гордыя зданія смертныхъ
Кажутся взорамъ твоимъ не выше долинъ и потоковъ,
Такъ для взоровъ поэта — земля и все, что земное
Въ шаръ единый сливается, свыше лучемъ озаренный.
Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу
напѣла.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ОССИАНА.

(1806 г.)

О источникъ ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающій
Съ бѣлой пѣною жемчужною!
О источникъ, извивайся ты,
Разливайся влагой свѣтлою
По долинѣ чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца лучъ полуденный,
Не палилъ долины Лутау. —
Есть въ долинѣ голубой цвѣтокъ,
Вѣтръ качаетъ на стеблѣ его,
И свѣвая росу утренню,
Не даетъ цвѣтку поблекшему
Освѣжиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цвѣтокъ
Головою нерасцвѣтшею
На горячу землю склонится,
И пустынный вѣтръ полуночный

Прахъ его развѣтъ по полю.
Звѣроловецъ, утромъ видѣвшій
Цвѣтъ долины украшеніемъ,
Въ вечеру придетъ плѣняться имъ;
Онъ придетъ — и не найдетъ его!

Такъ-то нѣкогда придетъ сюда,
Оссіана пѣсни слышавшій!
Такъ-то нѣкогда приблизится
Звѣроловецъ къ моему окну,
Чтобъ еще услышать голосъ мой.
Но приплещъ, стоя въ безмолвіи
Предъ жилищемъ Оссіановымъ,
Не услышитъ звуковъ пѣнія,
Не дождется при окнѣ моемъ
Голоса ему знакомаго;
Въ дверь войдетъ онъ растворенную,
И очами изумленными
Озирая сѣнь безлюдную,
На стѣнѣ полуразрушенной
Узритъ арфу Оссіанову,
Гдѣ вися, осиротѣлая,
Будетъ вѣсть бесѣды тихія
Только съ вѣтрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тѣхъ временъ, когда рука моя
Раздробляла щитъ трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печальнаго!
Ни меча извлечь не въ сплахъ я,

Въ битвахъ молніей сверкавшаго;
Ни щита я не могу поднять,
И на немъ напечатлѣнныя
Язвы битвъ, единоборствъ моихъ,
Я считаю осязаніемъ.
Ахъ! мой голосъ, бывшій нѣкогда
Гласомъ грома поднебеснаго,
Нынѣ тихъ, какъ вѣтеръ вечера,
Шепчущій съ листьями тополя. —
Все сокрылось, все оставило
Оссіана престарѣлаго,
Одинокаго, ослѣпшаго!

Но не долго я остануся
Безполезнымъ Сельмы бременемъ;
Нѣтъ, не долго буду въ мірѣ я
Безъ друзей и въ одиночествѣ!
Вижу, вижу я то облако,
Въ коемъ тѣнь моя сокроется;
Тѣ туманы вижу тонкіе,
Изъ которыхъ мнѣ составитя
Одѣяніе прозрачное.

О Мальвина, ты-ль приблизилась?
Узнаю тебя по шествію,
Какъ пустынной лани, тихому,
По дыханью кроткихъ устъ твоихъ,
Какъ цвѣтокъ, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мнѣ;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да пѣснь унылая

Моему предыдетъ шествію
Въ сѣнь отцовъ моихъ воздушную.
Внемля пѣснь мою послѣднюю,
Тѣни ихъ възиграютъ радостью
Въ свѣтлыхъ облачныхъ обителяхъ;
Спустятся они отъ воздуха,
Сонмомъ склонятся на облаки,
На края ихъ разноцвѣтные,
И прострутъ ко мнѣ десницы ихъ,
Чтобъ принять меня къ отцамъ моимъ!...
О! подай, Мальвина, арфу мнѣ,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылахъ съ тѣнями черными;
Волны озера качаются,
Хлещетъ пѣна въ брегъ утесистый;
Мхомъ покрытый, дубъ возвышенный
Надъ источникомъ склоняется;
Вѣтеръ стонетъ межъ листовъ его,
И срывая, съ шумомъ сыплетъ ихъ
На мою сѣдую голову!

Скоро, скоро, какъ листы его
Пожелтѣли и рассыпались,
Такъ и я увяну, скроюся!
Скоро въ Сельмѣ и слѣдовъ моихъ
Не увидятъ земнородные;
Вѣтръ, свистящій въ волосахъ моихъ,
Не разбудитъ ото сна меня
Не разбудитъ отъ глубокаго!

Но почто сіе уныніе?
Для чего печали облако
Осѣняетъ душу Бардову?
Гдѣ герои преждебывшіе?
Рино, младостью блистающій?
Гдѣ Оскаръ мой — честь безтрепетныхъ?
И герой Морвена грознаго,
Гдѣ Фингалъ, меча котораго
Трепеталъ ты, царь вселенныя?
И Фингалъ, отъ взора коего
Вы, странъ дальнихъ рати сильныя,
Разсыпался, какъ призраки?
Паль и онъ, сраженный смертію!
Тѣсный гробъ сокрылъ великаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Позабытъ и слѣдъ могучаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Вѣтръ свиститъ въ окно разбитое;
Предъ широкими вратами ихъ
Водворилось заустѣніе;
Подъ высокими ихъ сводами,
Арфъ бряцаніемъ гремѣвшими,
Воцарилось безмолвіе!
Тишина ихъ возмущается
Завываньемъ звѣря дикаго,
Жителя ихъ стѣнъ разрушенныхъ.

Такъ, въ чертогахъ праотческихъ
Позабытъ и слѣдъ великаго! —
И мои слѣды забудутся?
Нѣтъ, пока свѣтила ясныя

Будутъ блескомъ ихъ и жизнью
Озарять холмы Норвенскіе, —
Голосъ пѣсней Оссіановыхъ
Будетъ жить надъ прахомъ тлѣнія,
И надъ холмами пустыннымъ,
Надъ развалинамъ Сельмскими,
Предъ лицомъ луны задумчивой,
Разливаясь гармоніей,
Призоветъ потомка поздняго
Къ сладостнымъ воспоминаніямъ.

МИЛЬТОНЪ, СЪТУЮЩІЙ НА СВОЮ СЛѢПОТУ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III-Й КНИГИ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ».)

(1805 г.)

Хвала, о Музы, вамъ! я зрѣлъ селенья звѣздны,
Безстрашно нисходилъ въ подземны Ада бездны;
Дерзаю вновь парить въ священный эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣтиломъ золотыхъ согрѣтый, озаренный. —
И се, я чувствую огонь лучей его;
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего!
Зѣницы тускля во тьмѣ ночной вращаю,
И тщетно средь небесъ я солнце зрѣть желаю!
Увы! не просвѣтитъ оно моихъ очей;
Мой не увидитъ взоръ златыхъ его лучей. —
Но ты, мой вѣрный другъ, божественная Муза!
Ты не прервешь со мной священнаго союза;
Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,

Когда я буду пѣснь святую воспѣвать:
 Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ,
 Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
 Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
 Въ одномъ безмолвіи бесѣдную съ тобой.

Мѣста, живившія мой томный духъ смущенный,
 Гора Сіонская, и ты, ручей священный,
 Что при стопахъ ея задумчиво журчишь
 И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катишь, —
 Васъ часто съ Музою, слѣпецъ, я посѣщаю;
 О мужи славные, васъ часто призываю!
 Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
 Тирезій, Тамирисъ, божественный Омиръ!
 Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ;
 Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?...

Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ
 И силу новую воображенью давъ,
 Вселенной чудеса я съ Музой воспѣваю,
 И огонь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю. —
 Такъ скромный соловей, въ ночной, безмолвный
 часть,
 Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, ліетъ свой сладкій
 гласъ. —

И годъ, и день, и ночь — все снова возродится;
 Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;
 Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ;
 Весна моя безъ розъ, и лѣто безъ плодовъ.
 Увы! я не узрю ни сплнхъ водъ безмѣрныхъ,
 Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ;

Ни богомужнаго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блистаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтовъ различны роды;
Исчезли для меня всѣ красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тьмой,
И книга дивная закрылась предо мной;
Все пусто, вѣчною все ночью поглотилось,
И солнце для меня навѣки закатилось! —
Простите навсегда, науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды!
Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Все скрыла ночь! — Но ты, любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, расторгни мракъ очесъ;
О Муза, просвѣти меня огнемъ небеснымъ,
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстнымъ,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое доднесь отъ смертнаго очей.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ МИНЕРВЪ.

(1809 г.)

Пою великую, безсмертную Аѣнну,
Голубоокую, божественную дѣву,
Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
Необоримую защитницу градовъ,
Эгидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
Покрытую златой, сіяющей броней.
Оцѣпенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
Когда изъ Зевсовой главы она священной
Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
Стонъ тяжкій издала; весь Понтъ поколебался,
Смятенъ до чермныхъ безднъ; на брегъ побѣгло море;
Гиперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ
Оружье совлекла божественная дѣва.

Возрадовался Дій рождениемъ Аѳины.
О Громовержцева эгидоносна дщерь,
Привѣтствую тебя! Услышь ты голосъ мой,
И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ ДІАНѢ *).

(1810 г.)

Златоколчанную Діану воспою,
Стрѣлолюбивую губительницу ланей,
Звонкоголосую, божественную дѣву,
И златомечнаго Аполлона сестру.
Она въ тѣни лѣсовъ и на холмахъ вѣтристыхъ
Преслѣдуетъ звѣрей; златый натягши лукъ,
Крылату мечетъ смерть. Трепещутъ главы горъ,
И гулы по лѣсамъ далеко отдаются
Отъ воющихъ звѣрей; страшится вокругъ земля,
И многорыбный понтъ. Но съ сердцемъ нестрашимымъ
Богиня шествуетъ, родъ скачущихъ стрѣляя;
Увеселенная жъ стрѣляніемъ звѣрей,
Спустия свой гибкій лукъ, вступаетъ въ домъ великій,
Гдѣ обитаетъ Фивъ, ея небесный братъ,
Въ златомъ обиліи Дельфійскихъ древнихъ стѣнъ,
И тамъ Харитъ и Музъ устанавливаетъ хоры;
Тамъ, свой повѣсивъ туль и опущенный лукъ,

*) Близкій переводъ съ подлинника.

Прелестно облачивъ божественное тѣло,
Она становится вождемъ небесныхъ хоровъ;
Они же, отъ устъ своихъ амврозію лія,
Сереброногую Латону воспѣвають,
Съ Зевесомъ родшую дѣламъ славныхъ чадъ,
Отличныхъ межъ боговъ премудростію ихъ. —
Ликуй, безсмертный родъ Латоны лѣповласой!
Хвалебну пѣснь тебѣ всегда я воспою.

ГИМНЪ ВЕНЕРЪ.

(1812 г.)

Пою златовѣнчанную, прекрасную Венеру,
Защитницу веселыхъ, Кипрійскихъ береговъ,
Куда ее дыханіе Зефировъ тиховѣйныхъ
На нѣжной пѣнѣ моря черезъ волны принесло.
Тамъ радостные Оры владыщцу, встрѣчая,
Въ небесныя одежды спѣшили облачить;
Власы благоуханны златымъ вѣнцомъ покрыли,
Вокругъ по нѣжной выѣ, по бѣлымъ раменамъ
Обвѣсили монисты, какими Оры сами,
Перевивая златомъ волнистые власы,
Себя изукрашаютъ, идя на пиръ небесный
Въ чертогъ отца Зевеса, въ священный ликъ боговъ.
Украшивъ такъ царицу, возводятъ въ домъ безсмерт-
ныхъ,

И боги восхищенны, встрѣчая, мать любви
Съ восторгомъ окружаютъ, берутъ за бѣлы руки,
И, очи услаждая всѣ образомъ Киприды,

Желаешь въ сердцѣ каждый въ любовь ее склонить
И дѣвственной супругой возвестъ на брачно ложе.
Привѣтствую тебя, богиня черноока,
О мать сладкорѣчива веселій и любви!
Услышь мои ты пѣсни, и возлюби меня.

ТАНТАЛЪ И СИЗИФЪ ВЪ АДЪ.

(Изъ Одиссеи. Пѣснь XI, ст. 581).

(1827 г.)

Послѣ увидѣлъ я Тантала; горькую муку онъ тер-
пѣтъ:
Во озерѣ старецъ стоитъ, и вода къ подбородку до-
ходитъ;
Но, сгарая отъ жажды, напиться страдалецъ не мо-
жетъ:
Каждый разъ — лишь наклонится старецъ, напиться
пылая,
Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ но-
гами
Видитъ лишь землю черную; демонъ ее изсушаетъ.
Вкругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли,
Груши, блестящія яблоки, полныя сока гранаты,
Ярко-зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы;
Но какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устрем-
лялся,

Вѣтеръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ тем-
ныхъ.

Тамъ и Сизифа узрѣлъ я; жестокія муки онъ тер-
питъ:

Тяжкій, огромный руками обѣими камень катаетъ:
Онъ и руками его и ногами, что сплъ подпирая,
Катитъ скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Часть вскатить, какъ назадъ устремляется страшная
тягость;

Снова на доль, закрутившись, падаетъ камень ковар-
ный. —

Снова тотъ камень онъ катитъ и мучится; льется
ручьями

Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вокругъ главы
его вѣтся.

АРФА ДАВИДА.

(1821 г.)

Разорваны струны на арфѣ забвенной
Царя-пѣснопѣвца, владыки народовъ, любимца небесъ!
Нѣтъ болѣе арфы, давно освященной
Сыновъ Іудейскихъ потоками слезъ!
О, сладостны струнъ ея были перуны!
Рыдайте, рыдайте! на арфѣ Давида разорваны струны!

Гармоніей сладкой она проницала
Желѣзные души, мѣдяныя груди суровыхъ людей;
Ни слуха, ни сердца она не встрѣчала,
Чтобъ ихъ не восхитить до звѣздныхъ полей
Чудеснымъ могуществомъ струннаго звона.
Священная арфа Давида сильнѣе была его трона.

Вслухъ міру Царя она славу гремѣла;
Величила въ пѣсняхъ могущество Бога, Его чудеса;
Веселіемъ наполнила грады и села,
И двигала горы и кедровъ лѣса;
Всѣ пѣсни ея къ небесамъ возвышались,
И тамъ возлетѣвши, подъ скиніей Бога навѣки оста-
лись.

Съ тѣхъ поръ на землѣ ихъ не слышно небесныхъ.
Но кроткая вѣра еще восхищаетъ слухъ кроткихъ
сыновъ

Мелодіей сладкой тѣхъ звуковъ чудесныхъ:
Они, какъ отъ звѣздныхъ слетая круговъ,
Лелѣютъ ихъ души небесными снами,
Которыхъ не можетъ и солнце разрушить златыми
лучамп.

М Е Л О Д І Я.

(1824 г.)

Душѣ моей грустно! Спой пѣсню, пѣвецъ!
Любезенъ гласъ арфы душѣ и унылой.
Мой слухъ очаруй ты волшебствомъ сердецъ,
Гармоніи сладкой всемошною силой.

Коль искра надежды есть въ сердцѣ моемъ,
Ее вдохновенная арфа пробудитъ,
Когда хоть слеза сохранилася въ немъ,
Прольется, и сердца сжигать мнѣ не будетъ.

Но пѣсни печали, пѣвецъ, мнѣ воспой:
Для радости сердце мое ужь не бьется;
Заставь меня плакать, — иль долгой тоской
Гнетомое сердце мое разорвется!

Довольно страдалъ я, довольно терпѣлъ;
Усталъ я! — Пусть сердце или сокрушится,
И кончитъ земной мой несносный удѣлъ;
Иль съ жизнью арфой златой примирится.

ВОЕННЫЙ ГИМНЪ ГРЕКОВЪ.

(СОЧИНЕНІЕ РИГИ.)

(1821 г.)

Воспряньте, Греціи народы!
День славы наступилъ.
Докажемъ мы, что Грекъ свободы
И чести не забылъ.
Расторгнемъ рабство вѣковое,
Оковы съ вый сорвемъ;
Отмстимъ отечество святое,
Покрытое стыдомъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою!
Пойдемъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь — рѣкою
Кипитъ у нашихъ ногъ!

О тѣни славныя уснувшихъ
Героевъ, мудрецовъ!
О Эллы вѣковъ минувшихъ;
Востаньте изъ гробовъ!

При звукѣ нашихъ трубъ — летите
Вождями вашихъ чадъ;
Вамъ къ славѣ путь знакомъ — ведите
На семихолмный градъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

О Спарта, Спарта, мать героевъ!
Что рабскимъ сномъ ты спишь?
Аѳины союзница, услышь
Кличъ мстительныхъ ихъ строевъ!
Въ ряды! и въ пѣсняхъ призовемъ
Героя Леонида,
Предъ кѣмъ могучая Персида
Упала въ прахъ челомъ.
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

Вспомнимъ, братья, Θермопилы
И за свободу бой!
Съ трехъ-стами храбрыхъ — Персовъ силы
Одинъ сдержалъ герой;
И въ битвѣ, гдѣ примѣръ любви
Къ отчизнѣ — вѣчный далъ,
Какъ левъ онъ гордый — въ волны крови
Имъ жертвъ раздранныхъ палъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

ТАРАТИНСКАЯ ДѢВА.

(1822 г.)

Стенайте, Алкіоны!
О птицы нѣжныя, любимицы Наядъ,
Стенайте! ваши стоны
Окрестные берега и волны повторятъ.

Не стало, нѣтъ ея, прекрасной Евфрозины!
Младую несъ корабль на берегъ Камарины;
Туда ее Гименъ съ любовью призывалъ:
Невѣсту тамъ женихъ на прагѣ дома ждалъ.
При ней, на брачный день, хранилъ ковчегъ кедро-
вый,

Одежды свѣтлыя и дѣвы поясъ новый,
И перлы для груди, и золото для перстовъ,
И благовонныя мастики для власовъ.
Но, какъ Ніобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждою простою,
Фіалковымъ вѣнкомъ и ризою льняной,
На палубѣ одна стояла, и мольбой
Звала попутный вѣтръ и мирныя свѣтила. —

Но вихорь налетѣлъ и, грянувши въ вѣтрила,
Невѣсту обхватилъ, корабль качнулъ: о страхъ!
Она уже въ волнахъ!..

Она уже въ волнахъ, младая Евфрозина!
Помчала мертвую глубокая пучина.
Θетидѣ, сжаляся, ее изъ безднѣ морскихъ
Выносить блѣдную въ объятіяхъ своихъ.
На крикъ сестры, толпой, сквозь влажныя громады,
Всплываютъ юныя поверхъ зыбей Наяды;
Несутъ бездушную, кладутъ подъ кипарисъ;
Тамъ — принялъ дѣвы прахъ Зефировъ тихій мысъ;
Тамъ — Нимфы, воплями собравъ подругъ далекихъ,
И Нимфъ густыхъ лѣсовъ, и Нимфъ полей широкихъ,
И распустивъ власы, надъ холмомъ гробовымъ
Весь огласили брегъ стенаніемъ своимъ.

Увы! напрасно ждалъ тебя женихъ печальной;
Ты не украсилась одеждою вѣнчальной:
Твой перстень съ женихомъ тебя не сочеталъ,
И кудрей дѣвственныхъ вѣнецъ не увѣнчалъ!

КУЗНЕЧИКЪ.

(ИЗЪ АНАКРЕОНА.)

(1822 г.)

О счастливецъ, о кузнецикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплею росы напьешься,
И какъ царь ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ,
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятель человѣкамъ,
Лѣта сладостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,
Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голосъ.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинный,
Безболѣзненный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

СИРАКУЗЯНКИ,
или
ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ.

Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *Поэзіи пастушеской*; опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т. е. идилліи и эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч., и проч.

Идиллія грековъ, по самому значенію слова *), есть *видъ, картина*, или то, что мы называемъ *сцена*, но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Теоокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обрабаты-

*) Εἰδύλλιον, происходитъ отъ εἶδος, *видъ*, и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

вать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. Занявъ для идиллій своихъ формы изъ мимъ, сценическихъ представлений, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобы пышности двора александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемея совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человека.

Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными, и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по-своему переиначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностію, простоту—изысканностію. У римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Вергилій; но, не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Теокрыта; пастухи его большею частію ораторы. Калпурній и другіе изъ римлянъ подражали Вергилію, не природѣ.

Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, и особенно въ италіанской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій, посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О французахъ и гово-

рить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ мифологию греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода. — Такимъ образомъ Теокрытъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фarosомъ, къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Теокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно-народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованіе. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякой другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣніи, какъ греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и проч.; но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей? — А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей, русской природы? — Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные — суть живыя идилліи народ-

ныя, ожидающія своихъ поэтовъ. Какъ умѣлъ Теокрытъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, наримѣръ, *Праздникъ Адониса*, какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сію я перевести осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе познакомить сколько-нибудь читателей, не знающихъ по-гречески, съ однимъ изъ необыкновенно-оригинальныхъ произведеній поэта древняго, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія также существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Теокрыту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе сей идилліи:

Сиракузянки, съ семействами ихъ, пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

Въ такой рамѣ, повидимому, тѣсной, чего не заключается? Образъ жизни, нравы семейные, обычаи народные, военные, дѣла царствованія Птолемея, обряды религіи, великолѣпіе ея празднествъ, — все тутъ видимо, и все въ живомъ дѣйствіи, не въ холодномъ описаніи. Такова идиллія древнихъ, или, лучше сказать, таковъ геній Теокрыта.

Лица: Горго, Праксиноя, Сиракузянки; Эвноя, Эвтихида, ихъ служанки; старуха, незнакомецъ первый, незнакомецъ второй.

ГОРГО.

Дома, иль нѣтъ Праксиноя?

ЭВНОЯ.

Ахъ, Горго, какъ поздно ты.... дома.

ПРАКСИНОЯ.

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей кресель, Эвноя; Брось и подушку.

ГОРГО.

Спасибо; ахъ, какъ хорошо!

ПРАКСИНОЯ.

Ну, сиди же.

ГОРГО.

Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спасался,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, на-
роду!

Все сапоги да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты, мой другъ, по-
селилась.

ПРАКСИНОЯ.

Это все онъ, дуралей (мужъ): на краю мнѣ свѣта здѣсь
 нанялъ
 Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ со-
 сѣдствѣ
 Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечить, злодѣй мой
 всегдашній!..

ГОРГО.

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа,
 Вслухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя онъ
 уставилъ.

ПРАКСИНОЯ (къ дитяти).

Нѣтъ, мой Зопіріонъ, я говорю не про тятю, мой милый.

ГОРГО (въ сторону).

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. (Вслухъ) Твой тятя
 прекрасенъ!

ПРАКСИНОЯ.

Этотъ тятя—вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю):
 Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и
 селитры.

Что же принесъ онъ мнѣ?.. соли, — въ тринадцать лок-
 тей мужичина!

ГОРГО.

То же сдѣлалъ, точь-въ-точь, Діоклидъ мой, пагуба
 денегъ!

Даль семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну, [шкур
 собачьи,

Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну,
гадость! —

Но, надѣвай же ты платье, и плащъ твой съ застеж-
ками новый;

Время; пойдѣмъ-ка въ палаты царя-богача, Птолемея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

П Р А К С И Н О Я.

Дивно ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты-жь, что увидишь, рассказывать станешь тѣмъ, кто
не видѣлъ.

Г О Р Г О.

Время однако отправиться: *празднымъ всякій день праз-*
дникъ.

П Р А К С И Н О Я.

Эвно, воды ключевой, и поставь посрединѣ; скорѣе-жь!
Ахъ ты, нѣженка!... *спать спокойно хотятъ ужь и*
кошки.

Двигайся-жь, мигомъ воды; вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держать кувшинъ! Но давай; безтолковая,
тише

На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обли-
ваешь!

Полно! — Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умы-
лась. —

Ключъ отъ шкатулки большой? поскорѣе сама принеси
мнѣ.

Г О Р Г О.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стòитъ съ
работой?

П Р А К С И Н О Я.

Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; о работѣ молчу; приложила всю душу.

Г О Р Г О.

Вышло зато по желанію.

П Р А К С И Н О Я.

Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу; приладь же, смотри, хоро-
шенько;

Такъ. — (*Къ ребенку*) А дитя не возьму я; тамъ бука,
тамъ лошадь кусаетъ...

Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты
калѣкой.

Горго, идемъ. — Ну возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты. —

Боги, какая толпа!.. неужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные; нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемея, для народа ты
сдѣлалъ

Послѣ того, какъ къ богамъ приобщенъ твой родитель!
Злодѣи

Путникамъ болѣе не страшны египетскимъ подлымъ ко-
варствомъ:

Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти
Всѣ на единую статью, негодяи, разбойники, воры...

Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты зада-
вишь!..

Сталъ на дыбы его рыжій!.. онъ дикъ совершенно, онъ
бѣшенъ!..

Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?.. убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

ГОРГО.

Ну, ободрись, Праксиноя! теперь позади мы всѣхъ кон-
ныхъ;

Строй ихъ пошелъ на площадь.

ПРАКСИНОЯ.

Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюсь
Съ самаго дѣтства. — Пойдемъ, приближаются волны
народа.

ГОРГО (*къ старухѣ, идущей на встрѣчу*).

Ты изъ дворца, моя матушка?

СТАРУХА.

Да, мои дѣти.

ГОРГО.

Легко ли

Будетъ войти намъ?

СТАРУХА.

Съ попыткою въ Трою вошли
Аргивяне.

Да, мое дитяtko, да, до всего съ попыткой доходятъ.

ГОРГО.

Слышишь? старуха уходитъ и словно оракуль бормочетъ.

ПРАКСИНОЯ.

Женщины знают про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

ПРАКСИНОЯ.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя, Руку возьми и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала. Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися-же насъ ты, Эвноя.

Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго, Точно разорвано!.. (*Къ незнакомцу*) Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ, Добрый мой человѣкъ, я прошу, охраняй мое платье.

НЕЗНАКОМЕЦЪ 1-й.

Здѣсь я не властенъ; но буду стараться...

ПРАКСИНОЯ.

Ужасная давка!

Лѣзутъ, какъ свиньи.

НЕЗНАКОМЕЦЪ 1-й.

Спокойтесь, женщины, мы на просторѣ.

ПРАКСИНОЯ.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!

Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..

Слугамъ приказывай, ты Спракузянкамъ развѣ указчикъ?
 Мы Спракузянки, да, чтобы зналъ ты, Коринѳянки ро-
 домъ,
 Такъ какъ и Беллерофонъ. Нашъ выговоръ цѣлопон-
 нескій;
 Но говорить по-дорически, чаю, Доріянкамъ можно.

П Р А К С И Н О Я.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая *), насъ отъ владыки
 другаго;
 Есть онъ одинъ. На тебя не смотрю, и въ обиду не
 дамся
 Даромъ...

Г О Р Г О.

Молчи, Праксиноя: выходишь Адониса славить
 Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
 Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ
 пѣсняхъ.
 Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она присту-
 паетъ.

А Р Г И В Я Н К А (поетъ).

О, Владычица Голгоса, ты, что Идалию любишь
 Холмный Эриксъ посѣщаетъ, Киприда, играющая зла-
 томъ!
 Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ береговъ Ахерона,
 Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія
 Горы,

*) Эпитетъ Прозерпины.

Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ
намъ,

Горы, всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.

Дщерь Діонеи, Киприда могучая, ты Беренисѣ,

Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,

Въ перси жены земнородной амвросію капая неба.

Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множе-
ствѣ храмовъ,

Дочь Беренисы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,

Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.

Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви прино-
сятъ,

Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго,
блещетъ

Въ серебряныхъ кошахъ, и Сиріи муро въ златыхъ ала-
вастрахъ;

Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены гото-
вятъ,

Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,

И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣтлымъ
елеемъ;

Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь, передъ го-
стемъ;

Здѣсь и зеленныя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ,

Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,

Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ

Силу ихъ крылъ испытую, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.

Злато, эбенъ и слоновою кость, — изъ васъ образованъ

Быстрый орелъ, виночерпца младаго Кронида несущій.

Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность:

Скажетъ про нихъ восхищенный Милетянинъ, или Само-
сецъ.

Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа;
Въ семь почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлорукій Адо-
нисъ,

Юный супругъ девятнадцати-лѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.

Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія.
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣсно-
пѣнье:

„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ
насъ къ Ахерону:

Доля, какой ни единый земной полубогъ не сподоб-
ленъ;

Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Тела-
монидъ,

Ни изъ Гекубинныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій
Гекторъ,

Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона руши-
тель,

Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапины, или Девкалиды,

Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги.

Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ
возрадуй.

Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ
любезенъ!“

ГОРГО.

Ахъ, Пракспноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва

Счастлива даромъ, сто́кратъ она ісчастлива голосомъ
сладкимъ!—

Время одна́ко́ домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ
не встрѣчайся.

Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на
радость.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ.

(Посвящено Алексѣю Николаевичу Оленину).

(1825 г.)

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Намѣреніе сдѣлать извѣстными европейцамъ простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ—не ново: доказательство, что онѣ изобилуютъ не однѣми красотами частными, мѣстными, но достоинствомъ поэтическимъ, общимъ, чувствительнымъ и для другихъ народовъ. Еще въ 1676 году ученый французъ Ла-Гиллетьеръ, въ предисловіи своемъ къ сочиненію: *Лакедемонъ древній и новый*, изъявилъ желаніе издать собраніе греческихъ простонародныхъ пѣсенъ. Въ наше время отличнѣйшіе германскіе писатели, самъ знаменитый Гете *),

*) Пукевиль, въ своемъ „Путешествіи въ Грецію“, говоритъ какъ о слухѣ, будто Гете издалъ уже въ Германіи подобное собраніе. Voyage dans la Grèce. Tom. V, p. 415.

собирали ихъ съ намѣреніемъ напечатать; французъ упредилъ: г. Фориель (Fauriel) издалъ собраніе греческихъ пѣсенъ, съ переводомъ и съ предисловіемъ. Первое основаніе сего собранія положено, какъ говоритъ издатель, знаменитымъ Кораемъ; послѣднія пѣсни онъ получилъ отъ гг. Газе, Мустоксиди и другихъ ученыхъ и патріотовъ греческихъ, его намѣренію споспѣшествовавшихъ.

„Простонародныя греческія пѣсни, говоритъ издатель въ началѣ предисловія, даже и безъ всякихъ изъясненій, какихъ онѣ могутъ требовать, доставятъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, научатъ оцѣнять съ бѣльшею, какъ доннѣ было, точностью, съ бѣльшею справедливостію нравы, характеръ и геній нынѣшнихъ грековъ.

„Ученые европейцы, въ продолженіе четырехъ вѣковъ посѣщая Грецію, отыскивали развалины храмовъ, прахъ городовъ, рѣшаясь напередъ восхищаться надъ слѣдами, часто сомнительными, всего того, что за двѣ или за три тысячи лѣтъ было; а восемь милліоновъ людей, остатки несомнѣнные, остатки живые древняго народа сей земли классической, бросали безъ всякаго вниманія, или говорили объ нихъ, какъ о племени отверженномъ, падшемъ, не заслуживающемъ ничего бѣльше, кромѣ презрѣнія или сожалѣнія людей образованныхъ.

„Такимъ образомъ, ученые европейцы не только оказывали несправедливость нынѣшней Греціи, но вредили сами себѣ, своей любимой надеждѣ: они сами отказывались отъ способовъ лучше узнать Грецію древнюю, лучше открыть то, что есть преимущественнаго,

собственного и неизгладимаго въ характерѣ и геніи сыновъ сей земли благословенной. Не въ одной чертѣ обычаевъ и правовъ нынѣшнихъ они легко узнали бы слѣды любопытные обычаевъ и правовъ древнихъ, и такимъ образомъ составили бы себѣ мысли гораздо высшія о силѣ и твердости послѣднихъ. Они открыли бы причину и болѣе общую и болѣе основательную той пламенной любви къ отечеству, къ свободѣ, той дѣятельности общественной, промышленности и предприимчивости, которымъ удивляются у грековъ древнихъ: ибо увѣрились бы, что греки нынѣшніе, даже подъ игомъ турокъ, болѣе несчастные, чѣмъ униженные, никогда совершенно не теряли ни своихъ преимуществъ душевныхъ, ни чувства независимости; что они умѣли удержать народность свою, отличную отъ ихъ побѣдителей, умѣли сохранить, подъ правительствомъ насильственнымъ и хищнымъ, способность удивительную къ мореходству и торговлѣ.

„Чѣмъ болѣе ученые любили языкъ Гомера и Пиндара, тѣмъ болѣе нашли бы они пользы въ изученіи языка новаго, который, живая отрасль языка мертваго, сохраняетъ многія черты его, не вошедшія въ книги древнихъ. Наконецъ, что касается до словесности вообще и въ особенности до поэзіи, они хотя не нашли бы у новѣйшихъ грековъ древняго поэтическаго генія, генія, который имъ ничего уже не говорятъ и котораго не могутъ они понимать; но узнали бы, что они также имѣютъ свои титулы славы, свою степень образованности. Вотъ предметъ, говоритъ издатель, о которомъ намѣренъ я пополнить, сколько могу, безмолвіе писателей и путешественниковъ.“

Съ такимъ побужденіемъ, въ предисловіи весьма обширномъ и занимательномъ, онъ между прочимъ полагаетъ краткую исторію новѣйшей словесности грековъ. Извлекаю только то, что должно познакомить читателя съ ихъ поэзіей простонародною, и позволяю себѣ нѣкоторыя замѣчанія на сужденія *) почтеннаго издателя.

„Греки нынѣшніе, кромѣ поэзіи письменной, имѣютъ поэзію пзустную, народную, во всей силѣ этого слова, выраженіе прямое и вѣрное характера и духа народнаго; ее каждый грекъ понимаетъ и любитъ, потому единственно, что онъ грекъ, что живетъ на землѣ и дышетъ воздухомъ Греціи. Поэзія сія живетъ не въ книгахъ, не жизнію искусственною, но въ самомъ народѣ и всею жизнію народа: она заключается въ пѣсняхъ.“

Издатель раздѣляетъ ихъ на три главные рода: семейственныя, историческія и мечтательныя или романическія. Подъ родомъ семейственныхъ разумѣетъ онъ пѣсни, которыя поются при разныхъ годовыхъ празднествахъ и важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни: свадьбахъ, пирахъ и, между прочимъ, при похоронахъ. Обращая болѣе вниманія на пѣсни семейственныя, которыя болѣе другихъ изображаютъ нравы народа, издатель замѣчаетъ черты, сближающія нравы и обычаи нынѣшнихъ Грековъ и ихъ предковъ. Такимъ образомъ, изъ числа пѣсенъ праздничныхъ, онъ упоминаетъ объ

*) Сужденія издателя французскаго отличены, при началѣ и при концѣ ихъ, двумя запятыми.

одной, весьма известной въ цѣлой Греціи подъ названіемъ: *Пѣсня ласточки*. Она поется при началѣ весны, въ мартѣ, купами дѣтей, которыя, нося въ рукахъ ласточку, изъ дерева сдѣланную, ходятъ изъ дома въ домъ, чтобъ славить новую весну и получать за это небольшую награду. При семъ издатель указываетъ на подобную древнюю простонародную пѣсню, которая во всей цѣлости сохранена Аѳенеемъ; она, по словамъ издателя, такъ же была известна подъ названіемъ: *Хелидонизма*, *Пѣсня ласточки*, и пѣлась у родосцевъ также дѣтьми, въ мартѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ же намѣреніемъ.“

Возбудивъ любопытство, издатель, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ его, не приводитъ ни той, ни другой пѣсни. Кромѣ этого должно замѣтить, что древняя пѣсня у Аѳеней не названа: *хелидонизма*; онъ только говоритъ, что пѣть эту пѣсню называлось *хелидонизинъ*, такъ сказать, *пѣть ласточкой* — и что это обыкновенно бывало въ мѣсяцѣ воедроміонѣ. Мѣсяцъ сей у грековъ также не мартъ, а нашъ августъ; впрочемъ, какъ противорѣчіе самой пѣсни, къ веснѣ относящейся, такъ и нѣкоторые издатели Аѳеней утверждаютъ, что подлинникъ въ названіи мѣсяца сомнителенъ. *Хелидонизинъ*, говоритъ Аѳеней, произошло отъ того, что пѣли слѣдующую пѣсню *):

*) Предлагаю для любопытныхъ и подлинникъ сей необыкновенно оригинальной пѣсни и переводъ, прозаическими строками: такъ она, по замѣчанію ученыхъ, сдѣлана; но вѣрнѣе, что переписчиками испорчена, ибо есть слѣды стиховъ. Athen. Dipnos. lib. VIII. Edit.

Ἦλθ', ἦλθε χελιδὼν, καλὰς ὥρας
 Ἀγούσα καὶ καλοὺς ἐνιαυτοὺς,
 Ἐπὶ γαστέρα λευκὰ, κάπὶ νῶτα μέλαινα.
 Παλάθαν οὐ προκυκλεῖς
 Ἐκ πίονος οἴκου,
 Οἴνου τε δέπαστρον,
 Τυροῦ τε κάνιστρον
 Καὶ πυρῶν;
 Ἄ χελιδὼν καὶ λεκιθίταν
 Οὐκ ἀπωθεῖται
 Πότερ' ἀπίωμες; ἢ λαβώμεθα;
 Εἰ μὲν τι δώσεις· εἰ δὲ μὴ, οὐκ ἔατομες,
 Ἦ τὰν θύραν φέρωμες, ἢ τὸ ὑπέρθυρον,
 Ἦ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθημέναν·
 Μικρά μὲν ἐσί, ῥαδίως μὲν οἴσομες·
 Ἄν δὴ φέρῃς τι, μέγα (γε) δὴ τι καὶ φέροις·
 Ἀνοιγ', ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι.
 Οὐ γὰρ γέροντες ἐσμέν, ἀλλὰ παιδία.

Пришла, пришла ласточка, прекрасныя времена
 Приносящая и прекрасныя годы,
 Черевцомъ бѣлая, а спинкойъ черная.
 Не вынесешь ли вязанки фигъ

Schweighav. — Выраженіе: *пришла ласточка*, говорили дѣти, приходившія къ дверямъ дома.

Изъ полного дома?

Сыру коробочки

Вина чарочки

И пшеницы?

Ласточка и отъ пирожка

Не откажется.

Уйти намъ? или что-нибудь получимъ?

Если подашь, уйдемъ; если нѣтъ, не отстанемъ:

Двери унесемъ и притолоки;

Или женушку твою, которая сидитъ въ комнатѣ:

Маленькая, легко унесемъ.

Если малость подашь, велико будетъ даяніе.

Отпирай, отпирай дверь! Не отказывай ласточкѣ!

Не старые мы, видишь, все молодые *).

„Оплакиваніе мертвыхъ составляютъ у грековъ также родъ какъ бы пѣсенъ, которыя имѣютъ особое названіе, *мирологи* **), *печальнословія*. Ихъ произносятъ надъ мертвымъ однѣ женщины, свои, но

*) Рѣдкій сей памятникъ древней простонародной поэзіи грековъ, между прочимъ, напоминаетъ удивительную черту ума греческаго. Въ городѣ Линдѣ нужно было сдѣлать сборъ денегъ для общественной надобности; и съ сею-то пѣснію дѣти посланы по домамъ, для испрошенія денегъ у гражданъ линдскихъ, что было, какъ доказываетъ пѣсня, *весною*. И когда въ самомъ дѣлѣ доступнѣе сердце челоѣка, если не въ то время, какъ сама природа растворяетъ его для радости и, стало быть, для всѣхъ чувствованій добрыхъ.

**) Французскій издатель вездѣ пишетъ, какъ видно по выговору, съ дигаммою, *Миріологи*; но слово пишется *Μοιρολόγι*.

употребляютъ и чужихъ; у грековъ есть женщины, которыя за плату исполняютъ обязанность мирологистокъ, *плакальщицъ*. Изъ мирологовъ издатель не могъ предложить ничего любопытству читателей. Мирологъ, минутное вдохновеніе горести, исторгается изъ души безъ участія памяти. Самые слушатели могутъ вспоминать однѣ черты, болѣе ихъ поразившія; вообще, всякій мирологъ забыть, какъ скоро произнесенъ. Но любопытенъ обрядъ, при нихъ у грековъ наблюдаемый. По опрятаніи и убранствѣ мертвого, всѣ женщины, сколько ихъ ни соберется въ домъ, и родственныя и чужія, становятся кругомъ тѣла и изливаютъ печаль свою, безъ порядка и принужденія, слезами, воплями и словами. Послѣ сего плача, произвольнаго и совокупнаго, слѣдуютъ оплакиванія другаго рода, это *мирологи*. Обыкновенно, ближайшая по связи къ покойнику произноситъ свой мирологъ первая; за нею другія родственницы, пріятельницы, самыя сосѣдки; однимъ словомъ, всѣ присутствующія женщины могутъ платить умершему послѣднюю дань нѣжности и выполняютъ это одна за другой, а иногда многія вмѣстѣ. Родъ сихъ надгробныхъ пѣсенъ сколько особенъ, удивителенъ для европейцевъ (но не для русскихъ, какъ увидимъ ниже), столько въ самомъ дѣлѣ поразителенъ сходствомъ съ подобнаго рода пѣснями, у древнихъ грековъ употреблявшимися, при такихъ же случаяхъ и въ такомъ же порядкѣ. Это можно видѣть изъ Иліады (пѣснь XXIV), когда семейство Пріама плачетъ надъ тѣломъ Гектора; вокругъ него Андромаха первая, за нею Гекуба и, наконецъ, Елена произносятъ родъ мирологовъ, одна за

другою; съ ними участвуютъ какъ пѣвцы особенные, такъ и всѣ жены троянскія“.

Такихъ признаковъ сходства между семейственными пѣснями новыхъ грековъ и древнихъ, издатель находитъ еще болѣе въ древнихъ же простонародныхъ пѣсняхъ греческихъ, Аѳенеемъ, Аристофаномъ и анологіею намъ сохраненныхъ; на такихъ признакахъ основываетъ онъ свои заключенія, что простонародная поэзія нынѣшнихъ грековъ, исключая изъ нея пѣсни историческія, не есть поэзія, въ наши времена рожденная, ни въ вѣка средніе; но что она есть и должна быть ничто иное, какъ слѣды, продолженіе, порча медленная и постепенная древней греческой поэзіи и въ особенности простонародной.

Къ роду пѣсенъ историческихъ издатель, между прочими, относитъ пѣсни клефтическія; онѣ почти однѣ и нѣсколько пѣсенъ суліотскихъ составляютъ первый томъ собранія. Жаль, если однимъ томомъ заключится изданіе; нѣтъ сомнѣнія, что полное собраніе такихъ пѣсенъ было бы и лучшею исторіею нынѣшней Греціи, и самою вѣрною картиною нравовъ народныхъ. Изъ пѣсенъ клефтическихъ, какъ занимательнѣйшихъ, я перевелъ нѣкоторыя, думая, что читателямъ русскимъ любопытно будетъ узнать сіи произведенія не въ одномъ общемъ ихъ достоинствѣ поэтическомъ, но и въ другомъ отношеніи, какъ увидятъ ниже. Не можно, однакожь, хорошо разумѣть ихъ, не имѣя идеи о предметахъ; всѣ онѣ относятся къ положенію дѣлъ и людей, безъ знанія которыхъ будутъ неясны. Извлекаю сокращенно свѣдѣнія о *клефтахъ* изъ предисловія издателя.

„На греческомъ новомъ, какъ и на древнемъ языкѣ, слово *клефтъ* значитъ *разбойникъ*. Но подвиги и приключенія разбойниковъ не были бы предметомъ, достойнымъ пѣсенъ, не заслужили бы прославленія народнаго въ продолженіе трехъ вѣковъ. Сужденіе о предметѣ по названію будетъ, въ этомъ случаѣ, несправедливо. Ничто менѣе, въ сущности своей, не сходствуетъ съ разбойниками другихъ земель, какъ клефты греческіе. — До первыхъ временъ вторженія турокъ въ земли греческія восходитъ начало земскаго ополченія, у грековъ извѣстнаго подъ названіемъ *арматоловъ*, т. е. людей, *носящихъ оружіе*. Оно началось въ Θεσσαλίи. Обитатели долины покорились жребію своему. Жители горъ, Олимпа, Пеліона, хребтовъ Θεσσαλійскихъ, Пинда и горъ Аграфскихъ противились побѣдителямъ. Часто, съ оружіемъ въ рукахъ, они набѣгали на поля и небольшіе города; грабили побѣдителя, а при случаѣ и побѣжденныхъ, упрекая ихъ въ томъ, что поддаются невѣрнымъ. Съ этой поры *арматоловъ* начали называть *клефтами*. Уставъ воевать съ людьми неустрашимыми и бѣдными, турки начали поступать съ ними кротко, предоставили имъ право распоряжаться по своимъ законамъ, жить независимо по округамъ горнымъ, какіе занимали, и носить оружіе для своей защиты, но съ условіемъ платить дань. Племена, жившія въ части горъ болѣе стремнистой, въ мѣстахъ почти недоступныхъ, отвергли всякое условіе съ магометанами и сохранили до нашихъ временъ совершенную свободу. Другіе жители горъ вошли въ условія, и имъ позволено было содержать вооруженныхъ ратниковъ для собственной безс-

пасности. Эти ратники были *арматолы*. Такимъ образомъ, названіе арматоловъ давалось часто тѣмъ самымъ людямъ, которые, въ прежнемъ состояніи войны и противуборства, были называемы клефтами. Что касается до округовъ горныхъ, болѣе дикихъ и дебристыхъ горъ, гдѣ греки почитали себя безопасными отъ турокъ и отказывались отъ примиренія съ ними, мѣста сіи съ того времени сохранили, или получили названіе *Клефтохоріи*, т. е. стороны или жилищъ клефтовъ; они носятъ его и понынѣ. Таковы, говоритъ издатель, преданія грековъ о началѣ арматоловъ и клефтовъ.“

Можетъ быть, таковы преданія простаго народа; можетъ быть, что со времени завоеванія Греціи турками, греки вооруженные начали именоваться словомъ латинскимъ, *арматолы*, отъ *arma tollo, nouu оружие*; но обычай у грековъ *всегда носить оружие* и употреблять его иногда для частныхъ видовъ,—гораздо древнѣе вторженія турокъ въ Грецію. Кромѣ Геродота *), вотъ что говоритъ Фукидидъ **): „Въ древности эллины и варвары, проживавшіе у моря или обитавшіе по островамъ, едва начали на судахъ сообщаться, обратились къ разбою, подъ предводительствомъ людей могущественныхъ, иногда для собственной пользы, иногда для доставленія пропитанія бѣднымъ. Сей промыселъ не казался безславнымъ, напротивъ, доставлялъ еще славу. Это ясно свидѣтельствуютъ какъ народы

*) Herod. 3, 133 p. 265.

**) Thucyd. de bell. Pelopon. lib I cap. 5.

твердой земли, между которыми почитается небезчестно производить, при извѣстномъ порядкѣ, сей промыселъ, такъ и древніе поэты, у которыхъ (въ сочиненіяхъ) разѣзжающіе по морю спрашиваютъ встрѣчныхъ: *не разбойники ли вы?* Однакожь ни тѣ, у которыхъ спрашиваютъ, не отрекаются отъ промысла, какъ недостойнаго, ни тѣ, которые спрашиваютъ, симъ ихъ не порицаютъ. На твердой землѣ также разбойничали. *Еще и нынѣ слѣдуютъ сему обычаю древнему многія племена Эллады, какъ то: локры-озолы, этолы, акарнаны и другіе сихъ областей обитатели.* Такимъ образомъ *обычай* — всегда *носитъ оружіе*, между сихъ народовъ твердой земли остался отъ древняго разбойничества.“ Вотъ, кажется, гдѣ начало исторіи или, лучше сказать, и нынѣшняя исторія арматоловъ и клефтовъ: ибо и нынѣ ихъ главные обители — *Этолія и Акарнанія.*

„Благодаря учрежденію арматоловъ, продолжаетъ французскій издатель, Греція не была совершенно во власти варваровъ. Лишить мало-по-малу побѣжденных остатка ихъ благъ и правъ — составляло главнѣйшую цѣль правительства турецкаго. Арматолы были всегдашнею преградою сему намѣренію: пока грекамъ оставалось что-нибудь для потери, туркамъ оставалось дѣло. Короче, исторія арматоловъ, со времени, когда становятся извѣстною, есть ни что иное, какъ картина долгой и мужественной ихъ борьбы съ пашами и беями. Диванъ наконецъ почувствовалъ ихъ опасность: образовалъ особыя частныя отряды, учредилъ особыхъ чиновниковъ, подъ названіемъ дервенджи-башы, *главный*

охранитель дорогъ, чтобы противопоставить ихъ арматамъ и преслѣдовать мятежныхъ. Въ послѣдствіи времени, должность дервенджи-баши поручена пашамъ албанцевъ, племени воинственному, искони враждебному грекамъ. Арматолы мятежные или клефты, располагая станы свои въ горныхъ, безплодныхъ мѣстахъ, будучи всегда готовы бросить ихъ, не могши ни на мигъ оставить оружія, не подвергая жизни опасности, принуждены были жить грабежемъ, принуждены были нападать даже на грековъ; но обыкновенно, туркамъ гибельны были ихъ набѣги. Клефты похищали стада, жгли деревни, плѣняли агъ и беевъ, уводили ихъ въ горы и возвращали только за выкупъ. Такимъ образомъ, когда арматолы, преслѣдуемые и принужденные защищать оружіемъ свою жизнь и права, входили въ первое ихъ состояніе независимости и начинали воевать съ турками, слѣдственно ихъ грабить, имъ снова давали имя клефтовъ, или, можетъ быть, они его принимали сами, какъ древнее титуло ихъ славы. То слабые и принужденные воевать въ горахъ, то сильные и часто отнимавшіе округъ, изъ котораго изгнаны были, и который обыкновенно назывался *Арматѳликъ*, воины сіи переходили отъ состоянія арматоловъ къ клефтамъ такъ часто и быстро, что имя арматолы и клефты могло быть принимаемо, почти безъ разбора, одно за другое. Есть области, гдѣ слово арматоль употребляется для означенія того и другаго; въ другихъ, напротивъ, какъ въ *Θεσσαλίи*, клефтъ означаетъ какъ арматолу, покорнаго туркамъ, такъ и клефту, на горахъ воюющаго.

„Съ основанія арматоловъ дружины ихъ имѣли

предводителей, подъ именемъ *капитановъ*. Титло сіе и обязанности, какъ полагаетъ издатель, были наследственны и передавались отцомъ старшему сыну, съ саблей, какъ знакомъ пожалованія. Ратникъ арматоловъ назывался *наликаръ*, слово, означающее человека въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, такъ сказать, храбрый, удалый, а проще, но вѣрнѣе, *молодецъ*. Одежда ихъ совершенно албанская, оружіе также: сабли, кинжалъ и ружье, длинное необыкновенно. Переходя въ горы, чтобы жить клефтами, арматолы сохраняли ту же одежду; имѣли, однакожь, признакъ, по которому можно отличить клефты покорнаго отъ мятежнаго. Послѣдній носилъ, гораздо длиннѣе перваго, арканъ, нѣсколько разъ обвитый кругомъ тѣла; арканомъ симъ онъ обыкновенно вязалъ плѣнныхъ. Дружины клефтовъ простираются отъ двухъ до трехъ сотъ человекъ и болѣе. Главнѣйшія становища ихъ — горы Этоліи, отдѣляющія Тессалію отъ Македоніи, и горы Аграфскія, то есть разные горные хребты, изъ которыхъ одни принадлежатъ Акарнаніи, другіе — западной Тессаліи. Но гора Олимпъ — любимѣйшая, главнѣйшая обитель храбрыхъ, и можно сказать, гора священная клефтовъ. Впрочемъ, родъ обожанія, съ какимъ гора сія прославляется въ пѣсняхъ клефтическихъ, можетъ быть происходить болѣе отъ преданій о древней знаменитости ея, нежели отъ существеннаго превосходства горъ, клефтами избираемыхъ.

„Ведя на горахъ жизнь простую, суровую, непрерывно дѣятельную, войны сіи всѣ физическія способности тѣла раскрываютъ до необыкновенной степени. Сверхъ того, упражняясь въ станахъ своихъ разными

родами игръ воинственныхъ, они пріобрѣтаютъ сплу, гибкость и легкость изумительную. Капитанъ Нико-царъ перепрыгивалъ черезъ семь лошадей, рядомъ поставленныхъ. Называютъ другихъ капитановъ, которые, подъ одеждой и оружіемъ, равнялись бѣгомъ съ обыкновенною скоростію лошади скачущей. Но важнѣйшее и, безъ сомнѣнія, полезнѣйшее искусство, въ какомъ они отличаются—стрѣльба. Всѣ они изъ длинныхъ ружей своихъ стрѣляютъ съ вѣрностію удивительною. Искуснѣйшіе—въ двухъ стахъ шагахъ попадаютъ пулею въ кольцо, котораго окружность немного болѣе пули. Эта превосходная степень искусства въ стрѣльбѣ родила между ними родъ поговорки: *вдѣтъ пулю въ кольцо*.”

Должно присовокупить, что многіе храбрые воины, отличавшіеся въ первое возстаніе Морей, были капитаны арматоловъ; въ нынѣшнее также: Одиссей и еще нѣкоторые, прославившіеся побѣдами, предводители грековъ, вышли изъ среды сихъ дружинъ воинственныхъ, на которыхъ просвѣщенные патріоты Греціи издавна полагали великія надежды отечества.

Но этого довольно, чтобъ имѣть понятіе объ арматоллахъ и клефтахъ, сколько нужно для пѣсенъ; обратимся къ нимъ. Изъ переведенныхъ нѣкоторыя относятся къ нашимъ временамъ, другія старинныя; онѣ сохранились или письменно, любителями, или въ устахъ народа и особаго класса людей, ихъ поющихъ.. Древнѣйшія изъ нихъ, напр. *Олимпъ*, принадлежатъ, по словамъ издателя, къ концу XVI вѣка.

„Особенность всѣхъ произведеній поэзіи простонародной вездѣ общая: сочинители ихъ остаются неизвѣстными. Особенность сія обнаруживается и въ пѣсняхъ

греческихъ. Никто не знаетъ сочинителей; но большая часть пѣсенъ слыветъ произведеніемъ *слѣпыхъ-нищихъ*, разсыпанныхъ по всей Греціи, людей, изображающихъ собою древнихъ рапсодовъ съ точностію, въ которой есть что-то поразительное. — Слѣпцы эти обыкновенно выучиваютъ наизустъ пѣсни простонародныя; иные знаютъ ихъ удивительное множество. Съ симъ сокровищемъ памяти они непрерывно странствуютъ: проходятъ Грецію во всѣхъ направленіяхъ, изъ Моренъ въ Константинополь, отъ береговъ моря Эгейскаго до Іонійскаго. Въ селахъ встрѣчаются они чаще, нежели въ городахъ, и особенно во время приходскихъ праздниковъ или ярмарокъ. Тамъ, кругомъ ихъ собираются охотнѣе слушатели, предъ которыми они поютъ и получаютъ небольшую плату, составляющую весь ихъ доходъ. Пѣніе сопровождаютъ они музыкальнымъ орудіемъ со струнами, по которымъ играютъ смычкомъ. Орудіе это совершенно древняя лира греческая, которой оно сохранило какъ имя, такъ и форму *). Лира сія, полная, имѣетъ пять струнъ; но часто бываетъ съ двумя или тремя струнами, которыхъ звуки, какъ легко представить, не весьма сладкогласны“.

„Новые рапсоды сіи раздѣляются (что составляетъ большую или меньшую ихъ важность, относительно къ исторіи поэзіи) на два рода. Одни, и эти, кажется, многочисленнѣе, только собираютъ, выучиваютъ и распро-

*) Въ разсужденіи большаго сходства упоминаемаго орудія съ лирою древнихъ, не всѣ изъ знающихъ нынѣшнюю Грецію соглашались.

страняють пѣсни, которыхъ онѣ не сочиняли. Другіе составляютъ разрядъ болѣе отличный: повторяя и распространяя поэзію другаго, они сами дѣлаются поэтами, и къ числу пѣсенъ, ими выученныхъ, присоединяють собственныя. Сходство, не менѣе примѣчательное между рапсодами древними и новыми, состоитъ еще въ томъ, что эти бывають, какъ бывали тѣ, вмѣстѣ и музыканты и поэты. Каждый слѣпецъ, сочинившій пѣсню, сочиняетъ и голосъ на нее. Между сими слѣпцами-рапсодами встрѣчаются, отъ времени до времени, одаренные талантомъ импровизаторовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ слышалъ издатель, жилъ въ концѣ послѣдняго вѣка, въ маленькомъ городкѣ Ампелакіи, что въ Θεσσαλίи, недалеко отъ горы Оссы. Онъ назывался Гавоянисъ, или Иванъ слѣпой; достигъ до глубокой старости и пріобрѣлъ во всемъ округѣ большую славу легкостію, съ какою импровизировалъ на всякій историческій предметъ пѣсни, слышія прекрасными. Онъ также изумлялъ памятованіемъ необыкновеннаго множества происшествій изъ исторіи клефтовъ. Сдѣлавшись богатымъ, по сравненію съ его братьями, скитальцами и нищими, онъ представлялъ примѣръ, дѣйствительно рѣдкій, рапсода-домосѣда. Народъ его посѣщалъ, къ нему сходился, чтобъ слушать пѣсни или требовать новыхъ, безъ приготовленія имъ воспѣваемыхъ.

„Всякій предметъ пѣсни, лишь бы онъ былъ народенъ, хорошъ для пѣвцовъ сихъ; но есть содержанія, ими особенно предпочитаемыя, которыя воспѣвать они вмѣняють себѣ какъ бы въ обязанность. Содержанія сіи суть подвиги и приключенія клефтовъ, предметы,

дѣйствительно заключающіе въ себѣ всѣхъ болѣе народнаго и любезнаго грекамъ.

„Такимъ образомъ, что касается до свойства, изображенія и сочиненія сихъ пѣсень, не должно ни на минуту упускать изъ виду, что эти пѣсни—произведенія простаго народа, что никакое искусство не присутствовало при сочиненіи оныхъ, или, по крайней мѣрѣ, выказывается въ нихъ въ самой юности. Сочиненія такого рода можно ли судить по правиламъ искусства зрѣлаго? Или, сочиненія, чуждыя правилъ сихъ, могутъ ли заслужить удивленіе или уваженіе? Дѣло должно отвѣчать на послѣдній вопросъ; и оно отвѣчаетъ, какъ нельзя утвердительно.

„Между всѣми искусствами подражательными, поэзія имѣетъ ту особенность, что одно побужденіе, одно вдохновеніе генія необразованнаго, самому себѣ преданнаго, можетъ достигать цѣли искусства, безъ ухищреній, безъ способовъ, имъ обыкновенно употребляемыхъ, если только цѣль сія не слишкомъ сложна, не слишкомъ отдаленна. Это бываетъ во всякомъ сочиненіи поэтическомъ, которое, подъ формами первоначальными и простыми, какъ бы онѣ безъискусственны ни были, заключаетъ сущность предметовъ или мыслей истинныхъ и прекрасныхъ. Еще болѣе: именно этотъ недостатокъ искусства, или это не совершенное употребленіе искусства, этотъ родъ противоположности или несоразмѣрности между простотою способовъ и полнотою дѣйствія, составляютъ главную прелесть такого сочиненія. Безъ сомнѣнія, твореніе поэзіи, въ которомъ геній ничего не заимствовалъ отъ искусства, кромѣ способовъ, какими онъ очищается, возвы-

шается, увеличивается, будетъ всегда, и при равенствѣ предметовъ, гораздо выше, и дѣйствиємъ, и достоинствомъ, всякаго творенія генія необразованнаго. Но успѣхи рѣшительныя искусства такъ рѣдки, его опыты несчастны такъ часты, и есть нѣчто столь печальное при видѣ такого значительнаго числа умовъ человѣческихъ, изнуряющихся въ успліяхъ напрасныхъ, что красоты безъ искусства, или искусство безъ затѣйливости должны нравиться потому единственно, что они чужды искусства и доказываютъ, что геній старѣе искусства и можетъ производить безъ его пособій. Чѣмъ болѣе встрѣчаемъ произведеній, гдѣ естественное, истинное и прекрасное отъ усильнаго исканія, тщательности и украшеній потеряны, тѣмъ болѣе находимъ прелести въ произведеніяхъ, въ которыхъ воображеніе юное и смѣлое излилось со всею свободою и для одного удовольствія изливаться. Почти такимъ образомъ, и по причинамъ одинакимъ, выходя изъ душнаго бала, даваемого роскошью суетѣ и скукѣ, мы вкушали бы наслажденія чистѣйшія, когда бы вдругъ случилось намъ увидѣть картину радостей невинныхъ, живыя игры дѣтства.

„Разсужденія сіи относятся ко всякой поэзіи просто-народной, поэзіи естественной, въ противоположность съ поэзіею искусственною, когда только будетъ она выраженіемъ чего-либо истиннаго, благороднаго, чувствованнаго. Но они еще болѣе могутъ относиться къ простонароднымъ пѣснямъ грековъ, какъ къ такимъ, которыя болѣе другихъ соединяютъ съ необыкновенною занимательностію и истинною особенностью формъ народныхъ. Свойство ихъ, почти всѣхъ, одинаково: краткость, сжатость и сжатость гораздо большая, нежели бы нужно

для вкуса каждаго другаго народа, кромѣ грековъ. — Это не тѣ оконченныя произведенія, для которыхъ поэтъ напередъ изучилъ все, что должно сказать, все, что должно описать; это однѣ черты, изъ которыхъ каждая есть черта характера, жизни, и въ краскахъ которой сіяютъ воздухъ и небо Греціи. Происшествіе ли, мысль, чувство, или игра воображенія составляетъ предметъ пѣсни, — изложенія ихъ чрезвычайно просты, но почти всегда возвышены оригинальностію исполненія. Иногда поэтъ прямо, безъ всякаго приготовленія, излагаетъ предметъ, иногда начинаетъ приступомъ лирическимъ, родомъ короткаго пролога приготовляетъ воображеніе слушателей. Сіи приступы въ простонародной поэзіи греческой суть какъ бы образцы освященные: они измѣняются по роду пѣсенъ, передъ которыми помѣщены; но каждый изъ нихъ можетъ быть употребленъ для другой пѣсни въ томъ же родѣ. — Во многихъ пѣсняхъ, при чрезвычайной простотѣ мыслей и выраженій, встрѣчается, иногда въ мысли главной, иногда въ побочной, а временемъ и въ выраженіи, что-то неожиданное, въ первую минуту кажущееся изысканнымъ, чрезмѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, страннымъ; но разсмотрѣвъ его ближе, тотчасъ увѣряешься, что это изысканное, или показавшееся чрезмѣрнымъ, есть способъ самый живой, самый искренній и даже невинный, какъ нельзя болѣе, чтобы выразить мысль очень простую или чувство очень естественное; тотчасъ видишь, что, весьма далекая отъ принужденности и изысканности, эта рѣзкость выраженія или мысли есть отпечатокъ чего-то національнаго, есть особенное свойство воображенія народнаго. Въ пѣсняхъ греки заставляютъ говорить

предметы неодушевленные, горы, животныхъ, но *больше всего птицъ*.

„Сія примѣсь чудеснаго, сія смѣлость выражений и воображенія, удивляющія вкусъ европейца, сія гордость духа, сей пылъ чувствъ и жаръ исполненія даютъ, замѣчаетъ издатель, простонароднымъ пѣснямъ нынѣшнихъ Грековъ *что-то восточное*, ясно ихъ отличающее отъ всего, что мы теперь знаемъ или представить можемъ изъ простонародной поэзіи древнихъ грековъ. Это различіе вкуса и воображенія грековъ современныхъ и ихъ предковъ не будетъ, можетъ быть, неизъяснимо; по крайней мѣрѣ, оно существенно, и довольно, если замѣчено.“

II.

Вотъ что находитъ издатель французскій въ историческихъ пѣсняхъ грековъ; и что онъ говоритъ объ ихъ поэтическихъ свойствахъ — этого довольно; но что касается до особенности вкуса и воображенія, и французомъ въ нихъ замѣчаемой, но приписываемой Востоку, для русскаго читателя этого, я думаю, недовольно.

Уже при описаніи греческихъ пѣсенъ семейственныхъ читатель русскій замѣтилъ, что такъ называемые у нихъ *мирологи*, и у насъ, хотя не имѣютъ названія, но существуютъ; что простонародныя женщины въ Россіи, а особенно въ Малороссіи, оплакивая мертвыхъ, прибѣгаютъ не къ однѣмъ слезамъ и неимѣющимъ связи воплямъ горести, но что плачь ихъ составляетъ особенный, у простыхъ людей почти общій, родъ оплакиванія, въ которомъ онѣ обыкновенно исчисляють добродѣтели

умершаго, хвалятъ его и, жалуясь на все вслѣдство или спротивство, распѣваютъ: *Закрывъ ты ясныя очи свои! на кого же ты меня покинулъ? на кого оставилъ?* что къ симъ, такъ сказать, формуламъ общимъ, приговариваютъ разныя нѣжныя выраженія—*голубчикъ мой, ясный соколъ мой!* и проч.; такъ что плачь сей, произносимый всегда особеннымъ родомъ напѣва, носитъ на себѣ совершенное свойство миролога. — Читатель также помнитъ, что для празднества весны и мы имѣемъ пѣсню; что она, хотя не подъ названіемъ „Пѣсня ласточки“ извѣстна, но существуетъ въ Малороссіи, и называется *Веснянка*, и что въ началѣ весны молодыя сельскія женщины нарочно собираются на улицахъ, чтобы пѣть *Веснянку*; что въ Великороссіи, 9-го марта, въ старинныхъ домахъ, даже дворянскихъ, дѣлаютъ для дѣтей изъ тѣста птичекъ, *жаворонковъ*; и что, стало быть, существовалъ и у насъ какой-то обычай праздновать весну, и птица, такая же вѣстница весны, была вводится и въ наше празднество, которое время истребило, но сохранило очевидный памятникъ онаго. Посѣщавшіе полуденную Россію также знаютъ, что не на одной ярмаркѣ, не на одномъ приходскомъ праздникѣ можно встрѣтить и у насъ *слѣпыхъ нищихъ*, съ кобзою за спиною; что одни изъ нихъ играютъ на струнахъ сего орудія смычкомъ, другіе перстами, и поютъ разныя пѣсни; что пѣсни эти суть не простыя, общенародныя, или не однѣ духовныя, такъ называемыя народомъ, *псалмы*, которые въ Великой и Малой Россіи обыкновенно поютъ подъ окнами слѣпые нищіе,—но какія-то особенныя, въ родѣ большею частію повѣствовательномъ,

историческія, довольно длинныя пѣснопѣнія *); что пѣснопѣнія сіи рукописно нигдѣ не существуютъ, хранятся только въ устахъ слѣпыхъ пѣвцовъ, и конечно суть произведенія людей сего состоянія,—произведенія, у у насъ еще незнаемыя, еще не обратившія на себя вниманія нашихъ литераторовъ, но не менѣе того доказывающія, что и наша поэзія простонародная давно имѣетъ своихъ рапсодовъ, можетъ быть не многимъ россіянамъ извѣстныхъ, какъ еще многое въ отечествѣ нашемъ, но тѣмъ не менѣе подобныхъ рапсодамъ нынѣшней Греціи. При сихъ замѣчаніяхъ нельзя не вспомнить еще и того, что въ языкѣ русскомъ, а особенно малороссійскомъ, встрѣчаются слова эллинскія, и такія, которыя остались въ языкѣ ново-греческомъ, и такія, которыя не вошли въ него; но что у насъ сохраняютъ они какъ значенія, иногда прямыя, иногда переносныя, такъ и звуки эллинскіе **), слѣдовательно, весьма давно заня-

*) Оставивъ Малороссію въ дѣтствѣ, я, однако, имѣлъ случай слышать пѣніе такихъ слѣпцовъ, и, сколько помню, въ пѣснѣ одного изъ нихъ, очень длинной, часто упоминалось о *Черномъ морѣ* и о какомъ-то *царѣ Иванѣ*.

**) Предлагаю, сколько память на этотъ разъ представить, одни слова эллинскія: новогреческихъ очень много. Слова въ Велико-россіи или Малороссіи употребляющіяся: Βουγάϊος, *бугай*; Γάλας, *галецъ* *молочный*, и оттуда же *гала* *анка*, чѣмъ заквашиваютъ молоко; Κρήνις, *криница*, источникъ; Κρύβδα, отъ нарѣчія существительное *кривда*, неправда, коварство; Δάχανον, *лаханъ*, тазъ; Μήστωρ, *мастеръ*; Σκελετός, *скелетъ*; Σκίπων, *скипка*, щепка; Τέττα, *тато*, отецъ, въ общемъ и почтительномъ выраженіи; Χαλεπά, *халена*, бѣды, несчастія; Χῆρος, *хирый*, хворый, бѣдный здоровьемъ; Δρόπω, *дряпаю*, царапаю; Μάσσω, *мацаю*

тые славянами у эллиновъ. Такимъ образомъ, когда нравы и обычаи греческіе, какъ описываетъ ихъ самъ Фориель, представляютъ явные признаки древняго сближенія славянъ съ эллинами, и когда языкъ первыхъ сохраняетъ явные слѣды взаимнаго вліянія племенъ сихъ *), — трудно читателю русскому согласиться, чтобъ особенный вкусъ и духъ новѣйшей народной поэзіи грековъ можно было изъяснить тою одною причиною, которую издатель французскій гадательно имъ приписываетъ.

Рѣзкая особенность греческихъ пѣсней историческихъ, для иностранца, конечно, чуждая, сильно поражаетъ cadaго русскаго, такъ сильно, что и тотъ, кто читалъ вскользь переводъ французскій, не могъ во многихъ пѣсняхъ не замѣтить чего-то знакомаго, чего-то похожаго на пѣсни русскія. Нечитающіе по-гречески могутъ подумать, что переводчикъ усиливался сообщить духъ русскій пѣснямъ грековъ: такъ много между ними

щупаю; *Χολάδης*, внутренности. кишки: — послѣднее слово для любителей гипотезъ и толкованій. — Праздникъ и пѣсни *Коляды*, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснять сими *холадесъ*. Обыкновенно, о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишекъ колбасы, *холадесъ*; въ это же время простолюдины ходятъ подъ окнами домовъ *колядовать*, такъ сказать, выпрашивать колбасъ: ибо въ пѣсни, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ — *кольцо колбасы*.

*) Знатоки музыки также находятъ, что напѣвъ нашихъ протяжныхъ пѣсней сходенъ съ древнимъ греческимъ, судя по сохранившимся отрывкамъ древней музыки: *гимнъ Немезидъ* и *оды Пиндара*, которую Киршеръ и Бюретъ переложили на наши ноты. — *Собрание русск. народн. пѣсней съ ихъ голосами, положенныхъ*

сходства. Не станемъ говорить о дикихъ порывахъ генія и своевольныхъ его переходахъ, сихъ свойствахъ, отличающихъ нашу поэзію простонародную и находимыхъ въ пѣсняхъ грековъ; не станемъ говорить объ оборотахъ, движеніи стиха, любимыхъ повтореніяхъ рѣчей и фразъ, о многихъ чертахъ, которыя составляютъ особенность пѣсенъ русскихъ и встрѣчаются въ греческихъ, но которыя примѣтны знающимъ оба языка. Обратимся къ особенностямъ главнѣйшимъ пѣсенъ греческихъ, къ такимъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ читателя русскаго, въ какомъ бы переводѣ онъ ни читалъ ихъ. Пѣсня, напримѣръ, *Буковаллъ*, своими сравненіями отрицательными: *Не быковъ ли то бьютъ, не зѣрей ли травятъ? нѣтъ, то бьютъ не быковъ и проч.*—такъ сходствуетъ съ нашими пѣснями простонародными, что еслибъ не собственные имена и обстоятельства, намъ чуждыя, можно бы сказать, что это пѣсня русская, по-гречески переведенная.—Родъ сихъ *сравненій отрицательныхъ*, неизвѣстный древней поэзіи греческой, составляетъ отличительное свойство нашей древнѣйшей поэзіи, и высшей и простонародной; начиная съ Слова о полку Игоревѣ *) до новѣйшихъ пѣсенъ простонародныхъ **), эти сравненія встрѣчаются въ

на музыку И. Прачемъ. С. П. Б. въ типогр. Горн. Училища. 1790. Предислов. стр. III.

*) „Не буря соколовъ занесла, чрезъ поля широкія: слетаются галки стадами къ Дону великому. . . Не сороки стрекочутъ, ѣздить по слѣдамъ Игоревымъ Гзакъ и Кончакъ....“

**) Не соколъ леталъ по поднебесью,
Что ходилъ, гулялъ доброй молодець

нихъ непрерывно. Они встрѣчаются и во многихъ пѣсняхъ греческихъ.

Далѣе: французскій издатель замѣтилъ, что греческія пѣсни, кромѣ другихъ особенныхъ свойствъ, отличаются еще слѣдующими: родомъ лирическихъ приступовъ, наприм., въ пѣсни *Гифтакъ* и многихъ не переведенныхъ; что приступы сіи, какъ образцы освященные, употребляются и для другихъ пѣсенъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, смотря по содержанію. Такъ, напримѣръ, пташка, которая въ переведенной пѣсни, *Сонъ Дима*, сидитъ надъ Димовой головою и говоритъ языкомъ человѣческимъ, употреблена также въ пѣсни *Сонъ Зидра*. Три птицы, которыя вмѣстѣ садятся, смотрятъ въ разныя стороны, горюютъ и между собою разговариваютъ, составляютъ приступъ нѣсколькихъ пѣсенъ греческихъ.

Сколько русскихъ пѣсенъ начинаются симъ родомъ лирическихъ приступовъ! *) Сколько разъ они употреблены въ другихъ пѣсняхъ съ небольшимъ измѣненіемъ! **) Но что не менѣе заслуживаетъ вниманіе, что еще болѣе

*) Ахъ, таланъ ли, мой таланъ такой,
Или участь моя горькая?
Ты, звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда всходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца
.
Во Азовѣ, славномъ городѣ,
Какъ была тутъ темна темница, и проч.

Или:

Вылетала голубина на долину, и проч.

**) Два вышеприведенные приступа находятся при другихъ пѣсняхъ; это можно видѣть въ каждомъ пѣсенникѣ.

подкрѣпляетъ заключенія, какія изъ того слѣдуютъ: пѣсни славянъ-чеховъ, старинныя, XII и XIII вѣка, отличаются сими же свойствами, имѣютъ такіе же лирическіе приступы *); пѣсни сербовъ — тоже **).

Греки, замѣтилъ французскій издатель, въ пѣсняхъ заставляютъ говорить предметы неодушевленные, *но больше всего — птицъ*. Нужно ли приводить доказательства, что ни одинъ изъ народовъ, которыхъ словесность намъ извѣстна, не употреблялъ съ такою любовію птицъ въ пѣсняхъ своихъ, какъ русскіе, и вообще, должно думать — доказательство пѣсней чеховъ и сербовъ ***), племена славянскія. Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки, составляютъ дѣйствующія лица нашихъ пѣсенъ, любимѣйшія сравненія древнѣйшихъ произведеній поэзіи, начиная съ Слова о полку Игоревѣ. Есть пѣсни, на примѣръ: *Протекало теплое море*, или *За моремъ синица не нынѣ жила*, въ которыхъ, съ необыкновенною веселостію ума русскаго, перебраны почти всѣ птицы домашнія и окружающія жилища человѣческія. Въ пѣс-

*)

Пѣсня Роза:

Ахъ ты, роза, красна роза,
Къ чему рано расцвѣла,
Расцвѣтши померзла,
Померзши увяла,
Увявши опала?

Вчера я сидѣла, долго сидѣла и проч.

Также пѣсня *Сиротинка*. Извѣстія Россійск. Акад. книжка 8. Собраніе чешскихъ народныхъ пѣснопѣній, перев. А. III.

**) Изданныя Вукомъ Стефановичемъ.

***) Извѣстія Россійск. Акад. книжка 8; и изд. В. Стефановичемъ.

няхъ чешскихъ то же свойство: птицы разговариваютъ, птицы составляютъ предметы пѣсенъ.

Сія примѣсь чудеснаго, сіи вообще особенныя свойства, по словамъ французскаго издателя, даютъ греческимъ простонароднымъ пѣснямъ *что-то восточное*. Читатель видитъ, что это чудесное, что эти особенныя свойства пѣсенъ суть: частыя введенія въ нихъ птицъ, разговоры ихъ между собою или съ людьми, и сравненія отрицательныя. Теперь да судить самъ, къ чему должно относить свойства сіи, чему должно приписывать особенный духъ простонародной поэзіи грековъ, европейцамъ чуждый, но родной русскому, знакомый славянину. Откуда же это знакомство? Какъ сей духъ русскій, или все равно славянскій, зашелъ къ народу греческому? Предлагающимъ эти вопросы надобно прежде вспомнить слѣдующія обстоятельства: Албанія, Этолія, Акарнанія и горы Аграфскія были искони главнѣйшими обителями арматоловъ, непокорныхъ туркамъ, или клефтовъ. *Гифтакъ*, *Буковаллъ* и многіе воспѣтые клефты, въ сихъ областяхъ подвизались, и конечно, между ихъ жителями, свидѣтелями ихъ славы, нашли пѣвцовъ своихъ подвиговъ. Помня это, пусть любопытные, для объясненія своихъ вопросовъ, потрудятся взглянуть на карту нынѣшней Греціи, и особенно вышесказанныхъ областей, Албаніи, Этоліи, Акарнаніи и Аграфды: увидятъ, что тамъ озера называются *озерами*; что города, горы, рѣки, деревни носятъ вотъ какія имена; города: *Скаланова*, *Клиново*, *Войница*, *Вистица*, *Ледорики*, *Ливно*, *Острово*. — Горы: *Баба*, *Клокова*. — Рѣки: *Бѣлица*, *Десница*, *Добра-вода*. — Деревни: *Славена*, *Слави*, *Грабли*, *Курка*, *Лавка*, *Ново-село*, *Косовица*, *Каменица*,

Борки, Бутки, Добро-поле, Бабино-поле, и пр., и пр., и пр. Видя это, можно, кажется, *подозрѣвать*, что народъ, покрывшій своими названіями области грековъ, долженъ былъ имѣть на ихъ духъ, на ихъ нравы сильное вліяніе; что народъ сей, безъ сомнѣнія, былъ изъ племени славянскаго, и что такимъ образомъ не одинъ, можетъ быть, слѣпый рапсодъ, воспѣвшій подвиги клефтовъ, былъ славянинъ, впечатлѣвшій и духъ и вкусъ собственный въ свои пѣсни греческія. Подозрѣнія эти могутъ обратиться и въ заключенія для тѣхъ, которые пожелаютъ читать историковъ византійскихъ и путешественниковъ по Греціи, намъ современныхъ. Изъ первыхъ увѣдають, что племена славянъ, подъ разными наименованіями хорватовъ, сербовъ, гунновъ, болгаръ, скиѳовъ, еще съ 6-го вѣка стали слишкомъ знакомы грекамъ; что они опустошали нашествіями ежегодными *) Иллирію, Θракію, собственно Элладу, Херсонесъ, и всѣ, отъ залива Іонійскаго моря до подгородныхъ земель Византіи, области греческія; и что, наконецъ, въ 746 году, они было покорили власти своей весь Пелопоннесъ **). Отъ путешественниковъ узнають, что часть племенъ сихъ, тамъ оставшихся, укоренившихся и обитающихъ въ срединѣ Греціи, до сихъ поръ сохраняютъ много собственнаго въ нравахъ и въ самой наружности; что жены болгаръ пелагонскихъ до сихъ поръ отличаются волосами русыми и глазами голубыми ***); что Николай Чудотворецъ предпочитается

*) Procop. Caesar. Histor. Arcan. C. 18, p. 316. Edit. Venet.

**) Constant. Porphyrog. de Them. p. 25. Edit. Paris.

***) Pouquev. Voyage dans la Crèce. Tom. II, p. 191.

болгарами всѣмъ св. угодикамъ *), и что они до сихъ поръ говорятъ языкомъ славянскимъ **).

Сообразивъ такія обстоятельства, кажется, должно будетъ изъяснить особенность вкуса и духа нынѣшней простонародной поэзіи грековъ не однимъ вліяніемъ Востока.

Знаю, что иностранецъ, незнакомый съ словесностью русскою, не можетъ и подозрѣвать сходства между пѣснями русскими и новогреческими; онъ, конечно, долженъ предполагать, что особенности послѣднихъ откуда-нибудь заимствованы. Но предположеніе, что онѣ заимствованы изъ словесности восточной: арабской, персидской, или, что все равно, турецкой, едва ли не будетъ гадательное. И поэтъ Востока, если бъ спросили его, вы ли сообщали нынѣшнимъ грекамъ особенныя свойства, ихъ простонародную поэзію отличающія?—едва ли не будетъ отвѣчать, какъ Брамину въ баснѣ Крылова, отвѣчалъ бѣсенокъ:

Я право вижу въ первый разъ
Какъ лица пекутъ на свѣчкѣ.

Если бъ *сравненія отрицательныя* были общенароднымъ свойствомъ поэзіи восточной, какъ нѣкоторые

Хотя вѣроятно, что болгары не славянскаго происхожденія, но они еще въ половинѣ 7-го вѣка смѣшались съ славянами и составили одинъ народъ. Штрит. Извѣст. Визант. Истор. Часть IV, стр. 6.

*) Rouquev. Tom. II, p. 373.

**) Тамъ же Пукевиль говоритъ, что для объясненій съ болгарами, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ нѣсколькимъ словамъ славянскимъ, въ Рагузѣ имъ выученнымъ.

думаютъ, стоило бы раскрыть стихотвореніе Сади, или пѣсни Гафиса, знаменитѣйшихъ поэтовъ Персіи, чтобъ эти сравненія встрѣтить въ такомъ же изобиліи, какъ въ пѣсняхъ русскихъ, которыхъ онѣ, такъ сказать, печатъ составляютъ. Но переводъ нѣмецкій Гафиса *), признаваемый прекраснымъ, переводъ Сади, латинскій **), въ которомъ съ знатоками персидскаго языка свѣрять и нѣсколько сравненій, думая, не потеряна ли форма оныхъ въ переводѣ, не представили мнѣ сравненій отрицательныхъ.

Предположимъ, однако, что эти сравненія, можетъ быть, находятся у народовъ восточныхъ въ такихъ же пѣсняхъ простонародныхъ; но, и съ этимъ предположеніемъ, *сила обстоятельствъ* не разрушитъ ли заключенія тѣхъ, которые не хотятъ, чтобъ вліяніе на простонародную поэзію нынѣшнихъ грековъ было славянское?—Вліяніе между народами, до сихъ поръ раздѣляемыми вѣрою, языкомъ, правами и ненавистію непримиримою, вліяніе поэзіи восточной на простонародную греческую, т. е. на пѣсни клефтическія, сочиняемыя именно въ областяхъ, наполненныхъ славянами,—съ котораго времени могло начаться? Конечно, со времени завоеванія турками Греціи, т. е. 370 лѣтъ назадъ. А славяне, которые въ 6-мъ еще вѣкѣ, передъ императоромъ Византіи, хвалились любовію ихъ къ музыкѣ, которыхъ, какъ описываютъ историки византійскіе, греки, въ

*) Der Diwan von Moh. Hafis. Uebersetz. von Joseph Hammer. 1812.

**) Rosarium Politicum Sadi. Amstelaed. 1651.

одномъ дальнемъ странствіи, нашли съ кнѣарами или гуслями *), племена, изъ коихъ многія давно водворились въ земляхъ и на предѣлахъ Греціи, съ жителями ея сблизилась вѣрою и связями семейными, — племена эти могли ли сообщать духъ своихъ нѣснопѣній простонародной поэзіи грековъ, и съ котораго времени? Съ 7-го вѣка, 1200 лѣтъ назадъ!

Впрочемъ, если мнѣ представляютъ образцы поэзіи восточной, которыхъ сходство съ нѣснями клефтическими грековъ, не одними сравненіями, но множествомъ свойствъ, также будетъ разительное, какъ сходство ихъ съ нѣснями русскими, я докажу, что мои заключенія внушало мнѣ не тщеславіе народное, но любовь къ истинѣ — перемѣню ихъ.

*) Исторія Государ. Россійскаго Н. М. Карамзина. Т. I, стр. 26.

ПѢСНИ КЛЕФТИЧЕСКІЯ.

I.

О Л И М П Ъ.

Это одна изъ древнѣйшихъ и лучшая изъ клефтическихъ пѣсенъ, въ Собраніи г. Форіеля напечатанныхъ. Въ сочиненіи и подробностяхъ ея видно, болѣе нежели въ другихъ, дикой смѣлости соображенія и тѣхъ дерзкихъ порывовъ генія, той сильной простоты, которые составляютъ свойство сихъ произведеній. Форіель предполагаетъ, что она сочинена въ Тессаліи, но извѣстна въ цѣлой Греціи. Французскій издатель изъ трехъ разныхъ копій составлялъ текстъ; но въ его изданіи опущены стихи 2 и 9-й, которые, по совѣту отца Экономоса, я внесъ, какъ принадлежащіе сей пѣсни и дающіе оной больше ясности. 2-й изъ нихъ: *«И первый за сабли, за ружья другой»* означаетъ споръ за сражающихся саблями и ружьями. — *Киссавъ* — нынѣшнее названіе горы Пеліона. — *Коньяры*, племя магометанъ, самое презрѣнное у грековъ. — *Ксеромеръ* и *Луру* — арματοлики въ Акарнаніи.

Заспорили горы Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимпъ обернулся, къ Киссаву шумить:
Молчи, пресмыкайся во прахъ, Киссавъ,

Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
 Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
 Високъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
 Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;
 Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя, гдѣ дерево—клефть.
 Сидить у меня на вершинѣ орелъ,
 Въ когтяхъ у орла—голова храбреца.
 Клюетъ онъ ее и спрашиваетъ:
 „Что сдѣлала ты, удалая глава?
 За что, какъ у грѣшника, срублена съ плечъ?“
 —Сѣдай мою молодость, птица-орелъ,
 Сѣдай мою храбрость; твои подростутъ
 И крылья на локоть, и когти на пядь!
 Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ арматолъ
 И клефть на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;
 Сто агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ;
 А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мною....
 Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣтъ.
 Но жребій пришелъ мой—лежъ въ битвѣ и я!

II.

СОНЪ ДИМА.

Димъ или Димось, сокращенное имя Димитрія. Димъ, капитанъ клефтовъ, погибъ жертвою своей гордости и отваги. — Албанцы подстерегли его и засѣли убить; но онъ не хотѣлъ послушаться совѣта друзей, не хотѣлъ переодеваться, чтобы не быть узнаннымъ, и убитъ неожиданно. Содержаніе пѣсни есть

разсказъ сна, которымъ пораженъ Димъ, какъ предчувствіемъ несчастія. Въ сочиненіи есть что-то поэтическое и необыкновенно оригинальное: птицы и многія свойства пѣсни сильно напоминаютъ пѣсни русскія.

Не разъ и не два я говаривалъ Диму:
Понизь свою шапку, доспѣхъ свой прикрой;
Албанцы примѣтятъ, Албанцы убьютъ,
Узнавъ по серебру и по гордому виду. —

Кукуютъ кукушки кругомъ по горѣ,
Кричатъ куропатки, сидя подъ горою;
А малая пташка, слетѣвши съ небесъ,
Щебечетъ, надъ Димовой сѣвъ головою.
Не птицей, не ласточкой пташка поетъ,
Поетъ, говоритъ языкомъ человѣчьимъ:
„Что блѣденъ, что смутенъ сегодня ты, Димъ?“
— Ты хочешь то вѣдать, скажу тебѣ, пташка!
Пришелъ отдохнуть я, немного соснуть;
Заснулъ лишь, и вдругъ въ первосонѣ я вижу:
Потусклое небо, кровавыя звѣзды,
Кровава булатная сабля моя!

III и IV.

БУКОВАЛЛЪ И ИВАНЪ СТАΘΑ.

Буковаллъ, одинъ изъ славнѣйшихъ капитановъ клефскихъ; онъ былъ изъ Акаріаніи, сражался съ Турками въ горахъ Аграфскихъ и прославился своею побѣдою надъ Вели, дѣдомъ извѣст-

наго Али-Паши. — Керассово и Кенуріо — деревни, между которыми сражается Буковаллъ. Первые три стиха сей пѣсни сдѣлались общими въ поэзіи клетической, тѣмъ образцомъ приступовъ для однородныхъ пѣсней, о которыхъ говорено во Введеніи. — Пугевиль также напечаталъ сію пѣсню въ своемъ «Путешествіи въ Грецію» (т. 3, стр. 16), но со списка, какъ видно, дурнаго, искаженную, лишенную всякаго смысла, и удивляется, отчего она такъ славна въ Греціи, любима Шипетарами, и производитъ, какъ говоритъ самъ, магическое дѣйствіе надъ Албанцами-христіанами. — Пѣсня *Иванъ Стафа*, занимательна, сколько по родству героя съ Буковалломъ, столько и по содержанію: другой о морскихъ клеткахъ въ собраніи не находится.

БУКОВАЛЛЪ.

Что за шумъ, что за громъ раздается кругомъ?
Не быковъ ли то бьютъ, не звѣрей ли травятъ?
Нѣтъ, то бьютъ не быковъ, не звѣрей то травятъ:
То сражается съ Турками клефъ Буковаллъ,
И сражается онъ противъ тысячи ихъ;
Отъ Керассово дымъ до Кенуріо легъ.
Бѣлокурая дѣва кричитъ изъ окна:
„Перестань, Буковаллъ, воевать и стрѣлять,
Пусть уляжется пыль, пусть поднимется дымъ,
Сосчитаемъ, узнаемъ, сколькихъ у насъ нѣтъ.“ —
Сосчитались Турки, ихъ нѣтъ пяти сотъ;
Сосчитались клефты, троихъ не дочлись.
Отлучились съ побоища два храбреца:
За водою одинъ, за ѣдою другой;
А третій, храбрѣйшій, стоитъ подъ ружьемъ.

СТАΘΑ.

Черный корабль у Кассандры береговъ развѣзжалъ,
 Черные парусы, флагъ голубой развѣвалъ.
 Встрѣчу корвета подъ флагомъ багровымъ летить:
 „Сдайся! спусти паруса!“ налетая кричитъ.
 „Я не сдаюсь, не спускаю моихъ парусовъ!
 Къ вамъ не жена, не невѣста пришла на поклонъ:
 Зять Буковалла предъ вами, Иванъ я Стаѳа.
 Бросить канаты, товарищи, носъ напередъ!
 Бейте невѣрныхъ! пролейте турецкую кровь!—
 Турки на встрѣчу, и сшибся съ корветой корабль.
 Первый Стаѳа устремляется, съ саблей въ рукахъ.
 Кровь черезъ палубу хлещетъ, багровѣтъ зыбь;
 „Алла!“ невѣрные взвыли и храбрымъ сдались.

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА.

Надобно предполагать, что два клефта, врагами или какимъ либо случаемъ, принуждены были удалиться изъ родины; а область другая — для Грека чужбина, земля печальная, которой онъ никогда не именуетъ, не прибавляя эпитета *ἔρημα*, *пустынная*, эпитета, выражающаго вмѣстѣ и сожалѣніе обо всемъ сладостномъ, что должно въ ней терять, и предчувствіе всего ужаснаго, чего должно ожидать въ ней. Оба, пробираясь, надобно думать, на родину, приходятъ къ возвышенію; внизу бѣжитъ рѣка, которую переплыть должно. И вдругъ одинъ изъ

нихъ. — какимъ случаемъ, поэтъ оставилъ въ неизвѣстности, — пораженъ смертію внезапно. «Конецъ пѣсни», замѣчаетъ издатель французскій, «отличается наивностію (naïveté), немного странною, но она совершенно во вкусъ народа греческаго». — Кому изъ Русскихъ конецъ сей не напомнитъ послѣднихъ стиховъ лучшей между старинными нашими пѣснями:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море

.

Ты скажи моей молодой вдовѣ,

Что женился я на другой женѣ,

Что за ней я взялъ поле чистое;

Насъ сосватала сабля острая,

Положила спать калена стрѣла.

Бросайся, пускайся, на берегъ противный плыви,
 Могучія руки раскинь ты на волны, какъ весла,
 Грудь сдѣлай кормиломъ, а гибкое тѣло челномъ.
 И если даруетъ Господь и Пречистая Дѣва
 И выплыть, и видѣть и станъ нашъ, и сборное мѣсто,
 Гдѣ, помнишь, недавно томбрійскую козу пекли;
 И если товарищи спросятъ тебя про меня,
 Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный!
 Одно мнѣ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
 Что стала несчастному черна земля мнѣ женой,
 И тещею — камень, а братьями — остры кремни!

VI.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Одна изъ славнѣйшихъ въ своемъ родѣ пѣсентъ. Ее поютъ во всей Греціи, съ измѣненіями, которыя доказываютъ народность ея. Она замѣчательна и потому, что изображаетъ стараго клефта — рѣдкій примѣръ въ ихъ исторіи, — умирающаго дома посреди семейства и своей дружины, смертію естественною. Поразительна невинность воображенія и сила духа, дышущія въ послѣднихъ словахъ стараго клефта, который несетъ въ гробъ жажду еще воевать съ Турками и надежду еще дышать воздухомъ весеннимъ. — Эти черты генія дики, но возвышенны: источникъ ихъ — чувство безсмертія.

Садилось солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
„Подите вы, дѣти, на ужинъ пора за водой;
А ты, мой племянникъ, садися, Лампракисъ, ко мнѣ.
Тебѣ моя збруя, одѣнься и будь капитанъ;
А вы, мои храбрые, саблю мою сироту
Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ
вѣтвей.

Другіе подите, сыщите священника мнѣ.
Въ грѣхахъ я покаюсь, я много ихъ на душу бралъ:
Армаатомъ тридцать, а клефтомъ я двадцать былъ
лѣтъ;

Но смерть наступаетъ, я мирно хочу умереть.
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и
высокъ,
Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Турокъ стрѣ-
лять.

На правую сторону сдѣлайте въ гробъ окно,
 Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,
 Чтобъ красный мнѣ май воспѣвали пѣвцы-соловьи.“

VII.

УМИРАЮЩІЙ ІОТЪ.

Іотъ, сокращенное имя Панагіота. Первые четыре стиха сей пѣсни оборотами, распространеніями и формою сравненія очень близки къ свойствамъ пѣсенъ русскихъ. Она полна чувства, вдохновленія и весьма оригинальна. Послѣдніе три стиха, по мнѣнію Форіеля, должны быть началомъ той пѣсни старинной, какую умирающій клефть поетъ, или хочетъ пѣть, какъ напоминающую для него все, что онъ наиболѣе любилъ въ жизни, которую теряетъ.

Проснулся я рано, поднялся я раньше разсвѣта,
 Водой умывался, водою отъ сна освѣжался,
 И слышу, и сосны и дубы шумятъ по дубравѣ,
 А клефты въ пещерѣ надъ ихъ предводителемъ пла-
 чутъ.

„Проснися, Іотъ! отъ тяжелаго сна подымися:
 Враги сослѣдили, враги въ насъ готовятся грянуть!“
 — Но что мнѣ сказать вамъ, несчастные, храбрые
 други?

Горька во мнѣ пуля, и рана моя неизцѣльна;
 Съ одра подымите, на камень меня посадите,

И дайте вина мнѣ; хочу, умирая, напиться!
 Хочу я пропѣть заунывную старую пѣсню:
 Зачѣмъ я теперь не стою на горѣ на высокой?
 Зачѣмъ я теперь не сижу подъ дубравою темной,
 Гдѣ овцы и агнцы по пажитямъ тучные бродятъ?.

VIII.

П Л І А С К А.

Пліаска—имя не греческое; клефъ сей долженъ быть Албанецъ или Волохъ. Раненый, онъ вѣдно не хотѣлъ болѣе вступать въ дружины храбрыхъ и потерялъ жизнь, какъ бы въ наказаніе. Мысль объ Олимпѣ достойна лучшихъ поэтовъ древней Греціи. Собственныя имена людей и областей суть имена знаменитыхъ капитановъ клефтскихъ и ихъ арматоликовъ. — *Турнавъ* или *Турнаво* есть въ Греціи округъ, городъ и деревня.

Слегъ нашъ Пліаска, лежитъ при печальномъ потокѣ,
 Бѣдный, по поясъ въ водѣ и воды еще жаждетъ.
 Съ птицею, съ ласточкой онъ разговоры заводитъ:
 „Есть ли мнѣ, птица, лекарство? мнѣ чѣмъ излечить
 мою рану?“

—Хочешь лекарства ты? хочешь ты вылечить рану?
 Встань, и взойди на Олимпъ, на прекрасную гору;
 Храбрые тамъ не больны, и больные тамъ храбры.
 Тамъ у безчисленныхъ клефтовъ четыре начальства;

Тамъ они дѣлятъ сребро, раздаютъ капитанства.
Нпкѣ Потамія, Хресту достался Алассонъ,
Толій на нынѣшній годъ капитанъ въ Катерпнѣ,
Младшій Лазопулъ по жребію взялъ Платомону. —
Всталъ и Пліаска несчастный, побрелъ злополучный;
Въ Турновъ пошелъ: разгуляюсь по Турнову, думалъ;
Слѣдомъ Албанецъ, и голову снесъ ему саблей.

IX.

АНДРИКО.

Андрико, знаменитѣйшій изъ капитановъ арматольскихъ, оставившій по себѣ болѣе всѣхъ славы, и славы прекрасной. Трудно найти Грека, который бы не зналъ имени Андрика, который бы не произносилъ его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Андрико сражался за свободу Греціи, когда еще Греція не чувствовала своего могущества. Въ первыхъ годахъ молодости, характеромъ гордымъ и независимымъ сдѣлавшись подозрителемъ правительству турецкому, онъ принужденъ былъ жить въ горахъ келѣтомъ. Въ 1770 году, когда Морея пыталась возстать противу Порты, онъ съ своими паликарами явился къ арміи руссійско-греческой. По отплытіи Русскихъ, Андрико въ сраженіяхъ противу Турокъ, съ тремястами храбрыхъ, а особенно въ непрерывномъ отступленіи своемъ къ Патрасу, преслѣдуемый или окружаемый лучшимъ войскомъ турецкимъ, оказалъ подвиги, наполнившіе славою его цѣлую Грецію, и былъ общимъ голосомъ Грековъ названъ первымъ изъ храбрыхъ. Съ 1786 года война вновь началась между Россіею и Портою, и Андрико

вновь старался возбудить Морейянъ къ возстанію. Послѣ этого сдѣлавшись еще болѣе ненавистенъ Туркамъ и не могши покойно оставаться въ Греціи, онъ рѣшился было ѣхать къ Петербургу, чтобы предложить себя правительству въ службу военную. Но Венеціане, въ то время потворствовавшіе Портѣ, схватили его и отослали въ Константинополь. Диванъ, можетъ быть, уважая храбрость Андрика, можетъ быть, надѣясь обратиться къ пеламизму, не казнилъ его, а заключилъ въ темницу. Говорятъ, что султанъ предлагалъ ему свободу и почетную шубу съ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался мусульманиномъ. Андрико отвѣчалъ, что онъ умретъ христіаниномъ, и остался въ темницѣ; въ темницѣ и умеръ около 1800 года.

Сколько онъ былъ славенъ силою духа, столько былъ знаменитъ и удивителенъ силою тѣла, высотой и красотою роста, грознымъ величіемъ лица и взора. Ничьи усы не имѣли такого вида и знаменитости, какъ его. Въ случаяхъ, когда они могли беспокоить, онъ туго ихъ свивалъ, и усъ съ усомъ связывалъ сзади головы. Наружность столь дикая, столь грозная, скрывала душу нѣжную, спокойную, способную на всѣ дѣла великія. Тѣ, которые не знаютъ подвиговъ Андрика, уважаютъ его, безъ сомнѣнія, узнавъ, что онъ отецъ *Одиссея* героя, которому новая Греція ввѣрила храненіе Термопилъ. Вотъ почему перевелъ я пѣсню о немъ, слабую, въ сравненіи съ другими, но по предмету достойную вниманія. Мать сокрушается объ отсутствіи сына, когда онъ, можетъ быть, съ Русскими подвизался въ Морей. — *Аспръ* и *Аспро-Потамось*, — древняя рѣка *Ахелой*; *Карпеница* — область.

Андрика мать горюетъ, Андрика мать рыдаетъ,
На горы часто смотритъ, и всѣ ихъ проклинаятъ:

„О горы Аграиды! о дикіе утесы!
Что сдѣлали вы съ сыномъ, съ Андрикомъ-капитаномъ?

Гдѣ онъ? и отчего все лѣто не являлся?

Не чутъ о немъ на Аспрѣ, не чутъ и въ Карпенищѣ.
 Будь прокляты Геронты, и ты, Георгій Черный!
 Услани вы мнѣ сына, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ.
 О рѣки, упадите! къ истокамъ побѣгите!
 И вѣрный путь Андрику откройте въ Карпеницу!”

Х.

КАЛЪЯКУДЪ.

Кальякудъ былъ протопаликаръ (адъютантъ) Андрика. Избѣгая преслѣдованій, жертвою которыхъ начальникъ его погибъ въ земляхъ, находившихся подъ покровительствомъ Венеціанъ, онъ бросился въ горы Этоліи, гдѣ мужественно воевалъ съ Турками и Албанцами. Пѣсня сія трогательна, оригинальна и живописна: печаль жены Кальякудовой, сравненія, ея обращеніе къ кораблямъ, — очень въ духѣ русскомъ. Въ 3-мъ стихѣ употреблено выраженіе оригинальнѣе: жена Кальякуда названа тѣу Лобѣхичу: это родъ прозванія жены по имени мужа; оно употребляется и у насъ между народомъ; жену Никола, Лукьяна, Ивана, называютъ: Николаиха, Лукьяниха, Иваниха; но имя Луки, какъ и нѣкоторыя другія, своимъ измѣненіемъ можетъ означить только отчество, Лукична, но не прозваніе. Последніе стихи пѣсни — легко начертанная, но живая картина горной жизни клефтовъ.

Зачѣмъ я не птица! взлетѣлъ бы, ввился бы высоко!
 Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Итаку печальный;

Послушалъ бы я, какъ молодая жена Кальякуда
 Тоскуетъ, горюетъ и черными плачетъ слезами,
 Какъ утица перья, она свои кудри терзаетъ;
 Какъ крылья у ворона, платья все черныя носитъ.
 Сидитъ подъ окошкомъ и смотритъ на спящее море,
 И всѣ корабли и морскія суда вопрошаетъ:
 „Суда, корабли, золочены ладьи, бригантинны!
 Въ печальный ли Вальтосъ, изъ Вальтоса-ль, быстрыя,
 мчитесь,—
 Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Кальякудѣ!“
 —Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гавролимни:
 Сидѣлъ капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ дру-
 жиною;
 Пеклись для него на рожнахъ молодые бараны,
 А рожны тѣ вращали пять полоненныхъ имъ беевъ.“

XI.

ГИФТАКЪ.

Гифтакъ, изъ Акарнаніи, потомокъ Буковалла, котораго родъ Али-Паша преслѣдовалъ до послѣдняго человѣка, мстя за позоръ дѣда своего, Буковалломъ побѣжденнаго. — Юсуфъ-Арапъ, полководецъ Али-Паши, прозывавшагося Тебелиномъ. Первые два стиха составляютъ также приступъ, не принадлежащій собственно сей пѣсни, но многимъ.

Водъ жаждутъ долины, снѣговъ островерхія горы,
 И ястребы пташекъ, а Турки головъ христіанскихъ.

„Что съ матерью случилось, съ Гифтаковой матерью
бѣдной?

Двухъ милыхъ сыновъ, да и третьяго, въ братѣ ли-
шилась,

И умъ потеряла; безумная бродить и плачетъ.

Но гдѣ? не видать ни въ горахъ, ни въ поляхъ зло-
получной?“

Она, говорили, брела ко овчарнямъ Волоховъ.

А тою порою стрѣльба тамъ изъ ружей гремѣла;

И то не на праздникѣ, то не на свадьбѣ стрѣляли:

Свинцомъ тамъ Гифтакъ и въ колѣно и въ руку про-
стрѣленъ,

Какъ древо разбить, какъ молодой кипарисъ повалился—

И голосомъ зычнымъ вскричалъ молодецъ озираясь:

„Гдѣ, милый ты братъ мой? любезнѣйшій другъ, во-
ротися!

Умчи ты меня, иль умчи мою голову съ поля,

Чтобъ Черный Юсуфъ, чтобъ Албанцы ее не отсѣкли

Отнести во Янину, янинскому псу Тебелину.“

XII.

СКИЛЛОДИМЪ.

Суровые люди, клеты, отличаются добродѣтелями, достой-
ными душъ образованныхъ. Поведеніе ихъ въ отношеніи къ

женщинамъ заслуживаетъ вниманія. Имъ часто случается приводить въ плѣнъ дочерей или женъ турецкихъ, даже греческихъ, и держать ихъ нѣсколько дней въ своей власти, среди горъ и лѣсовъ дремучихъ, пока не получаютъ выкупа. Но ни капитанъ, ни его паликаръ никогда не позволяютъ себѣ нанести малѣйшее оскорбленіе плѣнницѣ. Капитанъ, который осмѣлится оскорбить ее, будетъ немедленно оставленъ паликарами; рассказываютъ, что одинъ былъ за это умерщвленъ ими, какъ человекъ на- всегда себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Сія благородная черта нравовъ и чувствованій клефтовъ видна въ пѣснѣ Скиллодимъ. Гордость, съ какою женщина отказываетъ въ легкой услугѣ начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, выражаетъ, кажется, очень краснорѣчиво, до какой степени она была увѣрена въ уваженіи сего начальника и его подчиненныхъ. Такихъ людей Сципіонъ не удивилъ бы, что онъ не оскорбилъ своей плѣнницы.

Кромѣ сей черты нравственной и картины необыкновенно живописной, какою открывается пѣсня, она не менѣ замѣчательна по роду драматическаго искусства, съ какимъ происшествіе, составляющее предметъ, раскрывается въ ней не просто, не быстро, какъ въ другихъ пѣсняхъ, но связанное и какъ бы прерываемое небольшими приключеніями, которыя увеличиваютъ любопытство.

Братъ Скиллодима, Спирось, въ 1806 году, попалъ, неизвѣстно какимъ случаемъ, въ руки Али-Паши, который бросилъ его въ ужасную янинскую темницу. Скоро, послѣ чудеснаго избавленія, Спирось вошелъ въ милость Али-Паши и былъ про- топаликаромъ у Одиссея, когда его Али-Паша назначилъ управляющимъ Ливадіею.

Подъ зелеными елями ужинать сълѣ Скиллодимъ,
И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
„Наливай мнѣ, красавица, пить наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной;

Поутру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ.“

— Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя напивать:

Я невѣстка Прюеста, я дочь городского архонта!“

На зарѣ, на разсвѣтѣ два лѣсомъ проходящихъ идутъ,

Съ бородами отросшими, съ черными лицами оба;

Къ Скиллодиму подходятъ, привѣтствуютъ оба его:

„Скиллодиму день добрый!“ — Добро вамъ пожаловать!

Кто вы?

Да и какъ вамъ проходящимъ извѣстно, что я Скиллодимъ?—

„Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Сипроса брата.“ —

— Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его?—

„Мы видали его во Янинѣ, въ глубокой темницѣ;

По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ спидѣлъ.“

Зарыдалъ Скиллодимъ, и съ тоски побѣжалъ отъ проходящихъ.

„Воротись, Скиллодимъ! ты отъ брата бѣжишь, капитанъ.“

Не узналъ ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ!“

И узналися братья и крѣпко они обнялись,

Цѣловалися сладко, въ уста цѣловалися и въ очи.

Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:

„Но садися, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай,

И когда ты, и какъ отъ Албанскихъ избавился рукъ?“ —

„Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
Я рѣшетку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро птицей про-
плылъ,

И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя
горы.“

ТАНКРЕДЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВОЛЬТЕРА

(Переведена въ 1809 году)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аржиръ,
Танкредъ,
Орбассанъ, } рыцари.
Лореданъ,
Катанъ,

Альдамонъ, воинъ.

Аменаида, дочь Аржира.

Фанн, наперсница Аменаиды.

Многіе рыцари, присутствующіе въ совѣтѣ, щитоносцы,
воины и народъ.

*Дѣйствіе въ залѣ совѣта въ Аржировомъ домѣ, потомъ на
площади.*

ТАНКРЕДЪ

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Собраніе рыцарей, которые сидятъ полукружіемъ.

АРЖИРЪ.

Вожди и рыцари, Сициліи сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарѣлыя мои почтивши лѣта,
Собрались у меня для важнаго совѣта,
Какъ намъ несущихъ брань тирановъ отразить,
И славу и покой отчизнѣ возвратить.—
Давно сей стонетъ градъ отъ вашихъ расирь несчастныхъ.
Безплодно мужество, гдѣ нѣтъ сердецъ согласныхъ,
Пора—соединясь на мусульманъ возстать.
О други! намъ пора отъ гибели спасти
Стяжанныхъ кровью благъ остатокъ драгоцѣнный,
Для благородныхъ душъ всѣхъ болѣе священный,

Свободу:—вотъ о чемъ пещись мы всѣ должны.—
Два сильные врага сей бѣдственной страны,
Бичи народныхъ правъ, враги святой свободы,
Византскіе цари, срацинскіе народы
Презрѣннымъ рабствомъ намъ досель еще грозятъ.
Сіи властители вселенную дѣлятъ,
И спорять лишь о томъ, какой тиранъ межъ ними
Насъ вправѣ отягчить оковами своими.—
Уже Мессину Грекъ тиранствомъ утѣснилъ,
Надменный Соламиръ давно поработилъ
И Этной пламенной вѣнчанныя равнины,
И древній Агригентъ и Эннскія долины.
Все предвѣщало намъ паденье Сиракузъ,
Отечеству позоръ и бремя рабскихъ узъ!
Но алчные враги взаимно взревновали,
Возставши насъ терзать, другъ на друга возстали,
Ведя о жертвѣ споръ, лишились сами силъ.
Къ свободѣ вѣрный путь самъ Богъ для насъ открылъ!
Вотъ мигъ тотъ счастливый и жданный многи лѣта:
Уже старѣется величье Магомета;
Европу менѣе страшить уже сей врагъ:
Во Франціи Мартель, въ Испаніи Пелагъ,
И церкви Римской вождь Леонъ, поборникъ вѣры,
Какъ гордаго смирать намъ подали примѣры.—
Я знаю, городъ нашъ раздорами смущенъ,
И прежней вольности и прежнихъ силъ лишенъ.
Не буду вспоминать дней горестныхъ предъ вами,
Когда противъ себя мы возставали сами,
Когда отчизна кровь дѣтей своихъ лила;—
Забвенью предадимъ позорныя дѣла!
Мы душу, Орбассанъ, единую составимъ,

Къ единой цѣли мы всѣ помыслы направимъ,
Чтобъ славу возвратить отеческимъ странамъ;
И, нетерпѣвшіе доселѣ равныхъ намъ,
Умремъ, не потерпѣвъ властителя надъ нами!

О Р Б А С С А Н Ъ .

Ты справедливъ, Аржиръ; межъ нашими домами
Несчастная вражда давно поселена;
Страдала отъ нея родимая страна.
Давно желаютъ зрѣть печальны Сиракузы,
Чтобы мой родъ съ твоимъ связали дружбы узы.
Аржиръ, теперь должны другъ другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезну дочь;
Отечеству, тебѣ полезнымъ быть горжуся,
И самъ, отъ алтаря, гдѣ въ томъ вамъ поклянуся,
Иду за васъ мечемъ я Соламиру мстить.—

Но должно не его единого сразить;
И на другихъ враговъ намъ время обратиться;
Другихъ тирановъ мы должны еще страшиться,
Къ которымъ подла чернь поднесъ хранить любовь.
И по какимъ правамъ отъ Сенскихъ береговъ
Вездѣ скитаяся, надменные Французы
Вселились на брегахъ цвѣтущихъ Аретузы?
И по какимъ правамъ, странъ чуждыхъ гражданинъ,
Кусси надменный къ намъ пришелъ какъ властелинъ,
И Сиракузъ въ стѣнахъ свободно водворился?
Сначала кротокъ былъ, и службой намъ гордился;
Но вдругъ онъ напыщенъ, какъ повелитель, сталъ.
Наслѣдства родъ его несмѣтныя стяжалъ,
И нагло властвуя прельщеннымъ здѣсь народомъ,
Дерзнулъ возвыситься надъ Орбассана родомъ.

За то наказанъ онъ: мы всѣхъ его дѣтей
Узрѣли изгнанныхъ изъ здѣшнихъ областей.—
Танкредъ, отъ племени враждебнаго рожденный,
Еще въ младенчествѣ изъ стѣнъ сихъ удаленный,
Служилъ въ Византіи подъ знаменемъ Царей.
Онъ гордъ, и вѣрно храбръ, и вѣрно всей душой
Не терпитъ нашихъ правъ, законы презираетъ,
И чтобы намъ отмстить—лишь время избираетъ.
Француза cadaго пріязнь для насъ страшна!
Три ратника простыхъ въ недавни времена,
Скитальцы бѣдные, сыны снѣговъ нормандскихъ,
Поставили ихъ власть въ поляхъ Апуліанскихъ,
Безъ всякихъ правъ, кромѣ единыхъ правъ войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянинъ и Грекъ, Германцы и Французы,
Всѣ пожираютъ насъ, стекаясь въ Сиракузы;
И наши, тучностью несчастныя поля,
И зависть хищную и алчность воспаля,
Манятъ грабителей и съ сѣвера и съ юга.
Всѣмъ должно намъ возстать и мстить имъ другъ за друга.
Измѣну сколько разъ мы зрѣли въ градѣ семъ.
Возставимъ свой законъ и строго соблюдемъ;
Лишаетъ чести онъ и смертію караетъ
Того, кто со врагомъ въ связь тайную вступаетъ,
На гибель странъ родныхъ съ нимъ явно устремленъ
Пощадою всегда измѣнникъ ободренъ.
Не должно снисходить ни къ возрасту, ни къ роду.
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеція могла лишь строгостью своей.
Въ благоразуміи послѣдуемъ мы ей,
Враговъ отечества безъ жалости карая.

Л О Р Е Д А Н Ъ.

Такъ, истинно позоръ для Сицилійска края,
Что Соламиръ, сей Мавръ, магометанинъ сей
Находитъ для себя въ Сициліи друзей!
Что въ бранной сей землѣ, въ странѣ сей христіанской,
Что между насъ самихъ властитель мусульманской
Развратныхъ гражданъ могъ дарами закупить!
То при дворахъ царей стараясь намъ вредить,
То въ градъ нашъ съ хитрыми условьями вступая,
Тамъ бранію грозя, здѣсь миръ намъ предлагая,
Вселялъ межъ насъ раздоръ, старался обольщать
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, какъ межъ насъ отъ сладкой сей отравы
Растлились честные, отеческіе нравы!
И сколько нынѣ здѣсь обольщено гражданъ
Науками, трудомъ лишь праздныхъ Аравлянъ;
Онѣ имъ преданныхъ навѣкъ порабощаютъ;
Прямые рыцари науки презираютъ.
Намъ нужно знать одно—науку побѣждать;
Другихъ наукъ, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю.
И такъ, какъ Орбассанъ — я строгость одобряю,
Блюстительницу правъ свободныхъ областей.
Гишпанію единъ поработилъ злодѣй.
Онъ между нами былъ, онъ можетъ вновь явиться.
Пусть каръ ужаснѣйшихъ измѣна здѣсь страшится;
Для блага общаго всю жалость истребимъ;
Сразимся съ Маврами, Танкреда отчуждимъ.
Противной крови намъ потомокъ сей послѣдній,
Свободы нашей врагъ, и врагъ всѣхъ болѣ вредный.

Совѣтъ нашъ праведно и мудро положилъ,
 Чтобъ Орбассанъ въ его наслѣдіе вступилъ:
 Да истребится сонмъ злодѣевъ сокровенныхъ,
 Къ Танкреда имени доселѣ прилѣпленныхъ.
 Его имущество да будетъ въ родъ твоимъ,
 О храбрый Орбассанъ!

КАТАНЪ.

Мы всѣ то утвердимъ. —
 Танкредъ могуществомъ въ Царьградѣ пусть блистаетъ;
 Пусть подвиги его дворъ вражескій вѣнчаетъ.
 Танкредъ, свою главу склонивши предъ царемъ,
 Всего себя лишилъ въ отечествѣ своемъ,
 И отчуждился самъ отъ нашихъ правъ священныхъ.
 Да будетъ изгнанъ онъ; рабъ Кесарей надменныхъ
 Въ республикѣ ничѣмъ не долженъ обладать. —
 Но Орбассанъ — всегда стремился охранять
 Свободу нашихъ правъ; таеъ можно-ль меньшей мздою
 Признательной странѣ воздать сему герою?

АРЖИРЪ.

Люблю я дочь мою, и Орбассанъ — мой зять;
 Но собственность для нихъ у сироты отнять?
 Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь. —

ЛОРЕДАНЪ.

Сенать поносишь?

АРЖИРЪ.

Нѣтъ, жестокостью гнушаюсь.
 Когда-жъ покорствовать закону должно мнѣ,
 Когда въ томъ выгода отеческой странѣ,
 Для ней сердечное роптанье заглушаю.

О Р Б А С С А Н Ъ.

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьметъ Танкредовъ весь удѣлъ.

А Р Ж И Р Ъ.

Оставимъ рѣчь сію для больше важныхъ дѣлъ.
Такъ, завтра бракъ сверша, приблизимъ день счастливый,
Въ который общій нашъ смирится врагъ кичливый,
И побѣдителя познаетъ Соламиръ.
Сей врагъ, соперникъ твой, намъ предлагая миръ,
Съ моею дочерью дерзалъ союзомъ льститься.
И мнилъ, что долженъ я родствомъ его гордиться.
Иди, и торжествуй надъ наглымъ симъ врагомъ. —
Друзья, да будетъ нашъ готовъ весь ратный сонмъ!
Но я, лишенный силъ преклонными годами,
Повелѣвать въ бою не смѣю болѣ вами.
Да будетъ Орбассанъ вамъ вождь въ пути побѣдъ,
Я жъ старецъ, коль смогу идти за вами вслѣдъ,
И въ томъ поставлю честь; я буду близъ героевъ,
И духомъ обновлюсь среди кровавыхъ боевъ;
И прежде, чѣмъ глаза навѣки затворю,
Въ побѣдѣхъ надъ врагомъ еще я васъ узрю.

Л О Р Е Д А Н Ъ.

Ты будешь намъ вождемъ, и мы надеждой льстимся,
Что съ боя въ сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебѣ, иль лавры мы пожнемъ,
Или, въ глазахъ твоихъ, всѣ мертвыми надемъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Аржиръ и Орбассанъ.

АРЖИРЪ.

Могу ли, Орбассанъ, обнять тебя, какъ сына?
 Раздора нашего забыта ли причина?
 Могу ли, какъ отецъ, себя надеждой льстить,
 Что ты подпора мнѣ?

ОРБАССАНЪ.

Увѣренъ можешь быть.

Люблю отечество, оно насъ примпряетъ;
 И бракъ и общая насъ польза съединяетъ,
 Но не ввело-бъ ничто меня въ союзъ съ тобой,
 Когда-бъ душа моя, горѣвшая враждой,
 И въ самой сей враждѣ тебя не почитала. —
 Цѣпь новую для насъ хотя любовь сплетала,
 Но не одна любовь на бракъ влечетъ меня;
 Не будетъ нашъ союзъ плодомъ того огня,
 Который мигъ родить и мигъ уничтожаетъ,
 И часто вслѣдъ за нимъ вражду лишь оставляетъ.
 Сынъ Марсовъ и слуга отеческой страны,
 Я не привыкъ вздыхать средь ужасовъ войны.
 Надежда съ бракомъ мнѣ важнѣе представлялась:
 Скрѣпленье дружбы той, что между насъ ражда-
 лась,
 И слава Сиракузъ, и польза обоихъ.
 Любовь, предъ важностью взаимныхъ выгодъ.

Свое могущество минутное теряетъ.
 Пусть узы дружества рука ея скрѣпляетъ;
 Но слабый гласъ любви въ то время да молчитъ,
 Когда, вкругъ нашихъ стѣнъ оружіе гремитъ.

АРЖИРЪ.

Сей гордый, бранный духъ почтеніе внушаетъ;
 Но не суровость насъ, а кротость лишь плѣняетъ.
 Я льщуся, что, любви ты сердца покора,
 И грозное чело предъ дѣвою смиря,
 Признаешь страсти плѣнь, тебѣ конечно новый.

ОРБАССАНЪ.

Я льщусь равно, что ты простишь мой нравъ су-
 ровый:

Возросши въ воинствѣ, я къ лести не привыкъ;
 Сей суетныхъ учтивствъ обманчивый языкъ,
 Сія для слабыхъ душъ сокрытая отравя,
 Чужда для прямоты воинственного нрава.
 Въ Аменаидѣ я не красоты мечту,
 Но добродѣтели и дочь героя чту,
 И съ ней вступаю въ союзъ, тобой усыновленный,
 Снискать ея любовь почту за долгъ священный.

АРЖИРЪ.

Но, призванная мной, она идетъ предъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Аржиръ, Орбассанъ и Аменаида.

АРЖИРЪ.

Ко благу сей страны гражданъ всеобщій гласъ,
 Отецъ и Богъ — тебѣ назначили супруга.
 Сей рыцарь, въ комъ теперь я обрѣтаю друга,
 Согласья твоего меня порукой зрить. —
 Ты знаешь, сколько здѣсь онъ саномъ знаменитъ:
 Сильнѣйшій гражданинъ, къ побѣдамъ вождь избранный,
 Танкреда весь удѣлъ ему закономъ данный....

АМЕНАИДА (*въ сторону*).

Танкреда!

АРЖИРЪ.

Но не сей, ничтожной мнѣ, цѣной,
 Возвысится союзъ, свершаемый тобой.

ОРБАССАНЪ.

Союзъ сей лестенъ мнѣ, и будетъ лестенъ болѣ,
 Коль сердце дочери отца покорно волѣ.
 Да возмогу и я сей выборъ заслужить,
 И счастья всѣхъ троихъ надежду совершить.

АМЕНАИДА.

Всегда твоя душа, родитель, раздѣляла
 Всѣ горести мои, и счастья мнѣ желала.
 Героя выборъ твой супругомъ мнѣ даетъ;
 И скорбный вашъ раздоръ, пылавшій столько лѣтъ,

Когда отъ васъ навѣкъ забвенью предается,
 То дружбы вашей дочь залогомъ остается.
 Союза важнаго всю цѣну вижу я. —
 Но Орбассанъ простить, когда душа моя,
 Разима съ юности судьбою раздраженной,
 И возмущенная внезапной переменой,
 Въ объятіяхъ отца споконится на мигъ.

О Р Б А С С А Н Ъ .

И сдѣлать то должна; почтенныхъ чувствъ такихъ
 Дочерней нѣжности я воспретить не смѣю;
 Тѣхъ правъ, что надъ тобой съ сего я дня имѣю,
 Во зло не обращаю. Теперь — спѣшу на бой;
 Мнѣ должно заслужить почтенный бракъ съ тобой;
 Ласкаюсь, что въ сей день свершу надежду вашу,
 И брачные вѣнцы я лаврами украшу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ и Аменаида

А Р Ж И Р Ъ .

Но ты смущаешься, безмолвствуешь стена,
 И слезы на очахъ скрываешь отъ меня?
 Упреки ясно мнѣ сей вздохъ предзнаменуетъ:
 Языкъ преслушенъ намъ, коль сердце негодуетъ.

А М Е Н А И Д А .

Родитель! признаюсь — я думать не могла,

Чтобъ, столько претерпѣвъ отъ Орбассана зла,
Ты нѣкогда престалъ пылатъ къ нему враждою;
Чтобъ я, соединя васъ трепетной рукою,
Супругомъ назвала злодѣя твоего?
Забуду-ль ужасы раздора я того,
Какъ мятежемъ гражданъ, враговъ твоихъ къ отрадѣ,
Ты крова былъ лишень въ отечественномъ градѣ?
Какъ мать, гонимая въ родныхъ своихъ стѣнахъ,
Искала жалости на чуждыхъ берегахъ?
Какъ отъ груди отца оторванная съ нею,
Въ столицѣ Кесарей, съ опорой слабой сею
Дѣлила я печаль, сносила нго бѣдъ
И злополучіе познала съ юныхъ лѣтъ! —
Но я у матери, въ странѣ чужой и дальной
Училась терпѣть изгнанныхъ рокъ печальной;
Сносить училась въ несчастіи моемъ
И гордаго двора презорливый пріемъ,
И жалость хладныхъ душъ, тягчайшую презрѣнья! —
И въ мрачной долѣ сей, въ училищѣ терпѣнья
Примѣромъ матери образовалась я.
Но вдругъ лишась всего съ потерей ея,
Я въ міръ съ ужасомъ одну себя узрѣла,
Какъ трость пустынная защиты не имѣла! —
Но рокъ смягчился къ намъ: несчастливый сей градъ
Стяжанье, честь, права отдалъ тебѣ назадъ;
Судьбу оружія вручилъ твоей снѣ длани,
И пали предъ тобой враги въ кровавой брани.
Въ объятія отца я вновь возвращена,
И новая гроза надъ мною собрана!
Ты брака моего свѣтильникъ возжигаешь;
Я знаю выгоды, которыхъ ожидаешь;

Но жертвою враговъ была до сихъ я дней;
 А нынѣ зрю себя — я жертвою твоей!
 И день, который вы для брака мнѣ избрали,
 Быть можетъ, будетъ намъ днемъ бѣдствій и печали.

АРЖИРЪ.

Онъ будетъ счастливымъ, отцу повѣрь ты въ томъ:
 Блаженства твоего не буду я врагомъ.
 Любезную мнѣ дочь вручаю я герою,
 Который Мавру, намъ грозящему войною,
 Въ сей самый день за насъ мститъ бранію готовъ;
 Онъ былъ противникъ мой, теперь онъ нашъ покровъ.

АМЕНАИДА.

Покровъ? возносишь ты заслуги Орбассана;
 Но блескъ меня не льститъ высокаго толь сана;
 И я желала бы, чтобъ вождь толикихъ силъ
 Для выгодъ собственныхъ невинныхъ не тѣснилъ.

АРЖИРЪ.

Такъ, весь Сенатъ, храня отъ рабства градъ сей вольный,
 Въ Танкредѣ наказалъ родъ чуждый и крамольный.
 Онъ долго власть свою намъ обращая въ вредъ,
 Здѣсь приобрѣлъ враговъ.

АМЕНАИДА.

Но и досель Танкредъ,
 Коль вѣрять мнѣ молвъ, въ семъ градѣ уважаемъ.

АРЖИРЪ.

И мы въ немъ доблести героя почитаемъ.
 Уже Иллирію, гласятъ, онъ покорилъ;

Но чѣмъ усерднѣе онъ Кесарямъ служилъ,
Отъ родины своей тѣмъ болѣ отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

А М Е Н А И Д А .

Танкредъ!

А Р Ж И Р Ъ .

Опасенъ намъ крамольника возвратъ;
Въ Царьградѣ ты могла примѣтить много кратъ
Къ намъ ненависть его.

А М Е Н А И Д А .

Нѣтъ — Мавра побѣдитель,
И слабыхъ Сиракузъ былъ вѣрно-бъ онъ спаситель —
Вотъ мать моя всегда какъ думала о немъ.
Когда-жъ, свирѣпствуя враги во градѣ семъ,
За Орбассановъ родъ всѣ на тебя возстали,
Расхитили твой домъ, родныхъ твоихъ изгнали, —
Танкредъ презрѣлъ бы смерть, чтобъ защитить тебя:
Вотъ какъ судила я.

А Р Ж И Р Ъ .

О дочь, приди въ себя:
Къ совѣтамъ нѣжнаго родителя склонися,
Съ мѣстами, съ временемъ теперь сообразися:
Танкредъ, и Соламиръ, и византійскій дворъ
Здѣсь ненавистны всѣмъ; друзья ихъ намъ позоръ.
Путь къ счастію тебѣ въ покорности остался. —
Я весь мой долгій вѣкъ за родину сражался;
Неблагодарной ей, какъ вѣрный сынъ служилъ;
Несправедливую всегда ее любилъ;

Такъ буду поступать до самой я могилы.
Послѣдуй мнѣ, утѣшь ты старца дни унылы.
Жизнь треволненную готовъ я окончать:
Твою обязана ты долгу покорять;
И съ миромъ очи я, сходя во гробъ, закрою,
Коль счастье твое предъ смертію устрою.

АМЕНАИДА.

Заботься менѣе объ участи моей.
Не сожалью я, оставивъ дворъ царей:
Родитель, все въ моемъ ты сердцѣ замѣняешь;
Но имъ поспѣшно такъ почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положишь,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но все премѣнчиво. Увы! сему герою,
Быть можетъ, рано ты далъ право надо мною.

АРЖИРЪ.

Какъ, что ты говоришь?

АМЕНАИДА.

Прости, коль рѣчью сей,
Быть можетъ, нанесла я скорбь душѣ твоей. —
Я знаю, что нашъ полъ, въ сей области свободы,
Закономъ осужденъ скрывать и гласъ природы;
Но, сердца предъ тобой не въ силахъ чувствъ сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачѣмъ, какъ сей союзъ предположить рѣшился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ахъ! что перемѣнить любовь твою могло?

А Р Ж И Р Ъ.

Ты, ты одна, ее употребя во зло.
 Доселѣ я внималъ, скрывая гнѣвъ правдивый,
 Но больше не внемлю я дочери строптивой.
 Не можно твоего союза мнѣ прервать:
 Я слово далъ; ему безчестно измѣнять. —
 Несчастливымъ я рожденъ, сама ты мнѣ вѣщала:
 Всегда судьба мои надежды разрушала;
 Весь скорбный вѣкъ мой былъ, какъ море въ бурный
 часть.
 Порадуй, о мой Богъ, меня ты въ первый разъ!
 Да дочь, сверша сей бракъ, въ немъ счастье по-
 знаетъ,
 И радости, чѣмъ я, путь жизни протекаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

А М Е Н А И Д А.

Танкредъ, о другъ души! какъ мнѣ толь слабой быть?
 Для твоего врага любовь твою забыть?
 Быть низкою, какъ онъ, и клятвамъ измѣняя,
 Съ нимъ хищникомъ твое наслѣдство раздѣляя,
 Чтобъ я теперь могла....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аменаида и Фани

АМЕНАИДА.

О Фани, поспѣши!

Познай, о вѣрный другъ, всю грусть моей души: —
Отцомъ я названа супругой Орбассану!

ФАНИ.

Какъ! сердцу твоему наносятъ нову рану?
Но тщетно льстился имъ кичливый мусульманъ,
И тщетно, внявъ отцу, сей рыцарь Орбассанъ
Надъ избраннымъ тобой дерзаетъ возвышаться;
Твоя душа вѣрна.

АМЕНАИДА

Ахъ! можно-ль сомнѣваться?

Танкредъ лишенъ всего, гонимъ здѣсь отъ враговъ;
Но быть въ гоненіи — героя рокъ таковъ;
А мой — его любить всѣхъ болѣе на свѣтѣ!
О Фани, въ сихъ стѣнахъ жалѣютъ о Танкредѣ?
Народомъ онъ любимъ....

ФАНИ.

Гонимый съ юныхъ дней,
Въ своемъ отечествѣ забытъ онъ отъ друзей;
Объ участи его не многіе жалѣютъ.
Вельможи здѣсь одну корысть въ виду имѣютъ;
Народъ, сей страстью чувствъ еще не заглушивъ,
И болѣ жалостливъ...

АМЕНАИДА.

И болѣ страведливъ.

ФАНИ.

Но здѣсь онъ угнетенъ; и сонмъ друзей сокрытой
Изгнанника сего не смѣетъ быть защитой.
Жестокъ и всемогущъ верховный здѣсь совѣтъ.

АМЕНАИДА.

Онъ всемогущъ, когда отсутствуетъ Танкредъ.

ФАНИ.

О! если бы онъ могъ во градъ семъ явиться,
Тогда могла-бъ твоя надежда совершиться.
Но тщетно все, увы, отъ насъ онъ удаленъ;
Надежда....

АМЕНАИДА.

Въ Богѣ вся! меня услышитъ Онъ!
Ввѣряюся тебѣ: Танкредъ ужъ не далеко;
И какъ толпа враговъ, свершая ковь жестокий,
Его на вѣчное изгнанье обрекла;
И какъ тирановъ власть предѣлы превзошла,
Вотъ время—и Танкредъ къ ихъ трепету явится.
Уже въ Мессинѣ онъ.

ФАНИ.

О небо! и свершится
Сей недостойный бракъ въ Танкредовыхъ глазахъ?

А М Е Н А П Д А .

Нѣтъ — не свершится онъ... нѣтъ, Фани, тщетенъ
страхъ!

И, можетъ быть, мои гонители со мною
Владыку одного признають надъ собою.
Познай, открою все — но твердость намъ нужна:
Постыдно иго мнѣ — и свергнуть я должна.
Гоненьемъ робкая душа моя крѣпится.
Безчестно измѣнить и подло покориться.
Такъ, для меня одной здѣсь явится Танкредъ,
И льщусь, того меня достойною найдетъ. —
Кто? я, отцомъ моимъ жестоко угнетенна,
Какъ слабая раба тирану обреченна,
Чтобъ я могла, какъ долгъ, измѣну совершить?...
Нѣтъ, нѣтъ! меня ничто не можетъ утратить!
Любовь и въ робкій полъ безстрашіе вселяетъ.
Пускай моя любовь Танкреда возвращаетъ;
И если зрю бѣды въ намѣреньяхъ моихъ,
Онѣ пріятны мнѣ, любовь рождаетъ ихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

А м е н а н д а и Ф а н и.

А М Е Н А Н Д А.

Что дѣлаю? въ душѣ невольное волненіе!
 Не угрызенія-ль?... родить ихъ преступленье,
 Но небо вѣдаетъ, какъ чуждо мнѣ оно. —
 Такъ успокоимся. — (*Ко входящей Фани*) Все-ль,
Фани, свершено?

Ф А Н И.

Невольникъ отошелъ съ письмомъ, тобой врученнымъ.

А М Е Н А Н Д А.

Важнѣйшимъ таинствомъ, въ семъ сердцѣ заключен-
нымъ,

Теперь владѣетъ онъ; не сомнѣваюсь въ немъ,
 Всегда онъ вѣренъ мнѣ въ служеніи своемъ;
 Имъ убѣжденный Мавръ письмо къ герою
 Въ Мессину принесетъ съ заутренней зарею.

Ф А Н И.

Страшусь — и тѣмъ однимъ я разсѣваю страхъ,
 Что имя рыцаря, о коемъ въ сихъ стѣнахъ
 Молва единая тирановъ ужасала,

Что имя ты сіе въ письмѣ не начертала;
И что его одинъ узнаеть лишь Танкредъ.
Но все смущаюсь я, чтобъ небо новыхъ бѣдъ...

А М Е Н А И Д А.

Симъ небомъ дни мои отъ юности хранятся;
Танкредъ къ намъ имъ вѣдомъ, и мнѣ-ль теперь смущаться?

Ф А Н И.

Въ другихъ предѣлахъ васъ да соединить оно;
Здѣсь все противъ него враждой возбуждено.
Друзья его молчатъ, и къмъ онъ защитится?

А М Е Н А И Д А.

Своею славою! — Лишь долженъ здѣсь явиться,
Владыкой будетъ онъ; онъ всѣхъ плѣнитъ собой:
Смягчаетъ всѣ сердца страдающій герой.

Ф А Н И.

Опасенъ врагъ его.

А М Е Н А И Д А.

Разсѣй боязнь мечтаній
И не смущай моихъ ты твердыхъ ожиданій;
Ты не забудь, что мать, въ послѣдній жизни часъ,
На смертномъ ужь одрѣ благословила насъ;
Что мой съ тѣхъ поръ Танкредъ, что нѣтъ на свѣтѣ
власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти. —
Ахъ, въ нѣдрахъ славы съ нимъ; Византіи въ стѣ-
нахъ

Тужили часто мы о скорбныхъ сихъ странахъ;
Съ нимъ часто жадный взоръ къ полямъ симъ обра-
щали,
Къ полямъ, гдѣ обрѣсти блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтобъ здѣсь враждебный рокъ
Танкредова врага супругомъ дать мнѣ могъ!
И чтобъ сей врагъ принесъ, какъ даръ, мнѣ на тер-
занье,
Имъ похищенное Танкредово стяжанье!...
Нѣтъ — пусть увѣдаетъ онъ о злодѣйствахъ сихъ;
Пусть вспомнитъ о себѣ, о бѣдствіяхъ моихъ,
И защититъ права, нарушенны безбожно. —
Чтобъ за Танкреда мстить, я дѣлаю что должно;
Коль можно-бъ — сдѣлала и болѣе сего!...
Люблю, страшусь отца и старость чту его.
Но я воздвигла-бъ здѣсь стѣнящіе народы
На Орбассана, насъ лишившаго свободы.
Онъ славныхъ рыцарей почтенный санъ срамитъ:
Корыстенъ, гордъ, жестокъ, и онъ о чести мнитъ!
И вольности гражданъ покровомъ быть мечтаетъ!
Онъ стыдъ готовить мнѣ, а мой отецъ свершаетъ.
И я должна терпѣть? и я должна молчать?
Бракъ съ ненавистнымъ мнѣ должна я въ честь вмѣ-
нять?...
Ахъ! въ вольномъ градѣ семь тиранство такъ гонимо;
Но всѣхъ несноснѣе и больше всѣхъ терпимо —
Хотящее сердцамъ законы подавать
И силою своей ихъ чувства измѣнять.
Но жребій мой рѣшенъ.

ФАНИ.

Но ты предъ симъ страшилась.

АМЕНАИДА.

Я болѣ не страшусь.

ФАНИ.

Молва распространилась,
Что страшный изреченъ Танкреду приговоръ;
Онъ смертию всѣмъ грозитъ, кто-бъ смѣлъ съ нимъ въ
заговоръ...

АМЕНАИДА.

Я слышала о немъ и ужасомъ смутилась;
Но вѣрная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! мной любимъ безтрепетный герой;
Безтрепетна и я.

ФАНИ.

Ужель и надъ тобой
Жестокій сей законъ возможенъ совершиться?
Одной лишь черни въ страхъ онъ, вѣрно, возвѣстится.

АМЕНАИДА.

Танкреда онъ гнететъ, и ненавистенъ онъ!
О сколь сихъ рыцарей достоинъ сей законъ!
Ахъ, нѣтъ! не такъ себя ихъ предки прославляли;
Не такъ они страны и души покоряли.
Италія, признавъ господство воевъ сихъ
И ихъ меча страшась, любила кротость ихъ;
Завистная вражда ихъ душъ не помрачила
И честь—сихъ витязей сердца соединяла.

Они вселяли страхъ въ однихъ своихъ враговъ;
 Народъ любилъ ихъ власть и лилъ на битвахъ кровь
 Для славы рыцарей и собственной свободы.
 Смирялися тогда Византскіе народы,
 И Мавра грознаго не трепеталъ сей градъ.
 А нынѣ что въ немъ зрю? безсильный лишь сенатъ,
 Подозрѣвающій, враждою раздѣленный,
 Страшашій самъ себя и гражданамъ презрѣнный.
 Чрезмѣрно, можетъ быть, мой духъ воспламененъ;
 Предупрежденіемъ, быть можетъ, ослѣпленъ;
 Но все, что не Танкредъ, я все то ненавижу;
 Я въ мірѣ ничего кромѣ его не вижу;
 Танкредъ одинъ вездѣ, всегда въ моихъ очахъ,
 И каждый врагъ его—Аменапдѣ врагъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

*Аменапда, Фани, вблизи Аржиръ, и рыцари въ глубинѣ
театра.*

АРЖИРЪ.

Ударъ сей перенести, друзья, мнѣ дайте силу...
 Не мнилъ я низойти съ безчестіемъ въ могилу!

Къ дочери, со вздохами прерываемыми инъвомъ:

Бѣги, несчастная, не возмущай собой...
 Бѣги!....

АМЕНАИДА.

Что слышу я? и ты, родитель мой...

АРЖИРЪ.

И имя ты сіе произнести дерзаешь,
Когда отечеству и чести измѣняешь?

АМЕНАИДА *(сдѣлавъ шагъ, чтобы идти, скло-*
няется на Фани).

Погибла я!

АРЖИРЪ.

Постой, и зри токъ слезъ моихъ.
Ахъ! что ты сдѣлала?

АМЕНАИДА *(рыдая).*

Несчастье обоихъ.

АРЖИРЪ.

Иль слезы о твоёмъ злодѣйствѣ проливаешь?

АМЕНАИДА.

Злодѣйства я чужда.

АРЖИРЪ.

Письмо ты отвергаешь?

АМЕНАИДА.

Нѣтъ.

АРЖИРЪ.

Такъ, черты сіи преступницу винятъ,
Изобличаютъ все и сердце мнѣ разятъ!

Итакъ — все истинно! Ты отвѣчать не смѣешь?
 Скажи, ахъ, нѣтъ! молчи, когда отца жалѣешь.
 Почто до бѣдствій сихъ велѣлъ дожидать мнѣ Богъ,
 Велѣлъ мнѣ зрѣть... Ахъ! что ты сдѣлала?...

АМЕНАИДА.

Мой долгъ;

Ты совершилъ ли твой?

АРЖИРЪ.

Ахъ, рода поношенье!
 Или себѣ ты въ честь вмѣняешь преступленье?
 Бѣги, оставь меня убитого тоской;
 Закроются глаза мнѣ чуждою рукой.

АМЕНАИДА (*почти лишенная чувствъ и поддерживаемая
отъ Фани, уходитъ*).

Нѣтъ болѣ силъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ и рыцари.

АРЖИРЪ.

Друзья, въ семъ страшномъ положеньѣ,
 Какъ дочь обличена въ безчестномъ преступленьѣ,
 Простите старцу вы его прискорбный стонъ:
 Внемля отечеству, природѣ внемлетъ онъ.
 Вы не потребуйте, чтобы отецъ стелящій

Въ вашъ грозный приговоръ вмѣшалъ свой гласъ дрожащій.

Увы! не можетъ быть невинной дочь моя;
Но вдругъ произнести мой срамъ и смерть ея?...
Нѣтъ, нѣтъ, не требуйте, чтобы отецъ несчастный
Превыше силъ своихъ исполнилъ долгъ ужасный.

ЛОРЕДАНЪ.

Почтеннаго отца мы горести дѣлимъ
И тяжкихъ язвъ его въ душѣ не растравимъ. —
Но самъ, Аржиръ, ты зрѣлъ несчастной начертанье;
Зрѣлъ въ немъ преступное измѣнницы желанье.
Гонецъ захваченъ съ нимъ близъ стана самого,
И дерзкій Соламиръ могъ видѣть казнь его.
Ихъ злые замыслы открыты слишкомъ были
И явной гибелью отечеству грозили. —
Его опасность, долгъ, народа общій гласъ
Не суетныхъ угрозъ днесъ требуютъ отъ насъ.
Отцовской жалости законы не внимаютъ;
Предъ ними все молчить.

АРЖИРЪ.

Чего они желаютъ,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ахъ! она мнѣ дочь — вотъ мой несчастный зять!
Я скорбію убить... вамъ жребій мой ввѣряю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рыцарь.

КАТАНЪ.

Уже повелѣно ей съ стражей здѣсь предстать.
 Такъ, безъ сомнѣнія, прискорбно намъ взирать
 На юность, красоту, на дѣву толь почтенну,
 Съ надеждой двухъ домовъ въ могилу заключенну. —
 Но на безстрастный судъ, друзья, мы призваны.
 За поруганіе мы вѣры мстить должны;
 Отечество равно отмщенья ожидаетъ:
 Измѣнница въ нашъ градъ злодѣя призываетъ!
 Видали въ Греціи и женъ мы и гражданъ,
 Чтò, славы отложась и вѣры христіанъ,
 Передавались невѣрнымъ мусульманамъ,
 Симъ алчнымъ хищникамъ, презрѣннымъ симъ тира-
 намъ;
 Но чтобы дочь отца, почтеннаго всѣмъ намъ,
 Для клятвъ супружескихъ вступая въ Божій храмъ,
 Свершила заговоръ толь гнусный и презрѣнный!...
 Неслыханнымъ нашъ градъ злодѣйствомъ посрамленный,
 Къ примѣру вѣчному желаетъ казню узрѣть.

ЛОРЕДАНЪ.

Стеня произнесу: ей должно умереть.
 Чѣмъ родъ ея славнѣй, важнѣй тѣмъ злодѣянье.
 Извѣстно Мавра намъ надменное мечтанье.
 Любовь къ измѣнницѣ и даръ его — плѣнять,

Вселять развратъ въ сердца и взоры ослѣплять.
Къ нему относится въ письмѣ ея воззванье:
„Приди и царствуй здѣсь“. Преступное желанье
Намъ возвѣщаетъ ихъ открытый заговоръ;
О прочемъ умолчу (*къ Орбассану*), скрывая твой позоръ,
И общій стыдъ — И кто, всему въ безчестье граду,
Здѣсь кто изъ рыцарей, по древнему обряду,
Отважится мечемъ измѣну защищать
И, презря чести долгъ, злодѣйство оправдать?

БАТАНЪ.

Обиду, Орбассанъ, мы всѣ дѣлимъ съ тобою,
И въ ратномъ полѣ мы ее омоемъ кровью.
Измѣной прерванъ бракъ; забудь преступный взоръ:
Не медля казнь ея отмститъ за твой позоръ.

ОРБАССАНЪ.

Ужасна казнь ея... Вѣрна, или невѣрна,
Я былъ ея женихъ... и грусть моя безмѣрна.
Но стражей вижу я — и вотъ сама она!
Темницъ ведома въ мракъ, цѣпями отягчена...
Позорище сіе мнѣ стыдъ и оскорбленье!
Друзья! оставьте съ ней меня.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Рыцарь, вблизи; Аменада, вдали, окруженная стражею.

АМЕНАДА.

О Провидѣнье!

Не оставляй меня ты въ часъ сей роковой.
Предметъ любви моей ты знаешь, Боже мой!
Виновна-ли я въ чемъ, мое ты сердце знаешь.

КАТАНЪ.

Преступницу сію еще ты зрѣть желаешь?

ОРБАССАНЪ.

Хочу.

КАТАНЪ.

Пойдемъ, друзья; но, говоря ты съ ней,
Законы помни, честь и святость алтарей;
Они поруганы и мести ожидаютъ.

ОРБАССАНЪ.

Все знаю; долгъ и честь мнѣ то напоминаютъ.

(Къ стражамъ)

Вы удалитесь!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Амеланда и Орбассанъ.

АМЕЛАНДА.

Что смѣешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

ОРБАССАНЪ.

Не постыжусь себя жестокостью такою.
Супругой избрана была самимъ ты мною,
И, можетъ быть, любовь внушала выборъ сей.
Не знаю, помнитъ ли душа моя объ ней,
Или уже скорбितъ, что власть ея познала;
Но я не потерплю, чтобъ честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрѣнъ Орбассанъ
Для нечестиваго владыки мусульманъ,
Для вѣчнаго врага священной нашей вѣры.
Злодѣйства равнаго неслыханны примѣры!
Для чести сей страны, для собственной моей,
Я вѣрить не хочу ужасной вѣсти сей. —
Со дня сего тебѣ супругомъ нареченный,
Твоимъ безславіемъ самъ лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долгъ считаю мой.
Законы рыцарей опредѣляютъ бой,
Въ которомъ мощь руки *суда Божіи* *) совершаетъ;

*) Сія битва называли судомъ Божиимъ.

Въ немъ мечъ рѣшитъ, и онъ невинность возвращаетъ.
На бой сей я готовъ.

А М Е Н А П Д А.

Ты?

О Р Б А С С А Н Ъ.

Я одинъ, и льщусь,
Что послѣ подвига, къ которому стремлюсь,
Который честію предъ всѣми оправдится,
Принадлежавшее мнѣ сердце вновь потщится
Меня достойнымъ быть. Входить не стану я,
Была ли юная предъ симъ душа твоя
Коварнаго врага соблазнена прельщеніемъ,
Иль, ослѣпленная минутнымъ заблужденіемъ,
Противилася ты вступить во бракъ со мной.
Надъ благородною, чувствительной душой
Благотвореніе власть сильную имѣетъ;
Надъ добродѣтелью — одинъ упрекъ успѣетъ.
Не сомнѣваюся о чести я твоей;
Но мало мнѣ сего: отъ гордости-ль моей,
Или то отъ любви, — хочу, по праву власти,
Увѣриться въ твоей неллициемѣрной страсти.
Клятвъ строгихъ требуютъ законы въ сихъ странахъ;
Я требую одной, не той, какую страхъ,
Иль принужденіе у слабыхъ исторгаютъ,
Что чувствамъ вопреки во храмахъ расточаютъ:
Ты прямо говори моей душѣ прямой.
Скажи, и мечъ въ рукѣ, и я готовъ на бой,
Готовъ на смерть — но съ тѣмъ, что я люблю тобою.

А М Е Н А И Д А.

Въ пучину бѣдствія низверглась я судьбою,
 И къ ужасу едва приведена въ себя, —
 Сей подвигъ доблестный, нежданный отъ тебя,
 Ударомъ душу мнѣ послѣднимъ поражаетъ,
 И въ ждавшую меня могилу повергаетъ!
 О рыцарь! — я должна тебя благодарить;
 И въ часъ, когда во гробъ готова я ступить,
 Въ послѣдній жизни часъ — тебя я почитаю.
 Познай меня теперь: я сердце открываю.
 Ни чести, ни странѣ не измѣняла я,
 Ни самому тебѣ; я не была твоя.
 Ты можешь упрекать душѣ моей смятенной
 Неблагодарностью, но никогда измѣной. —
 Я не могу тебя любить.... Нѣтъ, сей цѣной
 Защиты не куплю: я отвергаю бой.
 Я знаю, что у васъ законы безпощадны,
 Что казнь готовятъ мнѣ тираны кровожадны;
 Суровой гордостью я не могу блистать,
 Чтобы безъ ужаса смерть грозную встрѣчать.
 Нѣтъ, жизнь любезна мнѣ.... Въ семъ бѣдствіи ужас-
 номъ

Я плачу о себѣ и объ отцѣ несчастномъ.
 Но и въ несчастіи, въ ужасной долѣ сей
 Не обману тебя: не жди любви моей. —

Теперь кажуся я виновна предъ тобою;
 Но знай, что я была-бъ преступница душою,
 Когда бы до того забыла долгъ и честь,
 Чтобы сердце въ даръ тебѣ рѣшилася принести.
 Ни женихомъ, прости, коль рѣчью оскорбляю,

Ни рыцаремъ моимъ тебя не избираю.
Вотъ мой отвѣтъ; суди — и честь свою отмщай.

О Р В А С С А Н Ъ.

Я буду отомщать — отечественный край;
Презрѣніе-жъ простивъ, а дерзость презирая,
Забуду ихъ. — Итакъ, бой судный оставляя,
Предъ мной и предъ тобой чистъ въ совѣсти моей,
Отнынѣ становлюсь твоимъ лишь судіей,
Закону преданнымъ, равно какъ онъ, безстрастнымъ,
Ни сожалѣнію, ни гнѣву не причастнымъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида и стражи (сдали).

А М Е Н А И Д А.

Теперь свершилось все... я жертвую собой!
О другъ единственный, о другъ несчастный мой!
Ты, для котораго я жизнью дорожила,
Я за тебя твой приговоръ свершила!
Такъ, за тебя умру... Но тяжкій сей позоръ!
Но горестный отецъ, представшій вдругъ предъ взоръ!
Оковы, сонмъ убійцъ, орудья грозной казни!
Смерть страшную снести безъ трепетной боязни?
Мученье, вѣчный стыдъ?... Ахъ, мысль одна мертвить!
Нѣтъ! — за Танкреда смерть меня не постыдитъ.
Не наказать меня, но умертвить лишь можно...

Какъ? пасть въ глазахъ гражданъ преступницей мнѣ
должно?...

Я вѣрной имъ была — и казнь несу отъ нихъ!

Но ахъ, въ невинности свидѣтелей другихъ

Не буду я имѣть, кромѣ души невинной!

Ко входящей Фани:

Ахъ! гдѣ ты, гдѣ Танкредъ?... О другъ мой здѣсь единой,

(Фани рыдая цѣлуетъ ея руку)

Еще позволено тебя мнѣ, Фани, зрѣть!

Ф А Н И.

Зачѣмъ я не могу здѣсь прежде умереть!

А М Е Н А Н Д А *(стражи приближаются)*.

Чудовища идутъ насъ разлучить съ тобою! —

Скажи ты нѣкогда любимому герою,

Съ какими чувствами я въ самый гробъ сошла;

Пусть знаетъ, Фани, онъ, вѣрна ли я была;

Скажи, какой меня постигнулъ рокъ ужасной:

Онъ, можетъ быть, слезу прольетъ о мнѣ несчастной!

О Фани! за него себя я предаю;

Но мыслю объ немъ смягчу я смерть мою.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ (сопровожаемый двумя щитоносцами, которые несутъ его копье, щитъ и проч.) и Альдамонъ.

ТАНКРЕДЪ.

Для благородныхъ душъ мила страна родная!
Привѣтствую тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамонъ, другъ юности моей,
Тебѣ обязанъ я блаженствомъ жизни сей;
Твоимъ усердіемъ сюда я возвратился.
Какъ счастливъ сталъ Танкредъ! мой жребій измѣнился!
О другъ мой! сколь важна услуга мнѣ твоя —
Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.

АЛЬДАМОНЪ.

Ничтожную, Танкредъ, услугу выхваляешь,
И низкій жребій мой ты много возвышаешь;
Я гражданинъ простой; и счастливъ тѣмъ стократъ...

ТАНКРЕДЪ.

Я тоже, что и ты: всякъ гражданинъ мой братъ.

АЛДАМОНЪ.

Два года при тебѣ я въ браняхъ подвизался,
И славѣ дѣлъ твоихъ два года удивлялся,
Смотря, какъ превышалъ ты праотцевъ своихъ;
Вотъ все достоинство услугъ и дѣлъ моихъ.
Въ почтенномъ домѣ мнѣ отцовъ твоихъ рожденный,
Воскормленный отъ нихъ, тебѣ препорученный,
Я долженъ....

ТАНКРЕДЪ.

Долженъ ты теперь мнѣ другомъ быть. —
Вотъ градъ, который я стремился защитить;
Вотъ градъ отеческій, вотъ стѣны тѣ святыя,
Гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, и въ дни мои младые
Изъ коихъ изгнанъ я! — О другъ, въ какихъ мѣстахъ,
Живетъ Аржира дочь?

АЛДАМОНЪ.

Во древнихъ тѣхъ стѣнахъ;
Предъ ними пышный кровъ чертоговъ возвышенныхъ,
Гдѣ засѣдаетъ сонмъ тѣхъ рыцарей почтенныхъ,
Судей священный сонмъ, тотъ бодрственный сенатъ,
Въ чьей длани жезлъ суда и мечъ на снопостатъ.
Ихъ сонмъ вездѣ-бѣ разилъ магометанъ средь боя,
Коль не былъ бы лишенъ храбрѣйшаго героя.
Вотъ копья ихъ, щиты, ихъ надписи висятъ,
И пышностью своей народу говорятъ
Объ ихъ дѣяніяхъ, со славою свершенныхъ:
Не зрятъ лишь твоего межъ сихъ именъ почтенныхъ.

ТАНКРЕДЪ.

Сокроемъ имя мы въ враждебныхъ сихъ стѣнахъ;
Извѣстно, можетъ быть, оно въ другихъ странахъ.

(Къ щитоносцамъ)

Вы знакъ мой съ именемъ повѣсьте истребленнымъ,
Чтобъ не былъ въ ярость онъ врагамъ моимъ презрѣн-
нымъ;

Доспѣхи безъ убранствъ, знакъ горести моей,
Какими ихъ носилъ средь бранныхъ я полей,
Копье и щитъ простой и шлемъ неукрашенный
Повѣсьте, воины, на тѣ печальны стѣны.

(Щитоносцы вѣшаютъ его оружіе на пустыхъ мѣстахъ между другими трофеями).

Но надпись на щитѣ храните, о друзья!
Въ ней все, что славно мнѣ, и все, въ чемъ жизнь моя!
Она всегда въ бояхъ мнѣ мужество вдыхала,
Она вездѣ мою надежду составляла;
Священны въ ней слова; они — *Любовь и честь*. —
Пришедшимъ рыцарямъ вы объявите вѣсть,
Что воинъ чуждый имъ, но имя сокрывая,
Пришелъ въ сей градъ, служить въ ихъ воинствѣ пылая.
И славу ставить въ томъ, чтобъ имъ лишь подражать.

(Къ Альдамону)

Кто вождь ихъ?

АЛЬДАМОНЪ.

Третій годъ ужъ началъ истекать,
Какъ ревностный Аржиръ.

ТАНКРЕДЪ *(въ сторону)*.

Отецъ Аменаиды!

АЛЬДАМОНЪ.

Но долго рыцарь сей неправныя обиды
Отъ страшныхъ намъ доселе его враговъ сносилъ.
Власть должну наконецъ сенать ему вручилъ;
Здѣсь имя чтутъ его и честь и важность сана;
За старостью-жъ его избрали Орбассана.

ТАНКРЕДЪ.

Танкредова врага! злодѣя моего!
Другъ, что еще дошло до слуха твоего?
Скажи мнѣ, правда-ль то, что рыцарь сей надменный,
Незлобнаго отца прельстивши духъ смиренный,
Пріязни отъ него обѣтъ уже пріялъ?
Что и на дочь его взоръ дерзкій простиралъ,
Что даже смѣлъ уже мечтать о бракѣ съ нею?

АЛЬДАМОНЪ.

Вчера я пораженъ молвой противной сею;
Но, находясь всегда при укрѣпленьѣ томъ,
Гдѣ мною встрѣченъ ты при вшествіи твоємъ,
Отъ града удаленъ, я болѣе не знаю,
Что дѣлалось въ стѣнахъ, которыя презираю;
Онѣ ужасны мнѣ, ты въ нихъ гонимъ враждой.

ТАНКРЕДЪ.

О другъ, ввѣряюся тебѣ я всей душой!
Спѣши въ Аржировъ домъ, узри Аменаиду.
Скажи, что гражданинъ, невѣдомый по виду,
Усердьемъ движимый и къ чести дома ихъ

И къ имени ея, кто съ юныхъ дней своихъ
Ея почтенну мать, почтенный родъ ихъ знаетъ,
О тайномъ словѣ лишь молить ее дерзаетъ.

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Въ ихъ домѣ заслужилъ свободный я приѣмъ;
Всѣхъ видятъ съ радостью, всѣхъ уважаютъ въ немъ,
Которые къ тебѣ остались усердны.
Коль Небо помощь дастъ — мои успѣхи вѣрны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТАНКРЕДЪ.

Поможетъ мнѣ оно; симъ Небомъ сохраненъ,
Симъ Небомъ я къ стопамъ любезной приведенъ.
Вездѣ, всегда готовъ щитъ Неба непзмѣнной
Для чести истинной и для любви священной.
Подъ нимъ я протекалъ станъ Мавровыхъ полковъ;
Сей щитъ и здѣсь меня покроетъ отъ враговъ. —
Отъ воинствъ кесарскихъ, отъ Иллиріи дальней,
Къ любезной я спѣшилъ въ край родины печальной,
Неблагодарной мнѣ — но и въ судьбѣ сей злой,
Съ Аменаидою толико мнѣ драгой!
Порукой мнѣ была любовь Аменаиды,
Что сердце здѣсь мое не понесетъ обиды.
Пришелъ — другой готовъ здѣсь съ нею въ бракъ всту-
пить!

Ужель она сама могла мнѣ измѣнить?
И кто сей Орбассанъ? и кто сей дерзновенный?
Какой здѣсь и когда имъ подвигъ совершенный
Такъ возгордиль его, что требовать онъ смѣлъ
Награды — должной быть наградой славныхъ дѣлъ,
Заслуженной въ бояхъ и ранами и кровью,
И присужденной мнѣ хотя одной любовью?
Чтобы лишить ея, пусть врагъ мнѣ жизнь прерветъ;
Но вѣрность мнѣ она и въ самый гробъ снесетъ.
Не можетъ мой злодѣй господствовать надъ нею;
Душа ея во всемъ равна съ душой моею.
Аменаида! такъ, ты въ бѣдствіяхъ тверда,
Боязни, ужаса, невѣрности чужда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

ТАНКРЕДЪ.

Ты былъ, ты зрѣлъ ее, о другъ стократъ счастливый!
Ахъ, предводи меня, мой взоръ нетерпѣливый...

АЛЬДАМОНЪ

Не подходи, Танкредъ, къ ужаснымъ тѣмъ мѣстамъ!

ТАНКРЕДЪ.

Что слышу! по твоимъ что думать мнѣ словамъ?

АЛЬДАМОНЪ.

Что долженъ ты бѣжать отъ сихъ береговъ несчастныхъ.
Послѣ содѣланныхъ въ сей день злодѣйствъ ужасныхъ,
Здѣсь быть не возмогу — я, гражданинъ простой!

ТАНКРЕДЪ.

Какъ?

АЛЬДАМОНЪ.

Мужествомъ твоимъ служи странѣ иной:
Въ Царьградѣ честь тебя и слава ожидаетъ;
Но въ сихъ она мѣстахъ уже не обитаетъ.
Бѣги — сей градъ навѣкъ покрылъ позоръ и срамъ.

ТАНКРЕДЪ.

Я съ ужасомъ внемлю симъ нежданнымъ словамъ!
Что зрѣлъ, что слышалъ ты изъ устъ Аменаиды?

АЛЬДАМОНЪ.

Забудь, о рыцарь, ты смертельныя обиды;
Забудь...

ТАНКРЕДЪ.

Такъ Орбассанъ уже владѣетъ ей?
Гонитель злобный мой, отца ея злодѣй?

АЛЬДАМОНЪ.

Симъ утромъ отъ отца союзъ ихъ утвердился,
И пиръ погибельный въ стѣнахъ провозгласился...

ТАНКРЕДЪ.

И мнѣ весь ужасъ зрѣть предательства сего!

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Вся область древняго наслѣдства твоего
 Дана имъ въ брачный даръ. Соперникъ твой презрѣн-
 ный
 Похитилъ твой удѣлъ, отцами обрѣтенный.

ТА Н К Р Е Д Ъ.

Польстился подлый тѣмъ, что я въ ничто вмѣнялъ.
 Но, небо, и ея властителемъ онъ сталъ?
 Аменаида...

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Ахъ! свирѣлою судьбою
 Ударъ ужаснѣйшій свершенъ здѣсь надъ тобою.

ТА Н К Р Е Д Ъ.

Жестокій! перестань мнѣ душу раздирать,
 Умолкни... Нѣтъ, вѣщай.

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Чтобъ бракомъ сочетать
 Аржира дочь съ твоимъ гонителемъ вадменнымъ,
 Уже возжгли огонь предъ алтаремъ священнымъ;
 Но вдругъ открылося предательство ея.
 То мало, что душа обманута твоя;
 Невѣрной обоимъ нанесена вамъ рана.

ТА Н К Р Е Д Ъ.

О небо! для кого?

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Для чуждаго тирана,
 Для злобнаго врага свободныхъ нашихъ странъ,
 Для Соламира.

ТАНКРЕДЪ.

Какъ? невѣрный мусульманъ,
Сей Мавръ!.. о ней вздыхалъ въ Царьградѣ онъ, не-
счастный:

Но презрѣвъ ея былъ, но я любимъ былъ страстно.
Не будетъ отъ нея обѣтъ святой забыть;
Толь сердца чистаго порокъ не осквернить.
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

АЛЪДАМОНЪ.

И самъ я сомнѣвался;
Но страшный слухъ о семъ по стогнамъ всѣмъ раз-
дался.

ТАНКРЕДЪ.

Постой — я клевету и зависть самъ позналъ.
Ахъ! честный человекъ гдѣ оныхъ избѣгалъ?
Съ младенчества гонимъ, въ напастяхъ возрастая,
И съ мужествомъ однимъ скитаясь въ край изъ края,
Я зрѣлъ, какъ зависти вездѣ шипятъ уста;
Я зрѣлъ отъ юныхъ лѣтъ, что мрачна клевета
Равно въ республикахъ, какъ въ царствахъ обитаетъ,
И изъ нечистыхъ устъ ядъ черный извергаетъ. —
Аржиръ, терзаемый здѣсь кознями ея,
Страдалъ подобно мнѣ. Коль не ошибся я,
Сіе чудовище гнѣздится въ здѣшнемъ градѣ,
И лютыхъ змѣй своихъ растить въ томъ смертномъ
ядѣ,
Что въ плѣнныхъ имъ сердцахъ крамолы лишь родить.
Враждебны сомнища я знаю, что крушить:
Аменаида ихъ здѣсь терпитъ оскорбленья.
Хочу я зрѣть ее, вѣщать для убѣжденья...

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Остановись — сказать я долженъ обо всемъ:
Уже разлучена съ своимъ она отцомъ,
Уже въ цѣняхъ,...

ТАНКРЕДЪ.

Она! —

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

И можетъ быть, ты вскорѣ
Ее увидишь здѣсь въ ужаснѣйшемъ позорѣ.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаиду!

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Ахъ, коль здѣсь таковъ законъ,
Жестокъ, несправедливъ, безчеловѣченъ онъ.
Здѣсь рошутъ, плачутъ всѣ, но только плакать
смѣютъ.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаиду!... нѣтъ — повѣрь мнѣ, не успѣютъ;
Нѣтъ — варварство сіе не будетъ свершено!

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Уже судилище толпой окружено:
Чернь вопить на нее, преступной называя,
И къ виду грустному взоръ жадно устремляя,
Съ нетерпѣливостью и жалостью въ очахъ
Вокругъ темничныхъ стѣнъ волнуется въ толпахъ.
Черезъ мигъ предстанутъ здѣсь. —

ТАНКРЕДЪ.

Кто старецъ сей почтенный,
Который шествуетъ изъ храма толь смущенный?
И слуги грустные послѣдуютъ ему. —

АЛДАМОШЪ.

Несчастнѣйшій Аржиръ...

ТАНКРЕДЪ.

Поди, и никому
Не говори о мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ (выходитъ со стороны), Танкредъ (впередѣ), Альдамошъ
(вдали).

АРЖИРЪ.

О смерть, скончай мученье!

ТАНКРЕДЪ (послѣ молчанія).

Почтеннѣйшій Аржиръ!.. прости мнѣ дерзновенье:
Ты знаешь рыцарей, которыхъ грозный сонмъ
Внесъ въ области Луны Господень крестъ и громъ,
Чтобъ лавры заслужить среди священныхъ боевъ:
Ты зришь всѣхъ меньшаго изъ тѣхъ великихъ воевъ.
Пришелъ я, — но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдругъ мои съ твоими я солью.

АРЖИРЪ.

Одна твоя душа скорбѣть со мной дерзаетъ;
Здѣсь все меня бѣжить, или терзать желаетъ.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но съ кѣмъ я говорю?

ТАНКРЕДЪ.

Пришлецъ въ землѣ я сей,
Исполненный къ тебѣ и дружбой и почтеньемъ,
Трепещущій спросить, терзаемый сомнѣньемъ...
Несчастный, какъ и ты!.. Но для небесъ самихъ,
Еще ты разъ прости мнѣ дерзость словъ моихъ:
Какъ, правда-ль, дочь твоя...

АРЖИРЪ.

О правда безотраднѣ!..
Въ сей самый часъ ее постигнетъ казнь нещадна!

ТАНКРЕДЪ.

Она преступница?

АРЖИРЪ (*задыхаясь отъ рыданія*).

Она — мой вѣчный срамъ!

ТАНКРЕДЪ.

Какъ, дочь сія?.. Аржиръ, — по дальнимъ сторо-
намъ

Объ имени ея молвы я бывъ свидѣтель,
Считалъ, когда живетъ въ семъ мірѣ добродѣтель,
Аменаидина душа — есть храмъ ея.

Она преступница! правдива вѣсть сія?
О день, ужасный день!

А Р Ж И Р Ъ.

Что болѣ ужасаетъ,
Что гробъ отверзло мнѣ и духъ мой заставляетъ
Безъ утѣшенія въ могилу низходить,
Что дочь, въ злодѣйствѣхъ семъ, спокойной можетъ быть.—
Увы! въ защиту ей никто здѣсь не явился;
Со стономъ приговоръ на смерть ея свершился;
И не зря на обрядъ старинный въ сихъ странахъ,
Чтобъ защищать сей полъ въ торжественныхъ бояхъ,
Дочь злополучная въ сей мигъ на смерть исходитъ,
И рыцаря себѣ къ защитѣ не находитъ.
Вотъ что меня срамитъ, вотъ что меня гнететъ;
Все стонетъ, все молчитъ, никто не предстаетъ!

ТАНКРЕДЪ.

Предстанетъ, и страшишь ты, старецъ, сомнѣваться,

А Р Ж П Р Ъ.

Какой надеждою велишь ты мнѣ ласкаться?

ТАНКРЕДЪ.

Предстанетъ, — но не дочь твою чтобъ защитить:
Достоиную сего она не можетъ быть;
Но за святую честь отцовъ ея почтенныхъ,
За славу добрыхъ дѣлъ, тобою совершенныхъ.

АРЖИРЪ.

Ахъ! мой унылый духъ твой оживляетъ гласъ.
 Но кто же явится на поприще за насъ?
 Весь градъ сей въ ужасѣ, и кто меня спокоитъ?
 Кто руку помощи подать мнѣ удостоитъ?
 Не смѣю льститься тѣмъ... Кто станетъ въ битву?..

ТАНКРЕДЪ.

Я!

Я, говорю тебѣ; и коль рука моя
 Отъ праведныхъ небесъ въ бою благословится,
 Тогда въ признательность позволь мнѣ удалиться,
 Ни дочери твоей не бывъ передъ лицомъ,
 Ни открывая вамъ объ имени моемъ.

АРЖИРЪ.

Ахъ! Богъ тебя къ намъ велъ спасительной рукою.
 Хоть чуждъ веселія, убитый я тоскою,
 Но чувствую, что я отраднѣе дышу.
 Ахъ! можно ли мнѣ знать, прости, когда спрошу,
 Къ кому питаю я признательность, почтенье?
 Все кажется мнѣ твое высокое рожденье:
 Кого? кого въ тебѣ зрю?

ТАНКРЕДЪ.

Мстителя ты зришь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Орбассанъ, Аржиръ, Танкредъ, рыцари и бонны.

О Р Б А С С А Н Ъ .

Страна въ опасности. Аржиръ, ты такъ ли мнишь,
Чтобъ съ воинствомъ изъ стѣнъ мы завтра выхо-
дили?

Мы такъ рѣшили всѣ. — Тѣ, кои измѣнили,
Врагамъ перенесли прошедшій нашъ совѣтъ,
И Соламиръ на насъ полки свои ведетъ;
Мы сами встрѣтимъ ихъ. — Теперь, Аржиръ, скрѣ-
пися,

Или отъ зрѣлища ты лучше удалися,
Печальнаго для насъ, позорнаго странѣ.

А Р Ж И Р Ъ .

Довольно, Орбассанъ; теперь осталось мнѣ
Идти, и между васъ пасть мертвымъ среди боя.
(Указывая на Танкреда)

Туда сведутъ меня стопы сего героя;
И я хоть тѣмъ свой родъ отъ срама освобожу,
Что за отечество главу мою сложу.

О Р Б А С С А Н Ъ .

Такія чувствія души твоей достойны.
Разсѣй въ послѣдній разъ враговъ толпы нестройны.
Но, прежде удались, и стогнъ оставь ты сей;
Здѣсь уготовленъ видъ не для твоихъ очей.
Подходятъ...

АРЖИРЪ.

Боже мой!

ОРБАССАНЪ.

Отъ отческаго взора
Сокрой ты ужасы неснаго позора.
Меня здѣсь держать санъ, и долгъ жестокий мой
Велить мнѣ воздержать волненье черни злой.
Законами ни въ чемъ небрежность нетерпима;
Ихъ сила грозная должна быть мной хранима.
Тебя-жь, кого сей долгъ ужасный не тягчить,
Что держать здѣсь, и кто тебѣ смотрѣть велить,
Какъ кровь виновная законами прольется?
Идутъ — ты удались.

ТАНКРЕДЪ (*взявъ за руку Аржира*).

Нѣтъ, здѣсь онъ остается.

ОРБАССАНЪ (*осматривая его*).

Но ты — ты кто такой?

ТАНКРЕДЪ.

Твой врагъ и старцевъ другъ,
Отмститель можетъ быть, и тотъ, чьихъ здѣсь услугъ,
Равно какъ и твоихъ, отчизна ожидаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Аменаида, въ шпяхъ, окруженная стражею; рыцари
и народъ наполняютъ площадь.

АРЖИРЪ (Танкреду).-

Дай руку, рыцарь, мнѣ... мой духъ изнемогаетъ;
Сокрой меня отсель... Увы, вотъ дочь моя!

ТАНКРЕДЪ.

О недостойный видъ!

АМЕНАИДА.

Небесный Судія!

Ты все протекшее и будущее знаешь;
Одинъ ты справедливъ, ты въ помыслахъ читаешь;
Но мрачная толпа неправедныхъ людей
И судить и винить во слѣпотѣ очей. —

Граждане, рыцари, вы всѣ, чьей днесъ рукою
Кровавый приговоръ свершался надо мною,
Не къ оправданію предстала я предъ васъ:
Небесный Судія пускай разсудить насъ. —
Безбожнаго суда орудій сонмъ надменный,
Такъ, мной поруганъ ты и твой законъ презрѣнный;
Законъ сей былъ свирѣвъ, и нестерпимъ онъ сталъ;
Такъ, оскорбленъ отецъ, меня онъ угнеталъ;
Поруганъ Орбассанъ, и нагло и кичливо
Мечтавшій сердцемъ симъ владѣть несправедливо.
Народъ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, но выслушай, познай мою напасть:
Кто къ Богу на отвѣтъ безъ трепета стремится,

Тотъ людямъ истины сказать не уstraшитcя;
И ты, о мой отецъ! сей видя мой позоръ...

(Увидя Танкреда:)

Какъ могъ ты... Боже мой! когѣ встрѣчаетъ взоръ?
О Боже! — это онъ!.. *(Падаетъ безъ чувствъ).*

ТАНКРЕДЪ.

Ахъ! взоръ дерзнувъ простерши
Упрекомъ сражена!.. Пойдите, слуги смерти,
Пойдите, граждане, и отложите мeсть.
Защиту я беру, я оправдаю честь.
Сей дѣвы рыцарь я: отецъ ея почтенный,
И самъ равно, какъ дочь, ко смерти осужденный,
Въ покровъ невинности мой мечъ избрать почтилъ,
Чтобъ онъ въ моихъ рукахъ *судъ Божій* совершилъ.
Вотъ храбрыхъ рыцарей священнѣйшія права.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, суди, обрядъ намъ боевой.
О гордый Орбассанъ! — тебя зову на бой.
Ты знаменитъ, ты вождь, ты чтешься первый воинъ,
Такъ чести вызова, надѣюсь, ты достоинъ.
Иди предать свой духъ, или исторгнуть мой.
Смертельной битвы знакъ бросаю предъ тобой.
(Бросаетъ перчатку).
Осмѣлишься-ль поднять?

ОРБАССАНЪ.

Съ надменностью твоею
Не стоишь, чтобъ тебя почтилъ я честью сею.
(Даетъ знакъ шитоносцамъ, чтобы подняли перчатку).
Честь дѣлаю себѣ; и сердца гласъ внушивъ,
И старца власть, тебя избравшаго, почтивъ,

Въ единоборство я хочу вступить съ тобою,
И наказать тебя за дерзость удостою.
Кто ты? какой твой санъ и имя? Сей твой щитъ
Не много о твоей намъ славѣ говоритъ.

ТАНКРЕДЪ.

Его прославить я сегодня уповаю;
Объ имени-жъ моемъ — молчу, и такъ желаю;
Познаешь ты его съ оружіемъ въ рукахъ.
Пойдемъ.

ОРБАССАНЪ.

Да въ сей же мигъ на боевыхъ мѣстахъ
Ограду растворятъ. Аменаида болѣ
Не остается здѣсь подъ стражею дотолѣ,
Пока ничтожный сей не совершится бой.

(Съ Аменаиды снимаютъ оковы).

Друзья, мгновенно кругъ оставивъ боевой,
Иду, куда насъ Мавръ къ побѣдѣ призываетъ.
Честь поединщиковъ съ ихъ жизнью погибаетъ.
Одна прямая честь — отечеству служить.

ТАНКРЕДЪ.

Пойдемъ! — О рыцари, я смѣю возвѣстить,
Что принесетъ не онъ отечеству спасенье.

АРЖИРЪ *(уводя съ Фани Аменаиду)*

О Боже, призи ты на старцево моленье *)!

*) Слѣдующее за нимъ явленіе, никогда не играемое и на французскихъ театрахъ, въ переводѣ выпущено. Переводчикъ вообще осмѣлился опустить нѣкоторые стихи и сократить разговоры, которыми часто, какъ признали и французскіе критики, охлаждается ходъ сей трагедіи, писанной Вольтеромъ уже въ старости.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ, Лореданъ и рыцари.

Воинскій маршъ; передъ Танкредомъ несутъ его оружіе и доспѣхи Орбассана.

ЛОРЕДАНЪ.

Такъ, бой твой знаменитъ, но гибеленъ намъ былъ:
Избраннѣйшаго ты насъ рыцаря лишилъ,
Который къ родинѣ любовію былъ славенъ
И мужествомъ своимъ съ тобою только равенъ;
Позволишь ли теперь узнать твой родъ, твой санъ?

ТАНКРЕДЪ (*въ мрачной задумчивости*).

Его со смертію позналъ лишь Орбассанъ,
И тайну и мой гнѣвъ собралъ съ собой въ могилу.
Оставь въ безвѣстности судьбу мою унылу;
Коль я полезенъ вамъ, нѣтъ нужды знать, кто я.

ЛОРЕДАНЪ.

Да будетъ скрytoю отъ насъ судьба твоя;
 Но добродѣтели яви свои предъ нами
 Полезнымъ мужествомъ и славными дѣлами.
 Здѣсь вѣютъ знамена враждебной намъ луны;
 Ты защити права и вѣру сей страны.
 Надменный Соламиръ насъ вызываетъ къ бою:
 Героя насъ лишивъ, ты замѣни собою;
 Тебя ждетъ гордый Мавръ.

ТАНКРЕДЪ.

Даю я слово вамъ,
 Предъ воинствомъ идти во срьтенье врагамъ,
 И слово то сдержу. Срацнѣ вамъ ненавистный
 Стократно меньше вашъ, чѣмъ мой есть врагъ завист-
 ный,
 Непримирымый... но, кто-бъ ни былъ онъ такой,
 Иду я и готовъ вступить съ нимъ въ новый бой.

КАТАНЪ.

Ты многимъ насъ польстилъ, симъ мужествомъ пылая,
 И самъ ты жди всѣхъ жертвъ признательнаго края,
 Достойныхъ жди наградъ за мужество твое.

ТАНКРЕДЪ.

Здѣсь нѣтъ награды мнѣ; не требую ея,
 И вовсе не приму; для жертвы воздаянїй
 Здѣсь нѣтъ того, въ чемъ зрѣлъ я верхъ моихъ жела-
 нїй.—

Когда несчастнымъ я средь боя упаду,
 Ни славы, ни наградъ, ни жалости не жду;
 Я совершу мой долгъ; но тѣмъ однимъ ласкаюсь,
 Что съ Соламиромъ я на битвѣ повстрѣчаюсь.

ЛОРЕДАНЪ.

И въ томъ вся наша цѣль. Но время насъ зоветъ,
 И съ нимъ единственный всѣхъ нашихъ душъ предметъ,
 Побѣда. — Съ нами ты дѣлишь ее идущій,
 Всеобщей вѣстію познаешь часъ зовущій
 Въ поля, гдѣ встрѣтитъ насъ мечтаетъ вождь враговъ.
 Дружины всѣ кипятъ пролить невѣрныхъ кровь;
 Да будетъ чуждо всѣмъ намъ чувствіе другое.
 Умремъ, или спасемъ отечество драгое!

(Уходитъ).

ТАНКРЕДЪ.

Достойно, или нѣтъ отечество того,
 Но за него умру.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Альдамонъ *(въ сторону)*.

Не вѣдаютъ его
 Смертельной горести, въ душѣ имъ заключенной. —
(Къ Танкреду)
 Но ты, обидою и скорбью сокрушенный,

Исполнишь ли обрядъ, хранимый сей страной?
Явишься-ль въ торжествѣ ты взорамъ дѣвы той,
Которой честь и жизнь возвращена тобою:
Представишь ли ты ей побѣдною рукою
Кровавый рыцаря сраженнаго доспѣхъ?

ТАНКРЕДЪ.

Нѣтъ, не узрю ея.

АЛДАМОНЪ.

Какъ, предъ очами всѣхъ
Для ней ты въ подвигъ сталъ, гдѣ смерть тебѣ грозила,
И отъ нея бѣжишь?

ТАНКРЕДЪ.

Она то заслужила.

АЛДАМОНЪ.

Я вижу, сколь ея ты раздраженъ виной;
Но въ оправданіе ты далъ кровавый бой.

ТАНКРЕДЪ.

Все сдѣлалъ для нея, и мнѣ то сдѣлать должно.
Хоть вѣроломная, но зрѣть мнѣ не возможно,
Чтобъ въ гробъ она несла безчестіе свое.
Хоть меньше-бъ я любилъ, оставить ли ее?
Я долженъ былъ спасти, измѣны-жъ не прощаю.
Пускай живетъ она, и пусть я погибаю. —
Но нѣкогда о мнѣ восплачетъ и она,
О другъ, коего навѣки лишена,
Чье сердце вѣрное такъ жестоко терзала...

О! до чего она меня уничижала!
 И отъ нея ли могъ невѣрности я ждать?
 Ахъ! существо небесъ мечталъ я обожать;
 Считалъ, что самыхъ клятвъ и алтарей священныхъ
 Святѣе рѣчь одна изъ устъ ея смиренныхъ...

АЛЬДАМОНЪ.

Иль вѣроломствъ однихъ страна сія полна?
 Глава твоя въ позоръ была здѣсь предана;
 Закономъ здѣсь гонимъ, любовью оскорбленный,
 Оставь, Танкредъ, сей край, злодѣйствомъ отягченный.
 Иду съ тобой на брань, спѣшу навѣкъ отъ стѣнъ,
 Отъ сей обители злодѣйства и измѣнъ.

ТАНКРЕДЪ.

Что за волшебство въ ней и въ самомъ преступленьи
 Ту добродѣтель мнѣ живить въ воображеньи,
 Которой образъ въ ней, мечтающій я зрѣлъ!
 Ты, повелѣвшая, чтобъ я въ тотъ гробъ низшелъ,
 Въ которомъ безъ меня сама была-бъ ты зрима,
 О вѣроломная... но все еще любима!
 О ты, которою душа моя жила,
 Ахъ, еслибъ быть могло, ахъ, еслибъ ты была
 То, чѣмъ казалася очамъ моимъ прельщеннымъ...
 Нѣтъ — съ смертью призракъ сей лишь можетъ быть
 забвеннымъ:

Но должно вознестись надъ слабостію сей;
 Мнѣ должно... умереть, не думая о ней.

АЛЬДАМОНЪ.

Но менѣе она винилася тобою.

Неправдой, ты вѣщалъ, и мрачной клеветой
Наполнена земля...

ТАНКРЕДЪ.

Ахъ! узнано о всемъ;
Все обнаружено въ ужасномъ дѣлѣ семъ:
Она своей красой прельстила Соламира;
Сей Мавръ ея руки просилъ залогомъ мира.
Дерзнулъ ли-бъ онъискать, любви ея не зная?
Взаимность ихъ была. Вотще я, сердцу внявъ,
Сомнѣніе питалъ: и самъ ея родитель,
Нѣжнѣйшій сей отецъ... ея онъ обвинитель,
И дочь преступная винитъ себя сама:
Я зрѣлъ, я зрѣлъ слова ужаснаго письма;
„Будь повелителемъ надъ нашею страной,
Надъ Сиракузами и надъ моею душою.“
Мой жребій совершенъ!

АЛЬДАМОНЪ.

Но презрять пусть герой
Неблагодарную съ толь низкою душой.

ТАНКРЕДЪ.

И, къ ужасу, она гордится тѣмъ дерзаетъ!
Мнить, что славнѣйшаго героя избираетъ!
Ахъ, мысль сія одна мою всю душу рветъ!
Срадинъ презрительный Италію гнететъ;
И безразсудный полъ, душою легковѣрный,
Сей полъ, въ ихъ областяхъ до рабства угнетенный,
Почтенъ пораженъ, которое родитъ

Завоевателей властолюбивый видъ,
 Сердцами жертвуетъ тиранамъ ихъ гнетущимъ;
 А намъ, защитѣ ихъ, для ихъ любви живущимъ,
 У ногъ ихъ дышущимъ и гибнущимъ за нихъ,
 Измѣной платить намъ для варваровъ своихъ!
 Достанетъ гнѣва мнѣ въ обидѣ сей 'безмѣрной,
 Чтобъ проклинать мнѣ жизнь и скрыться отъ невѣрной!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Танкредъ, Альдамонъ и многіе рыцари.

КАТАНЪ.

Всѣ рыцари сошлись и время ихъ зоветъ.

ТАНКРЕДЪ.

Я здѣсь его терялъ; иду за вами вслѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же; Аменаида и Фани.

АМЕНАИДА (*прибѣгая стремительно*).

Къ ногамъ твоимъ паду, о ангелъ мой хранитель!
 (Танкредъ, отвергая лицо, поднимаетъ ее).

Не унижаюсь симъ; и скорбный мой родитель
Колѣна ногъ твоихъ идетъ со мной обнять.
Священный образъ твой почто отъ насъ скрывать?
Кто правое мое осудить нетерпѣнье?
Мной старецъ упрежденъ... Но сердца восхищенье
И чувства всѣ излить могу ли предъ тобой?
Страшусь тебя назвать... Но видъ печалень твой?
Могу ли зрѣть тебя, въ мѣстахъ сихъ безотрадныхъ,
Не посреди убійцъ, на кровь мою толь жадныхъ?
Не отвѣчаешь ты... трепещетъ грудь моя...
Не смѣю говорить... увы! что вижу я —
Ты отвращаешь взоръ... не внемлешь что вѣщаю.

ТАНКРЕДЪ (*прерывающимся голосомъ*).

Поди, утѣшь отца; его я почитаю.
Другой, важнѣйшій долгъ отсель меня зоветъ.
Передъ тобой, предъ нимъ исполнилъ я обѣтъ,
И награжденъ... другой мзды сердце не желаетъ:
Признательность безъ мѣръ намъ тягостна бываетъ.
Освобождаю я навѣки васъ отъ ней...
И ты... располагать властна судьбой своей.
Будь счастлива... а я, я смерть найти желаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

А м е н а п д а и Ф а н и.

А М Е Н А П Д А.

Жива ли я? на свѣтъ еще ли я взираю?
 То правда ли, что жизнь мнѣ небомъ отдана?
 И изъ могилы я ужель извлечена?
 О Фани, слышала-ль ты приговоръ мой грозный,
 Жестокій, яростный и болѣе поносный,
 Чѣмъ тотъ, которымъ я на казнь осуждена?

Ф А Н И.

И тѣмъ мнѣ и другимъ душа поражена.

А М Е Н А П Д А.

Танкредъ ли, небеса! здѣсь говорилъ со мною?
 Ты зрѣла хладность ту и гордость ту, съ какою
 Меня презрѣніемъ обременять онъ смѣлъ?
 О Фани! на меня онъ съ ужасомъ смотрѣлъ.
 Онъ спасъ мнѣ жизнь, чтобъ смерть лютѣй меня сра-
 зила!
 За что-жь, Танкредъ, и чѣмъ твой гнѣвъ я заслужила?

Ф А Н И.

Такъ, пламенный сей гнѣвъ сверкалъ въ его очахъ,
 И прерывалася рѣчь хладная въ устахъ;
 Онъ отвращалъ свой взоръ, но слезы сокрывая.

А М Е Н А И Д А.

Онъ бросилъ, онъ презрѣлъ, меня здѣсь посрамляя!
 Чѣмъ страшная сія гроза возбуждена?
 Чего онъ хочетъ? чѣмъ въ немъ ярость возжена?
 Къ кому ревнивымъ быть онъ можетъ во вселенной?...
 Я славлюсь, я горжусь Танкредомъ быть спасенной;
 Такъ, онъ одинъ мнѣ все, онъ богъ-хранитель мой;
 Онъ жизнь мнѣ возвращалъ, самъ жертвуя собой;
 Но я ту самую жизнь не за него-ль теряла? —

Ф А Н И.

Быть можетъ, онъ не зналъ; быть можетъ, увлекала
 Его всеобщая молва у насъ людей;
 Кто и не вѣрющій не покорится ей?
 Невольникъ, смерть его, несчастное посланье,
 Сей Мавръ, его любовь и дерзкое мечтанье,
 Все, самое тебя молчаніе винить,
 Которымъ отъ враговъ Танкредъ тобой сокрытъ.
 Чей взоръ сквозь мракъ сего покрова проникаетъ?
 Но предразсудокъ въ немъ наружность осуждаетъ.

А М Е Н А И Д А.

Онъ осуждалъ меня!

Ф А Н И.

Коль слабъ онъ до того,
 Вини любовь. —

А М Е Н А И Д А *(принявъ свою твердость и силу)*.

Ничто не извинитъ его,
 Хотя-бъ меня судилъ весь міръ сей ослѣпленный:

Великій человѣкъ, на судъ свой утвержденный,
 И міру-бъ цѣлому противостать посмѣлъ.
 Такъ онъ меня спасти отъ жалости хотѣлъ?
 О поруганіе!... тебя-ль я ожидала?
 Я, гибнувъ за него, съ отрадой умираю,
 И онъ осмѣлился меня подозрѣвать!
 Напрасно онъ всю жизнь прощенья будетъ ждать.
 Такъ, не забуду я услуги, имъ свершенной:
 Она начертана въ душѣ, имъ оскорбленной;
 Но если онъ не могъ моею любви цѣнить,
 Такъ самъ не можетъ онъ меня достоинъ быть.
 Увы! изъ всѣхъ обидъ, перенесенныхъ мною,
 Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Ф А Н И.

Но онъ еще не зналъ. —

А М Е Н А П Д А.

Меня онъ долженъ знать!
 Онъ сердце долженъ былъ такое почитать;
 Увѣренъ долженъ быть, что невозможно было,
 Чтобъ сердце вѣкъ мое обѣту измѣнило.
 Столь твердо и оно, какъ грудь его тверда,
 Возвышенно, какъ духъ высокъ его всегда;
 Но справедливѣе, чувствительнѣе болѣ. —
 Я отвергаюся въ моей ужасной долѣ
 Танкреда—и всего сообщества людей;
 Они коварны, злы, всѣ съ слабою душой,
 То обольстители, то жертвы обольщеній;
 И ждущая въ тоскѣ конца моихъ мученій,
 Танкреда, всѣхъ людей, весь свѣтъ забуду я!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аржиръ, Аменада и свѣта.

АРЖИРЪ *(поддерживаемый щитоносцами)*.

Престаньте обо мнѣ крушиться, о друзья,
И предводя меня на поприще вы боя,
Мнѣ дайте тамъ обнять почтеннаго героя.
(Увидѣвъ Аменаду).

Ахъ! кто, повѣдай мнѣ, твоихъ спаситель дней?

АМЕНАДА *(погруженная въ горестъ, склоненная
одною рукою на Фани и немного обра-
щенная къ отцу)*.

Кто нѣкогда любви достоинъ былъ моей,
Герой, моимъ отцомъ въ семь градъ угнетенный,
Врагами изгнанный, священныхъ правъ лишенный,
Единственный предметъ посланья моего,
Послѣдняя, славная вѣтвь рода своего,
Великій человѣкъ, увы! несправедливый;
И словомъ — онъ Танкредъ.

АРЖИРЪ.

Что слышу, несчастливый?

АМЕНАДА.

Что въ грустной я душѣ скрыть болѣ не могла,
И трепеща о немъ, тебѣ передала.

А Р Ж И Р Ъ.

Танкредъ!

А М Е Н А И Д А.

И кто другой мой былъ бы защититель?

А Р Ж И Р Ъ.

Танкредъ, котораго сенать нашъ былъ гонитель?

А М Е Н А И Д А.

Онъ самый.

А Р Ж И Р Ъ.

И для насъ что онъ въ сей день свершилъ!
Отчизны, правдъ, добра, всего лишень онъ былъ,
И самъ пришелъ за насъ онъ жертвовать собою!
Судьи несчастные, мы слабою рукою
Вѣсы и казни мечъ держа во слѣпотѣ,
Какъ легкомысленны и лживы мы въ судѣ!
Какъ гордой мудростью ведемся мы въ обманы!
Что сдѣлали мы съ нимъ, мы, злобные тираны?

А М Е Н А И Д А.

Родитель, на тебя скорбѣть могла-бъ и я..
Но столько чувствуетъ вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустная страшится.
Упрекомъ симъ одинъ Танкредъ обременится.

А Р Ж И Р Ъ.

Какъ! тотъ, кѣмъ я живу? твои яродлилъ кто дни?

А М Е Н А П Д А.

Уничжительны и тяжки мнѣ они!
 Надежда вся въ тебѣ: дай зрѣть ихъ перемѣну;
 Ахъ! оправдай мнѣ честь, тобою помраченну.
 Кто Орбассана свергъ, тотъ жизнь мнѣ только спасъ;
 Родитель, пусть меня твой оправдаетъ гласъ.

А Р Ж П Р Ъ.

Я долженъ и спѣшу...

А М Е Н А И Д А.

Я слѣдую съ тобою.

А Р Ж П Р Ъ.

Будь здѣсь ты.

А М Е Н А П Д А.

Мнѣ здѣсь быть? Нѣтъ, нѣтъ, иду я къ бою.
 Я зрѣла смерть вблизи, ужаснѣйшую смерть!
 На полѣ чести, вѣрь, ее отраднѣй зрѣть,
 Чѣмъ на воздвигнутой отцомъ позорной плахѣ.
 Не время, чтобъ меня ты отвергалъ во страхѣ:
 Несчастіе даетъ мнѣ право надъ тобой.
 Иль два раза меня отецъ покинетъ мой?

А Р Ж П Р Ъ.

Нѣтъ, болѣ надъ тобой я не имѣю власти;
 Я самовластіемъ привелъ тебя къ напасти.
 Но мысли страшныя питаешь въ сердцѣ ты;
 Не изступленья ли то пылкія мечты?

Не здѣсь, въ другихъ странахъ иныхъ обыкновеній,
Вашъ полъ, воспитанный безъ скорбныхъ принужденій,
Идетъ на брань, едва отъ воевъ отличенъ;
Но не позволить здѣсь обычай и законъ...

АМЕНАИДА.

Какой законъ! какой обычай сей презрѣнный!
Знай, что мой духъ теперь надъ ними вознесенный,
Въ сей день, день ужаса и въ сей неправды часъ,
Пріемлетъ за законъ одинъ сердечный гласъ.
Какъ? будетъ вашъ законъ для варварскихъ заклатій
Лишь исторгать дѣтей изъ отческихъ объятій?
Онъ будетъ позволять, народа при глазахъ,
Влачить здѣсь дочь твою въ поносѣйшихъ цѣпяхъ;
И не позволить онъ съ отцомъ идти мнѣ къ бою,
Чтобъ честь тамъ защищать мнѣ собственной рукою?
И полъ нашъ, смертію казнимый въ сихъ странахъ,
Быть можетъ только зримъ однихъ убійцъ въ толпахъ!
Тиранство наконецъ раждаетъ непокорство.
Трепещешь?... трепещи, когда твое потворство,
Здѣсь собственнымъ врагамъ желая угождать,
Тебя принудило на смертнаго возстать,
Который жизнь терялъ, чтобъ дать намъ оправданье.
Вотъ чѣмъ ты самъ привелъ меня въ непослушанье...

АРЖИРЪ.

Несчастливаго отца души не возмущай,
И правъ меня винить во зло не обращай.
Я чувствую вину; я самъ свой обвинитель;
Щади ты скорбь мою, и если твой родитель

Когда-либо въ тебѣ дочь нѣжную имѣлъ,
Позволь, чтобъ я одинъ погибъ отъ вражьихъ стрѣлъ.
Съ Танкредомъ, вѣрь ты мнѣ, врагъ вмѣстѣ насъ по-
вержетъ.

Къ свитѣ.

Храните вы ее.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Амелинда.

Здѣсь кто меня удержитъ?

О ты! который могъ вражду ко мнѣ питать,
Который, мстивъ меня, дерзаешь презирать,
Танкредъ! передъ тобой хочу я стать для бою,
Всѣ тучи стрѣлъ въ тебя хочу сдержать собою,
Принять удары ихъ... и спасти главу твою;
Хочу тебѣ явить признательность мою:
Мстить смертію моею твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнѣвъ твой и кичливость:
Въ твоихъ объятіяхъ духъ испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой;
И въ сердцѣ страстномъ мной, тебѣ на сокрушенье,
Неисцѣлимое оставить угрызенье,
Терзанія по гробъ, безъ утѣшенья въ нихъ,
Весь ядъ моею любви, весь ужасъ мукъ моихъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рыцари и ихъ щитоносцы съ обнаженными мечами; воины, несущіе трофеи; вдали народъ.

ЛОРЕДАНЪ.

Побѣдную вы пѣснь, граждане, воспѣвайте,
И Бога браней всѣ во храмахъ ублажайте;
Побѣда наша въ Немъ, и слава вся Ему!
Народъ, воздай хвалу поборнику сему:
Онъ стрѣлы сокрушилъ, разрушилъ Онъ тѣ ковы,
Что ставили на насъ мучители суровы,
Поработители свободныхъ областей.
На трупахъ ихъ, народъ, воздвигни свой трофей,
И мертву ярость ихъ поправши вновь стопами,
Сокровищемъ луны укрась Господни храмы.
Пускай Гишпанія, Италія въ цѣпяхъ,
Египетъ, Сирія, поверженные въ прахъ,
Узрять, что могъ народъ за вольность ополченной,
Противъ тирановъ сихъ, колеблющихъ вселенной. —
Аржира мы теперь утѣшить поспѣшимъ
И общей радостью печаль его смягчимъ.
О! если бы въ сей день, для Спракузъ блаженный,

Обрѣлъ спокойствіе отецъ сей огорченный! —
 Но гдѣ воптель тотъ, сей чуждый намъ герой,
 Который, говорятъ, рѣшилъ намъ славный бой?
 Онъ съ сонмомъ рыцарей во градъ не возвращался,
 Ужели торжествомъ онъ самъ не восхищался?
 Иль счелъ, что мы его завидуемъ дѣламъ?
 Довольно славны мы, и зависть чужда намъ.
 Иль Сиракузъ бѣжитъ, имъ жертвовавъ собою?

Къ Катану:

Катанъ, онъ долго велъ бой жаркій предъ тобою.
 Почто, желая намъ побѣдой ускорить,
 Всеобщей радости не хочетъ онъ дѣлить?

КАТАНЪ.

Склони вниманіе, узнаешь ты причину.
 Когда нашъ полкъ облегъ подъ Этною равнину,
 И по хребту горы проходы замыкалъ,
 Отъ васъ тогда вдали, близъ берега я стоялъ,
 Гдѣ врагъ выдерживалъ всю нашу крѣпость боя.
 Вдругъ рыцарь сей, я зрѣлъ, исторгнулся изъ строя.
 Его прерывный гласъ, свирѣпое чело
 Души отчаянье намъ ясно зрѣть дало.
 Онъ Соламира звалъ, вопль страшный испуская;
 Аржира дочери онъ имя повторяя,
 Невѣрной называлъ, и въ ярости своей,
 Я видѣлъ — слезы лилъ изъ пламенныхъ очей.
 На смерть кидался онъ, но невредимъ и страшенъ,
 Чѣмъ болѣ въ сѣчу шелъ, тѣмъ болѣ былъ ужасенъ.
 Предъ нами пало все, иль лучше — передъ нимъ.
 Я съ войскомъ къ вамъ спѣшилъ, побѣдой предводимъ;

Безчувственъ къ славѣ онъ, съ главою преклоненной,
Безмолвенъ, горестенъ и въ думы погруженной,
Вдругъ Альдамона, къ намъ спѣшившаго, зоветъ,
Объемлетъ, говоритъ и быстро въ даль идетъ,
Подобно, какъ въ бою на сѣчу онъ бросался.
„Такъ, навсегда!“ онъ рекъ. Смыслъ рѣчи оправдался:
Достойный памяти, великій рыцарь сей
Незнаемъ хочетъ быть средь нашихъ областей;
Но намъ не вѣдомы его печальны виды.
Въ сей мигъ услышавши я вопль Аменапды,
Узрѣлъ бѣгущую въ воинственныхъ толпахъ:
Трепещуща, блѣдна, съ отчаяньемъ въ очахъ,
Къ герою вои́я, стремится въ изступленьи.
Отецъ, за ней влачась и удержива въ стремленьи
Рыдающую дочь, рыдая, къ намъ ведетъ.
„Друзья, онъ возопилъ, герой сей — есть Танкредъ!
Герой, дивящій насъ, великій сей воитель,
Защитникъ Сиракузъ, Аменапды мститель,
Есть тотъ, кого въ сей день нашъ общій приговоръ
Измѣнникомъ назвалъ и предалъ на позоръ;
Есть тотъ, чье имя здѣсь закономъ поругалось.“
О другъ! что думать намъ, что дѣлать намъ осталось?

ЛОРЕДАНЪ.

Раскаяться, вотъ все, что остается намъ;
Не сознавать вины — злымъ свойственно сердцамъ.
Да устыдимся мы, героя угнетая.
Страдаетъ въ мірѣ семъ заслуга, честь прямая;
Но кто ихъ вѣдаетъ, тотъ долженъ ихъ почитать.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рыцари. Аржиръ и Аменаида, *вдали поддерживаемая
служительницами.*

АРЖИРЪ *(входя съ поспѣшностію).*

Имъ должно помощь дать, ихъ должно защитить:
Танкредъ въ опасности, усердемъ ослѣпленный;
Танкредъ одинъ напалъ на сонмъ враговъ спасенный,
Набѣгшій на него и въ битву ставшій съ нимъ.
О, горе старцу мнѣ съ безсиліемъ моимъ!
Вы, коихъ мужеству не уступаетъ сила,
Чьихъ старость пламенныхъ сердецъ не охладила,
Спѣшите всѣ, друзья, въ защитѣ сей главы,
Невинной дочери спасите друга вы.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Аржиръ и Аменаида.

АРЖИРЪ.

О дочь, для насъ лучи надежды возсіяли!
Утѣшу-ль я тебя, предавшуюся печали?

АМЕНАИДА.

Утѣшусь я тогда, какъ будетъ здѣсь Танкредъ;
Какъ страха моего несчастный сей предметъ

Предстанетъ и спасенъ, и справедливъ душою:
И скажешь ты, что онъ желаетъ предо мною
Раскаяньемъ стереть обиды мнѣ его.

АРЖИРЪ.

Ахъ! тягостны онѣ для сердца твоего.
Но дочь моя: Танкредъ, изъ нашихъ стѣнъ изгнанный,
Теперь отъ всѣхъ почтенъ, и славою вѣнчанный,
Онъ самую тебя сей славой озарилъ;
Онъ, зависть постыдя, торжественно открылъ,
Чрезмѣрностью услугъ, для насъ имъ совершенныхъ,
Чрезмѣрность клеветы враговъ его презрѣнныхъ.
Довольствуется чернь, одинъ свой долгъ сверша:
Герою малъ сей трудъ; геройская душа
Надъ упованьемъ всѣхъ возвыситься желаетъ:
Такъ, общую Танкредъ надежду превyšаетъ.
Онъ будетъ справедливъ, познавъ любовь твою.
Смягчился весь народъ, узря вину свою.
Танкредъ уже готовъ оставить подозрѣнье;
Чтобъ укротить его, разсѣять заблужденье—
Лишь нужно слово.

АМЕНАИДА.

Но не сказано его.

Ахъ! что обиды мнѣ народа твоего,
И легковѣрная любовь, и сожалѣнье,
И все его ко мнѣ ничтожное почтенье?
Во мнѣнїи одного мою я ставлю честь;
И знай, что дочь твоя смерть легче можетъ снести,
Чѣмъ мигъ прожить, его почтенїя лишася.

Признаюсь наконецъ и, можетъ быть, гордяся,
 Что въ защитителѣ — люблю супруга я.
 Обѣтъ нашъ приняла въ часъ смерти мать моя;
 Намъ руки трепетной рукой соединила
 И, закрывая взоръ, союзъ благословила.
 Ея мы тѣнию, тобою, мой отецъ,
 Передъ лицомъ Небесъ клялись въ любви сердецъ,
 Клялся, чтобъ тебѣ быть въ радость, въ утѣшенъе,
 У ногъ твоихъ принять на бракъ благословенъе. —
 Родитель.... эшафотъ намъ былъ здѣсь алтаремъ!
 И грустный мой женихъ, въ отчаяньи своемъ,
 Со смертію одной желаетъ сочетаться;
 А мнѣ однимъ стыдомъ осталось терзаться.
 Вотъ жребій мой!

АРЖИРЪ.

Разсѣй печальныя мечты:
 Мы болѣ обрѣтемъ, чѣмъ ожидаешь ты.

АМЕНАИДА.

Страшусь всего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и вѣстникъ.

ВѢСТНИКЪ.

Восторгъ народа раздѣляйте,
 И болѣ насъ сердца симъ чудомъ восхищайте:
 Танкредъ, одинъ Танкредъ побѣду совершилъ,

Одинъ разсыпалъ онъ остатокъ вражьихъ силъ,
И въ жертву славную и вольности и мира
Танкредъ своей рукой сразилъ и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но болѣ за твою обиженную честь. —
Уже гремитъ молва, всѣ стогны наполняя;
Восторженный народъ, героя окружая,
Своимъ защитникомъ, спасителемъ зоветъ,
О тронѣ говоритъ, котораго Танкредъ
За добродѣтели, за подвиги достоинъ.
Ему сопутствовалъ одинъ усердный воинъ,
Подъ властію твоей служившій, Альдамонъ.
Симъ ратникомъ однимъ герой былъ подкрѣпленъ,
Сей ратникъ раздѣлялъ съ нимъ подвигъ безпримѣрной.
Когда-жъ сонмъ рыцарей въ опасности чрезмѣрной
Съ оружіемъ въ рукахъ на помощь имъ предсталъ,
Танкредъ ужъ бой рѣшилъ, Танкредъ торжествовалъ.
Вы слышите-ль сей кликъ, его превозносящій?
Идите зрѣть народъ, во срѣтенье спѣшащій,
Чтобъ въ сонмахъ радостныхъ героя увѣнчать;
Иди зрѣть торжество и жертву воспринять,
Толь долго отъ него желанную тобою;
Все дышетъ счастьемъ и радостью одною,
Все мститъ за скорбь твою, весь градъ сей восхпщенъ;
Танкредъ твоей душѣ навѣки возвращенъ.

А М Е Н А И Д А.

Ахъ! оживаю я и познаю веселье.
Родитель, воздадимъ Творцу благодаренье!
Такъ неожиданно Онъ все мнѣ возвратилъ;
Такъ щедро насъ за всѣ страданья наградилъ!

Въ сей мигъ, въ сей только мигъ я жить лишь начинаю
 И сердца полного блаженство постигаю!
 Я все хочу забыть; простите плачъ въ мой,
 Упреки, тщетный страхъ, рожденные тоской;
 Граждане, рыцари, враждебные герою,
 Падите всѣ предъ нимъ, онъ пасть идетъ предъ мною.

А Р Ж П Р Ъ.

Благоволилъ Творецъ скончать нашъ плачъ и стонъ.
 Что вижу? къ намъ идетъ безстрашный Альдамонъ,
 Танкреда подвиговъ одинъ свидѣтель вѣрный;
 Вотъ онъ, вотъ воинъ тотъ, издавна мнѣ усердный,
 И наше счастье онъ вѣрно подтвердитъ.
 Но не отъ язвъ ли онъ едва стопы влачить?
 Ахъ, мраченъ видъ его, онъ скорби возвѣститель!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Альдамонъ.

А М Е Н А И Д А.

Скажи, о Альдамонъ, Танкредъ ли побѣдитель?

А Л Ъ Д А М О Н Ъ.

Онъ, безъ сомнѣнія.

А М Е Н А И Д А.

При кликахъ внятныхъ намъ,
 При пѣсняхъ радостныхъ идетъ онъ къ симъ мѣстамъ?

АЛЪДАМОНЪ.

Ахъ! пѣсней гласъ на вопль премѣнится плачевный.

АМЕНАИДА.

Что слышу я!

АЛЪДАМОНЪ.

Сей день, навѣки незабвенный
Увы! послѣдній день, въ который жилъ Танкредъ.

АМЕНАИДА.

Онъ мертвъ!

АЛЪДАМОНЪ.

Взираетъ онъ еще на дневный свѣтъ
Но отъ жестокихъ язвъ кончается съ мученьемъ.
Я къ вамъ предсталъ съ его ужаснымъ извѣщенъемъ,
Съ письмомъ симъ, кровію начертаннымъ его;
Въ немъ тайну онъ открылъ вамъ сердца своего.
Съ слезами тяжкое свершаю порученье.

АРЖИРЪ.

О день отчаянья! о Неба пораженъе!

АМЕНАИДА (*приходя въ себя*).

Подай мой приговоръ; предѣлъ моихъ онъ дней:
Пріятенъ онъ. — Танкредъ! о богъ судьбы моей!
Твой голосъ есть завѣтъ мнѣ слѣдовать съ тобою!
Подай письмо — и смерть!

АЛЪДАМОНЪ.

Услугой роковою,

Мнѣ толь ужасною, не оскорбися ты.

АМЕНАИДА.

О очи! зрите-ль вы кровавыя черты?
 Могу-ль?... въ послѣдній разъ мнѣ укрѣпиться должно.
Читаетъ:

„Мнѣ пережить твоей измѣны невозможно.
 На битвѣ гибну я, но умерщвленъ тобой;
 Тебѣ, жестокая, я жертвуя собой,
 Желалъ бы сохранить честь съ жизнію твоею“.
 Что, мой отецъ! *(Падаетъ на руки Фани).*

АРЖИРЪ.

Увы! всей яростью своею
 Неумолимый рокъ въ сей день насъ поразилъ!
 Теперь онъ всѣхъ надеждъ и страха насъ лишилъ;
 Ни ты уже, ни я стенать не можемъ болѣ.
 Но дочь безцѣнная! влачу я жизнь доколѣ,
 Пусть учить страшное раскаянье мое
 Отечество, весь свѣтъ, какъ имя чтить твое.

АМЕНАИДА.

Что мнѣ въ почтеніи, всѣхъ радостей лишенной?
 Что мнѣ въ отечествѣ и что во всей вселенной?
 Онъ умираетъ!

АРЖИРЪ.

Ахъ, терплю безмолвно я!

АМЕНАИДА.

И умираетъ онъ во гнѣвѣ на меня!
 Сему виновникъ ты... Но пусть хоть въ часъ онъ
 страшный...
 Что вижу я? моихъ убійцъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лореданъ, рыцари, свита, Аменаида, Аржпръ, Фани, Альдамонъ, Танкредъ (*вдали несомый воинами*).

ЛОРЕДАНЪ.

Аржпръ' несчастный!

Несчастнѣйшая дочь! Къ вамъ принесенъ съ полей,
Покрытый язвами, великій рыцарь сей.
Кипящей яростью водимый онъ средь боя,
Желалъ лишь умереть, но смертію героя. —
Его драгая кровь, струившаясь рѣкой,
Отъ язвъ сдержалася усердною рукой;
Великая душа, хотъ смертію томилась,
Аменаиду зрѣть еще остановилась;
Ее онъ называлъ, и каждый слезы лилъ;
Свое смущенье скрыть я не имѣю силъ.

(Между тѣмъ какъ онъ говоритъ. Танкреда медленно подносятъ къ Аменаидѣ, почти безчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро исторгается изъ рукъ ихъ, и съ ужасомъ обращается къ Лоредану).

АМЕНАИДА.

Оставьте, варвары, смущенья бесполезны!

(Подбѣгая къ Танкреду и бросаясь къ ногамъ его).

Танкредъ! о другъ души, жестокий и любезный!
Ты можешь ли твой слухъ въ послѣдній разъ склонить?
Ты можешь ли ко мнѣ взоръ темный обратитъ?
Взгляни, узнай меня и мой удѣлъ ужасной,
Хотъ въ гробъ мѣсто мнѣ, супругъ, дай несчастной!

Она завидуетъ единой чести сей;
 Безсмертный сей союзъ ты обѣщалъ для ней.
 Не будь немилосердъ, не будь врагомъ ты другу;
 Хоть взоромъ удостой невинную супругу...

(Онъ взгладываетъ на нее).

Ужель въ послѣдній разъ взглянулъ ты на нее?...
 Уже-ль совсѣмъ отвергъ и сердце ты мое?...
 Ты могъ подозрѣвать?...

ТАНКРЕДЪ *(немного поднимаясь)*..

Ахъ! ты мнѣ измѣнила.

АМЕНАИДА.

Кто! я? Танкредъ!

АРЖИРЪ *(бросившись къ ногамъ съ другой стороны и, обнявши Танкреда, потомъ вставая)*.

Ахъ, нѣтъ! она тебя любила,
 И за любовь къ тебѣ на казнь осуждена;
 За вѣрность лишь къ тебѣ страдала здѣсь она.
 Мы всѣ жестоки къ ней и предъ тобой виновны:
 Законы, рыцари и нашъ совѣтъ верховный, —
 Всѣ, всѣ преступны мы; невинна дочь моя;
 Вооружило насъ одно письмо ея;
 Письмо-жъ сіе къ тебѣ, къ любимому герою;
 А ты обмануть былъ, обмануть даже мною.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаида... какъ! такъ я любимъ тобой?

А М Е Н А И Д А.

Достойна-бъ я была позорной казни той,
Отъ коей здѣсь меня рука твоя спасала,
Когда-бъ я мигъ одинъ тебя не обожала,
Когда-бъ забыла я священный нашъ обѣтъ.

ТАНКРЕДЪ *(немного пришедши въ силы и возвыся
голосъ)*.

Любимъ я!... счастье, превысшее всѣхъ бѣдъ!
Теперь о жизни я скорблю — ее кончая;
Но смерть я заслужилъ, клеветникамъ внимая.
Ужасны дни мои... и ихъ свершенъ предѣлъ,
Какъ въ словѣ я твоемъ все счастье обрѣлъ.

А М Е Н А И Д А.

И слово то сказать я время обрѣтаю
Лишь въ мигъ сей роковой, когда тебя теряю!
Танкредъ!..

ТАНКРЕДЪ.

Оставь твой плачъ; — теперь спокоенъ я.
Но разстаюсь съ тобой; печальна смерть моя!
Я чувствую ее... Внемли, Аржиръ почтенной:
Вотъ сей драгой предметъ моей любви священной,
Вотъ жертва скорбная злодѣйской клеветы
И подозрѣній всѣхъ. — Соедини же ты
Съ кровавой сей рукой ея дрожащу руку;
Мнѣ дай отраднѣе снести смертельную муку;
Съ супруга именемъ мнѣ дай во гробъ сойти;
Будь мнѣ отцомъ.

А Р Ж И Р Ъ *(принимая ихъ руки)*.

О сынъ мой! да возможешь ты
Утѣшить жизнью насъ, супругою любимый...

ТАНКРЕДЪ.

Я жплъ, чтобы отмстить жену и край родимый;
И въ ихъ объятіяхъ умру достойнымъ ихъ,
Отъ нихъ любимъ... счастливъ въ желаніяхъ моихъ...
Аменаида... другъ!...

А М Е Н А И Д А *(быстро)*.

Танкредъ!

ТАНКРЕДЪ.

Прости... страшися
За мною слѣдовать... и жпть мнѣ поклянися.
(Упадаетъ).

КАТАНЪ.

Свершилось! — Плачутъ всѣ; но поздно онъ, увы!
Здѣсь узнанъ былъ.

А М Е Н А И Д А *(бросаясь на тѣло Танкреда)*.

Онъ мертвъ!... какъ! плачете и вы?
Вы, тигры, вы, его изгнавшіе со свѣта?..

(Встаетъ и идетъ изступленная)

Да тартаръ васъ пожретъ, васъ, всѣхъ убійць Танкреда,
И родину мою, и лютый нашъ законъ,
Который здѣсь съ мечемъ въ невинныхъ устремленъ!
Почто я не паду въ прахъ стѣнъ сихъ раздробленныхъ!

Межъ труповъ сихъ убійцъ, громами пораженныхъ!

(Бросается на тѣло Танкреда)

Танкредъ, Танкредъ!

(Встаетъ въ изступленіи)

Онъ мертвъ!... а зрю живыхъ я васъ?

Я слѣдую за нимъ... его я слышу гласъ...

Зоветь меня — зоветь къ обители онъ вѣчной. —

Я оставляю всѣхъ васъ мукѣ безконечной.

(Упадаетъ на руки Фанн).

А Р Ж П Р Ъ.

О дочь!

А М Е Н А И Д А *(въ изступленіи отвергая его).*

Остановись... Нѣтъ, ты мнѣ не отецъ;

Ты чувства не имѣлъ отеческихъ сердецъ:

Сообщникъ ты убійцъ... увы! что я вѣщаю?

Умру, тебя любивъ... Танкредъ! — я умираю.

(Упадаетъ близъ него).

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(1824 г.)

Мой другъ! себѣ не довѣрять,
Примѣта скромная питомца Музъ младаго.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ роднаго,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ испытать;
Парять, но по слѣдамъ отцовъ ширококрылыхъ, —
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Ввѣрялся ты младымъ еще крыламъ,
Но въ трудныхъ опытахъ не постыдилъ ихъ силы.
На что-жь ты одаренъ сей силой неземной?
Чтобъ смѣлое внушать другимъ лишь помышленье?
Чтобъ пѣть великихъ душъ побѣды надъ судьбой,
А первому блѣднѣть подъ первою грозой,
И дать въ пѣвцѣ узрѣть души его паденье?...
Мужайся, другъ! главы подъ громомъ не склоняй,
Ознаменованной печатію святою;
Воюй съ враждебною судьбою,

И гордымъ мужествомъ духъ юный возвышай:
Мужъ побѣждаетъ рокъ лишь твердою душою.

Гордись, пѣвецъ, высокъ пѣвцовъ удѣлъ!
Земная власть его не дастъ и не отниметъ.
Богатство, знатность, честь — могила ихъ предѣлъ;
Но дара Божія мракъ гроба не обниметъ.
Богачъ, склоняй чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
Онъ имя смертное твое увѣковѣчитъ,

И въ мракѣ гробовомъ
Онъ дань тебѣ потомства обезпечитъ. —
Что былъ бы гордый Меценатъ
Безъ пѣсней Флакка и Марона?
Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,
Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,
Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
Который весь свой темный вѣкъ
Подъ шалашомъ свое оплакиваетъ бѣдство,
Печальное отцовъ наслѣдство!
И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
Лежалъ бы подъ землей нѣмой,
Какъ смертный безыменный,
И вѣки долгіе забвенія считалъ,
Когда-бъ пророкъ Хіоса вдохновенный
Безсмертіемъ тебя не увѣнчалъ. —

Отъ Музъ и честь и слава земнороднымъ.
Гордись, питомецъ Музъ, удѣломъ превосходнымъ!
Но если геній твой,
Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ;
И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужь духомъ, славы жад-
нымъ,

Глядитъ на путь прекрасный свой,
Невольно унываетъ
И крылья опускаетъ.

Убийственнымъ сомнѣньемъ омраченъ —
Не тщетно ли вступилъ на путь опасный онъ?
Не тщетно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэта?

И молча ждетъ нелестиваго отвѣта....
Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой
Владыка лиры вдохновенной
Услышитъ судъ прямой,
И голосъ истины священной,
И не всегда его услышитъ отъ друзей:
Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ страстей;
Пристрастенъ, другъ, и я къ стихамъ друзей-поэтовъ;
Прощаю грѣшный стихъ за слово для души. —
Счастливъ, кто самъ, страстей своихъ въ тиши,
Пристрастѣ дружескихъ почувствуетъ совѣтовъ;
Самъ поэтическихъ судья грѣховъ своихъ,
Мараютъ часто онъ хваленый другомъ стихъ.

О! есть, мой другъ, и опытъ убѣждаетъ,
Есть внутренній у насъ,
Не всѣми слышимый, мгновенный, тихій гласъ:
Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ вѣрно одобряетъ!
Онъ совѣсть генія, таланта судія.
Счастливъ, кто голосъ сей безсловный понимаетъ;
Счастливъ Дмитріевъ: что у него друзья
Въ стихахъ превозносили,
То чувства строгія поэта осудили *).

*) И. И. Дмитріевъ многія цѣлыя пьесы уничтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихотвореній.

Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
Что наша совѣсть намъ есть лучший судія. —
Довѣренность къ друзьямъ, но не слѣпая вѣра.
Кто нашимъ слабостямъ изъ дружбы не ласкалъ?

А иногда — изъ видовъ, я слыхалъ.

„Быть можетъ, юноша трубой Гомера

„Въ Россіи загремитъ:

„Тогда и я съ потомствомъ отдаленнымъ
„Жить буду именемъ, для рѣшмы въ стихъ вмѣщеннымъ.
„Поклонникъ, другъ пѣвца, я буду-ль имъ забытъ!“
Вотъ для чего ничтожный Эполетовъ
Такъ набивается на дружество поэтовъ. —

Кто жаждетъ въ памяти людей
Оставить по себѣ слѣдъ бытія земнова,
Жизнь благородныхъ думъ и чувствъ души своей
Безсмертію предать могучимъ даромъ слова:

Не отъ ласкательныхъ друзей

Тотъ ожидай отвѣта:

Горитъ ли въ немъ священный огонь поэта;

Испытай себя

Не на толпѣ слѣпой народа —
Есть безпристрастнѣйшій поэтовъ судія,
Ихъ мать, ихъ первая наставница — Природа.

Предстань передъ лицо ея

Въ часъ солнцева торжественнаго взохода,
Когда умытая душистою росой
Является со всей роскошной красотой

Безсмертно-юная Природа;

Или въ тотъ часъ, когда и ночь и тишина

Лѣнивымъ сномъ смыкаетъ смертныхъ очи:

Природа, лишь подъ кровомъ ночи,

Какъ непорочная, прекрасная жена,
Любимцу тайныя красы разоблачаетъ.

Пусть геній твой Природу вопрошаетъ;
И если ты достойный неофитъ,

Она къ тебѣ заговоритъ

Своимъ простымъ, но черни непонятымъ,
Краснорѣчивѣйшимъ для сердца языкомъ;
И если въ сердцѣ онъ откликнется твоимъ
Глубокимъ трепетомъ, душѣ поэта внятнымъ;
И если по тебѣ внезапно пробѣжитъ

Священный холодъ изступленья,

И духъ твой закипитъ

Живою жаждой пѣснопѣнья, —

Рукою смѣлою коснися струнъ нѣмыхъ:

Онѣ огнемъ души зажгутся,

Заговорають, и отъ перстовъ твоихъ

Живыя пѣсни разольются.

ВЪ АЛЬБОМЪ ШИМАНОВСКОЙ

(СЛАВНОЙ МУЗЫКАНТШИ).

Какъ въ громѣ звонкихъ арфъ цѣвницы тихій стонъ,
И одинокой и унылой,
Какъ между гробовыхъ сіяющихъ колоннъ
Простая урна надъ могилой
Склоняютъ въ тихую задумчивость сердца:
Такъ неизвѣстнаго тебѣ пѣвца
Здѣсь, между пѣснями Камены вдохновенной,
Быть можетъ, взоръ твой привлечетъ,
И хоть задумчивость на сердце наведетъ
Сей стихъ уединенной.

А Н Е Т Ъ О.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Жила, была....

Но нѣтъ, пора прошла,
Какъ были вы Анеточкой-малюткой,
Какъ васъ я забавлялъ иль сказкою, иль шуткой.
Дни дѣтства протекли;

Вы расцвѣли;

Вы не Анеточка, вы барышня Анета:
Не сказкой, истиной пора вашъ умъ питать.

Внимайте-жь голосу питомца Музъ, поэта;

Онъ будетъ истину вѣщать:

Вы очень умная и милая Анета!

О, будьте ею навсегда!

Блистайте, какъ теперь, наслѣдственнымъ богатствомъ,
И сердца добротой, и разума пріятствомъ.

И если я когда,

Въ страны далекіа заброшенный судьбою,
Опять предстану вамъ, старикъ сѣдой, съ клюкою,
Пускай найду васъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ нахожу:
И гордостью семьи и радостію свѣта;
Пускай и старецъ я, увидѣвъ васъ, скажу:
Ахъ, здравствуй, умная и милая Анета!

Зачѣмъ въ часъ грустный разставанья,
Прости — другъ другу говорятъ?
Зачѣмъ какъ будто бы съ надеждою хотятъ
Проститься и навѣкъ? Не лучше-ль до свиданья
Другъ другу говорить?
И могутъ-ли врагами быть
Богъ кроткій разставаній
Задумчивый, крылатый Абеонъ
И братъ его, веселый Адеонъ,
Богъ радостныхъ свиданій?

Г Р А Ф У ***

КОТОРЫЙ, ВОСХИЩАЯСЯ ИГРОЮ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ
СЕМЕНОВОЙ, ГОВОРИЛЪ МНѢ, ЧТО САМЪ АПОЛЛОНЪ
УЧИТЬ ЕЕ.

Извѣстно, Графъ, что вамъ пріятель Аполлонъ.
Но если этотъ небожитель
(Знать, есть и у боговъ тщеславіе своё)
Шепнулъ вамъ, будто онъ
Семеновой учитель, —
Не вѣрьте, Графъ, ему, спросите у нее.

А М Б Р А.

Амбра, душистая амбра, сколькихъ ты и мухъ и червей
Предохраняешь отъ тлѣнья!
Амбра — поэзія: что безъ нея именитость людей?
Блескъ метеора, добыча забвенья!

Д У М А.

Кто на землѣ не вкушалъ жизни на лонѣ любви,
Тотъ бытія земнаго возвышенной цѣли не понялъ;
Тотъ предвкусить не успѣлъ сладостной жизни *другой*:
Онъ, какъ туманъ, при рожденіи гибнущій, умеръ, не
живши.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ СУВОРОВА.

Ты ищешь монумента?..
Суворовъ здѣсь лежитъ.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ КАНТЕМИРА:

Порочный, не смѣй подходить къ сей гробницѣ:
Твой бичъ, Кантемиръ здѣсь лежитъ.
Ты-жъ, добрый — къ могилѣ приткнись спокойно
И, если захочешь, усни.

НА СМЕРТЬ ***.

Цвѣла и блистала,
И радостью взоровъ была;
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной
Съ презрѣніемъ бросивъ покровъ свой земной,
Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной
Въ эфиръ унеслася крылатой душой!

КЪ ***

ТРЕБОВАВШЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА СОЧИНЕНІЙ БАТЮШКОВА.

Какъ? Вы хотите знать, что Граціи внушали
Любимцу Аонидъ?

Ужель онѣ вамъ сами не сказали?
Нѣтъ тайнъ между Харитъ.

КЪ А. А. О.

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ЕЮ ВЪ ПОДАРОКЪ КИТАЙСКАГО ВѢРА.

Китайскій вѣеръ милъ, но даръ, не нужный вамъ:
Иныя барышни къ былымъ ихъ красотамъ
Манятъ Зефировъ вѣерами;
Зефиры къ вамъ летятъ охотно сами,
Какъ пчелы на цвѣты:
Зефиры—слуги красоты.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МАТЕРИ, НА ГОЛОСЪ:

Боже, Царя храни!

Радость дѣтей, любовь,
Васъ къ выраженью — словъ
Мы не найдемъ!

Мы ихъ движенія,
Въ день восхищенія,
Съ гласомъ моленія
Къ Богу прольемъ:

Боже, услышь дѣтей!
Знаешь, о чемъ душой
Молятъ они:

Всѣми почтенную,
Намъ драгоцѣнную,
Мать несравненную,
Боже, храни!

ЭЛЕГИЯ.

Ou chantez vos malheurs, ou laissez vos chansons.

Ты, улаждавшая всегда мой томный духъ,
Сопутница моя, единственный мой другъ,
Съ тѣхъ поръ какъ съ другомъ я души моей разстался,
О арфа тихая! позволь, чтобы раздался
Унылый голосъ твой; печаль, тоску мою
Въ плачевныхъ звукахъ я изъ сердца излію;
Но тщетно слабою, трепещущей рукою
Въ ночномъ безмолвіи тебя, о арфа, строю:
Ахъ, пѣсни дщери суть спокойныхъ лишь сердецъ;
А твой, о Софія! страдающій пѣвецъ
Въ нѣмомъ отчаяньи тебя воспоминаетъ;
Коснется арфы онъ — и арфа лишь стонаетъ,
Унылый стонъ ея, отдавшійся въ груди,
Сугубитъ грусть мою — о Софія! приди...
Желанье тщетное и звуки словъ пустые,
Лѣса дремучіе и тѣ скалы крутыя
Кладутъ ужасную преграду для нея;
Преграды видитъ ли могущество твое,
Всесильная любовь? — пусть высятся главами
Тѣ горы до небесъ — почелъ бы ихъ холмами,
Черезъ горы, чрезъ лѣса я птицей бы летѣлъ,
Когда бъ, о рокъ, тебя въ рукъ моей имѣлъ!

Но ты несчастному преграду полагаешь,
И выше скалъ ее кремнистыхъ возвышаешь.

О Софія, мой другъ, я разлученъ съ тобой,
Въ пустыню занесенъ, какъ вихремъ листъ сухой,
Но пусть еще бы былъ за высшими горами,
Въ странахъ ужаснѣйшихъ, за синими морями, —
Тебя любить, мой другъ, всегда воспоминать,
Не въ силахъ отъ меня и рокъ сего отнять.
Подъ тягостной его десницею страдаю,
И изъ пустынь къ тебѣ мой голосъ простираю:
Услышь его — но ахъ! — къ тебѣ онъ не дойдетъ,
Вѣтръ разнесетъ его, въ пустынѣ онъ умретъ;
И ты не будешь знать, дышу ль еще я нынѣ,
Чернѣется ль моя могила на долинѣ? —
Увы! умру я здѣсь — умру въ чужой странѣ,
Никто не проліетъ одной слезы по мнѣ,
Ни къ гробу мрачному никѣмъ непровожденный,
И прежде гроба я — отъ всѣхъ уже забвенный
Засыплюсь хладною, незнаемой рукой,
И буду — страшна мысль — забвенъ я и тобой?
Но тѣнь, но тѣнь моя изъ гроба пусть востанетъ,
И въ полночь ясную предъ Софію предстанетъ,
Предстанетъ блѣдная, и вмѣсто скорбныхъ словъ,
Пусть стономъ жалостнымъ напомнимъ ей любовь;
Пусть скажетъ, что любви — и гробъ не охлаждаетъ,
И что она мой сонъ и въ гробѣ возмущаетъ!

О лучше бы погибъ средь яростныхъ морей,
Или бѣ растерзанъ былъ отъ лютыхъ я звѣрей,
Чѣмъ скорбь мнѣ тутъ дѣлать съ безмолвными стѣнами,
И говорить съ людьми — однѣми лишь слезами;
Увы! уже изсохъ источникъ слезъ во мнѣ:

Во отдаленной сей пустынной сторонѣ,
Стремился къ людямъ я съ сердечною тоскою;
Но люди — нѣтъ, и тигръ съ лютѣйшею душою
Не насмѣялся бы надъ горестью другихъ,
Но люди (мало зналъ сердца я тварей сихъ),
Они, о Софія, несчастнаго чуждались
И злобно надъ моимъ страданіемъ смѣялись;
Они безчувственны, холоднѣе кремня;
Но нѣтъ, кремень хотя не оттолкнетъ меня...
Я часто прибѣгалъ къ стихіяхъ разъяреннымъ,
Когда гремятъ онѣ по сводамъ раскаленнымъ.
Подъ громы, молніи я возношу главу,
Стеная съ бурями, смерть — смерть къ себѣ зову;
Но и стихіи здѣсь, какъ люди, несмягчими;
О боги! будете ль и вы неумолимы?
Вы долго ль будете нить скорбной жизни длить?
Престаньте горькій ядъ по каплѣ въ душу лить.
Съ подругою души на вѣки разлученный,
И жизнью — бременемъ неслоснымъ отягченный,
Я не живу теперь, но мучусь всякій часъ;
Услыште жъ, боги, вы страдальца скорбный гласъ:
Но гласъ несчастнаго до неба не доходитъ,
И удовольствіе все небо въ томъ находятъ,
Чтобы счастливыхъ жизнь внезапно прерывать,
Несчастливымъ же велѣтъ — томиться и страдать;
Томлюся—какъ цвѣтокъ среди пустынь отъ зною,
Неоживляемый холодною росою;
Засохшу голову склоняетъ онъ къ землѣ,
И зрятся желтыя былинки лишь однѣ,
Но отъ сего цвѣтка смерть взоры отвращаетъ,
И розу юную съ улыбкой подсѣкаетъ;

А я все жизнь влачу, скитаясь средь лѣсовъ,
И мнѣ сопутствуетъ одна печаль безъ словъ;
Тутъ я въ нѣмой тоскѣ вздыхаю наединѣ
И вздохи бѣднаго теряются въ пустынѣ;
Въ полночь, подъ дубомъ сѣвѣ, унылый голосъ мой
Сливаю — вдалекѣ съ шумящею волной,
И какъ волны сей шумъ помалу умираетъ,
Такъ и отъ слезъ моихъ гласъ арфы затихаетъ.
Стремлюся я тогда въ дубравну густоту,
Чтобъ мракъ ея занялъ сердечну пустоту,
Туда, гдѣ мутный токъ изъ урны черной льется,
И между утлыхъ пней въ безмолвіи влечется,
Гдѣ нарушается безмолвье — скрипомъ древъ,
Иль эхомъ, вторящимъ звѣрей пустынныхъ ревъ,
Иль гласомъ изрѣдка зловѣщихъ завываній,
Гдѣ ты — возродшаясь изъ слезъ и воздыханій,
Грызущая печаль скитаешься одна,
Неутѣшимая, безмолвна и блѣдна;
Сюда стремлюся я бесѣдовать съ тобою
И утѣшать себя, хотя одной мечтою;
Но самая мечта, воображенья дочь,
Надежды сладкой въ храмъ мнѣ заграждаетъ дверь,
И сердцу страстному лишь то напоминаетъ,
Что каждый бой его такъ сильно повторяетъ,
Что Софія — нигдѣ я не могу забыть,
Что не могу во вѣкъ любви къ ней побѣдить. —
Въ ужасной дебри сей — въ часъ тихой полуночи,
Когда мечтаю я, мои печальны очи
Зрятъ часто — какъ луна, раздравъ ночной покровъ,
Блится при краяхъ туманныхъ облаковъ,
И блѣдный, дружескій свой взоръ ко мнѣ кидаетъ,

Изсохшіе листы дубъ на меня стрясаетъ,
Я погружаюсь какъ будто въ мертвый сонъ,
Въ оцѣпенѣніи — но птицъ полночныхъ стонъ
И эти сладкія минуты похищаетъ,
И что я живъ еще, увы! напоминаетъ.
Я живъ, о Софія! еще я слишкомъ живъ,
Но не къ тому, мой другъ, чтобы, тебя забывъ,
Могъ успокоиться хотя одну минуту,
Забыть мою судьбу, съ тобой разлуку люту;
Нѣтъ, — кровь, въ которой огонь любви къ тебѣ течетъ
И сердце, что въ груди моей печально бьетъ,
Біеньемъ каждымъ мнѣ напомнитъ разлученье; —
Я живъ — я слишкомъ живъ — чтобы чувствовать мученье,
Любить такъ пламенно и ввѣкъ не ожидать
Тебя къ груди моей пылающей прижать? —
Ужасно! — но во мнѣ покуда сердце бьется,
Внемли, о Софія! любовникъ твой клянется:
Тобою чувствовать, тобой одной дышать,
Иного божества кромѣ тебя — не знать, —
Покуда излетитъ душа его уныла,
И охладѣетъ онъ какъ черная могила.
Когда жъ въ ничтожествѣ мой духъ не можетъ быть,
Когда опять я тамъ — за гробомъ буду жить,
Когда и самый гробъ не есть всему преграда?
Тамъ будешь ты мой рай — и вся моя награда. —
Прости, о Софія! гласъ стона моего,
Когда достигнетъ онъ до слуха твоего.
Ахъ! если грудь твоя испуститъ вздохъ сердечный,
Съ какимъ спокойствіемъ я погружусь въ сонъ вѣчный!
Когда же ты прольешь слезу при сихъ словахъ,
Хоть буду мертвымъ я — почувствуетъ мой прахъ.

А. С. ПУШКИНУ.

ПО ПРОЧТЕНИИ СКАЗКИ ЕГО О ЦАРЬ САЛТАНЪ И ПРОЧ.

Пушкинъ, Протей

Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣсно-
пѣній!

Уши закрой отъ похвалъ и сравненій

Добрыхъ друзей:

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!

Байрона геній, иль Гете, Шекспира,

Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:

Ты же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,

Пой намъ по-своему, Русскій Баянъ!

Небомъ роднымъ вдохновенный,

Вѣдь на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

КЪ П — ОЙ.

Когда-бъ всѣ тетушки на васъ похожи были,
Никто-бъ не захотѣлъ племянникомъ, ихъ быть:
Намъ, какъ племянникамъ ихъ должно бы любить;
А мы-бъ ихъ болѣе, чѣмъ тетушекъ, любили.

КЪ КУМЪ.

(ОДЕССА).

Не видѣвъ васъ,
Я кумомъ вашимъ быть охотно согласился;
Увидѣвъ васъ,
Задумался, раскаялся, сердился,
Зачѣмъ, не въ добрый часъ,
Рокъ обязалъ меня звать лишь кумою васъ,
И оставаться ввѣкъ (несносна эта дума!)
При скромныхъ лишь правахъ почтительнаго кума.

Б Ъ Д А.

Бѣда! какъ ни сойдусь я съ милою кумой,
То съ болью головы жестокой
Всегда приду домой.
Бѣда! отъ головы до сердца не далеко.

Н А С М Е Р Т Ь

ГРАФА АЛЕКСАНДРА С. СТРОГАНОВА.

Нѣтъ, рано, Строгановъ, разстался ты съ землей!
И если-бъ вѣкъ еще тебѣ жить Небо дало, —
Для Музъ, для добрыхъ дѣлъ, для счастья людей
Все прожилъ бы ты мало!

НА СМЕРТЬ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПАВЛ. СТРОГАНОВА,

УБИТАГО ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ КРАОНОМЪ ВО ФРАНЦІИ, ГДѢ ОТЕЦЪ ЕГО
КОМАНДОВАЛЪ.

Едва для жизни онъ расцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
И юношу отецъ отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы путь, въ *святую* брань *) повелъ.
Но, славѣ неземной отъ Неба обреченный,
Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ идутъ къ небесамъ, о юноша-герой!

*) 1812 года.

НА Д П И С Ъ

НА ГРОБЪ ПОЛКОВНИКА П. Ю. БЫКОВСКАГО,

СООРУЖЕННОМЪ ЕГО СУПРУГОЮ.

Изъ грозныхъ бравей бурь, съ погибели полей
Онъ вынесъ жизнь и честь, слуга отчизнѣ вѣрный;
И мирнаго, въ объятіяхъ друзей,
Сразила смерть его рукой немилосердной! —
Съ нимъ все и погребла... Но ты, о вѣра, будь
Оставшагося мнѣ хранитель упованья,
Что гробъ намъ краткій путь
Для неразлучнаго свиданья.

ЭПИГРАММА.

ПОМѢЩИКЪ БАЛАБАНЪ.

Благочестивый мужъ, Христу изъ угожденья,
Для нищихъ на селѣ построилъ домъ призрѣнья, —
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

КЪ КАЮЩЕЙСЯ ГРѢШНИЦѢ.

Когда-бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ
И такъ-же каялися мило, —
Отъ нихъ для петербургскихъ дамъ
Въ раю-бѣ тѣсненько было.
Я знаю, при дворѣ и вы не негрѣшны;
Я слышалъ, фрейлины васъ часто осуждаютъ,
Что слишкомъ милы вы, любезны и умны;
Но фрейлины однѣ (причину впрочемъ знаютъ)
Любезныхъ сихъ грѣховъ другъ дружкѣ не прощаютъ.
Не слушайтесь ихъ, скажу тихонько вамъ.
Грѣшите каждый день, не каясь іерею,
Веселостью ума, любезностью своею, —
И будьте, по своимъ плѣнительнымъ грѣхамъ,
Вы первой грѣшницей межъ петербургскихъ дамъ!

ПЁТЕРГОФЪ,

или

22 день юля 1803 года.

Гдѣ я? — Не въ области-ль чудесъ, очарованій?
Не храмъ ли се боговъ — не это ли Эдемъ,
Откуда льется вслѣхъ гармонія небесна?
Куда народы тѣ съ веселіемъ текутъ? —
Не пиръ ли общій здѣсь даютъ Олимпа боги?

Чудесный зрю чертогъ на пламенныхъ столпахъ,
Горящій — блещущій. — Я зрю — недоумѣю;
Составленъ, кажется, изъ камней онъ драгихъ,
Рубины о топазъ, а изумрудъ о яхонтъ
Лучи переломляя — вокругъ его горятъ
И яркою игрой мракъ ночи разсѣкаютъ.
Я съ сонмами людей къ чертогу подхожу,
Съ священнымъ трепетомъ во внутрь его вступаю,
И взоръ затмился мой: — во храмъ я боговъ!
Висящи тучи звѣздъ смѣялись тутъ надъ солнцемъ,
Кристаллы цвѣтные двоили блескъ сихъ звѣздъ;
Межъ мраморныхъ столповъ — изъ золотыхъ курильницъ
Клубами синими тутъ вился ароматъ

И легкимъ облакомъ по храму разстилался;
Пурпуръ и золото сіяли по странамъ,
Картины, статуи тутъ въ зеркалахъ смѣялись.
Съ благоговѣніемъ вельможи и народъ
Пришествія боговъ во храмъ сей ожидали. —
„Царица!“ голосъ рекъ — и молніи стрѣла
Не съ тою быстротой по тучи пролетаетъ,
Съ какою слово то по храму пронеслось,
Съ какою по челамъ всѣхъ радость разлилася;
Шептанье радостно прервалось — и вдругъ
Звучить музыки громъ — ярчѣй огни пылаютъ,
Дверь растворяется — и кто сія Жена? —
Какъ пальма высится — она такъ возвышенна,
Какъ полная луна — такъ важенъ взоръ ея,
Какъ майская заря — такъ тихъ онъ и прекрасенъ;
Какъ на престолѣ, зрю премудрость на челѣ,
А милость и любовь въ устахъ ея смѣются;
Великая душа — рисуется въ чертахъ.
Взглянула и — какъ лучъ свѣтила благотворна
Въ мигъ проливаетъ свѣтъ на горы, въ бездны всѣ,
Такъ взглядъ ея пролилъ въ сердца народа радость;
Ослабилась она — сердца въ восторгѣ всѣхъ,
Восторгъ пріятнѣйшій въ крови моей ліется!
Въ семъ ликѣ божества — Марію вижу я.
Такъ — ангела ея симъ днемъ для всѣхъ священнымъ
Восторгъ и торжество повсюду разлились,
Сей домъ, сія страна въ Эдемъ преобразились,
Поль-сѣвера стеклось ее благословлять.
Воззри, царица, ты воззри, Марія кротка,
На сонмы сихъ людей, что вокругъ тебя стоятъ;
На Бога какъ они, такъ на тебя взираютъ;

Читай на лицахъ ихъ сердечную любовь,
Вонми пріятному шептанію ихъ усть,
Сей музыкѣ сердецъ трепещущихъ въ весельѣ;
Они хотятъ излить его передъ Тобой;
Но полныя сердца безструнные суть лиры.

Восторгъ во мнѣ кипитъ—я жажду пѣть—кого?—
Народы стекшіесь, свой слухъ вы преклоните,
Утихни, водный шумъ, внимайте, вѣтры мнѣ —
Земное божество на лирѣ пѣть дерзаю!
Воздвигну памятникъ Маріинымъ дѣламъ,
Да роды будущи въ восторгѣ имъ дивятся,
И да поклонятся ей — такъ какъ божеству!

Но юный ли пѣвецъ на тихострунной лирѣ
Дерзнетъ воспѣть ее — дѣла ея хвалить?
Гдѣ сыщеть онъ слова, гдѣ сыщеть кисть чудесну,
Которою бѣ хоть тѣнь сихъ дѣлъ изобразилъ?
Нигдѣ! дѣла ея слова всѣ превосходятъ! —
Лишь стоитъ заглянуть въ ту длинну зданій цѣпь,
Туда—гдѣ съ кроткою улыбкою Марія
Природѣ брошенной внимаетъ, жизнь даетъ,
Гдѣ матери рукой стираетъ горьки слезы
У человѣчества страдающаго здѣсь. —
О поле славное для дѣлъ великихъ, славныхъ!
И тутъ—на полѣ семъ—тотъ памятникъ растетъ,
Дѣлами что она сама себѣ воздвигла:
Коса Сатурнова обѣ оной зазвенить,
Подобно звѣздамъ онъ, сквозь мракъ ночной блестя-
щимъ,
Подобно мѣсяцу — нѣтъ! солнцу ярко-лучну,
Сквозь всѣ ряды вѣковъ и въ вѣчность свѣтъ прольетъ!

А тамъ — готовъ вѣнецъ ея достойный — звѣздный,
Мнѣ Полигимнія указываетъ его.

Итакъ, безуменъ тотъ, кто бѣ дневному свѣтилу
Сіянья болѣе еще придать желалъ;
Я также бы ему подобенъ былъ, когда бы
Сіянія желалъ придать твоимъ дѣламъ
Своею тихою незнаемою лирою;
Благоговѣя лишь въ молчаньѣ предъ тобой,
Иду зрѣть радости, тобою пролитыя
И съ всѣми Россами благословлять тебя!

Не бриллиантныя ль повсюду зрю я горы?
Не радуги ль сюда спустилися сіять?
Иль звѣзды всѣ съ небесъ похитило искусство,
Чтобъ длинны, огненны тѣ цѣпи протянуть,
Чтобы составить тѣ горящія гирлянды?
Тѣ разноцвѣтные пылающіи огни
Не новымъ ли какимъ возжены Прометеемъ?
Космами яркими вѣется пламя ихъ,
Луна, луна отъ ихъ сіянія тускнѣетъ
И устыдившись за облако бѣжитъ.
Но — о Монархиня! Когда бѣ огней тѣхъ пламя
Сравнилось съ пламенемъ твоихъ всѣхъ алтарей,
Сравнилось съ пламенемъ сердецъ къ тебѣ народныхъ,
То солнце самое померкло бѣ передъ нимъ! —
Отъ блещущихъ картинъ, отъ сихъ огней чудесныхъ
Переношуся я въ страну другихъ чудесъ,
Гдѣ тьма — но каждое изъ нихъ прекрасно, ново,
Гдѣ все плѣняетъ взоръ и сердцу говоритъ,
Тамъ дышащая мѣдь, а тутъ водныя рѣки

Летятъ вверхъ — высятся — на воздухъ стоятъ,
 Вверху, внизу кипятъ, вокругъ ихъ пѣна скачетъ
 И влажна пыль летитъ, — отъ пыли кустъ дрожитъ,
 Въ пылинкѣ каждой сей лучи огней играютъ. —
 Поэты славные, гдѣ вы? — Смотри сюда —
 Смотри — какъ этотъ левъ, напрягши львины силы,
 Раздранной пастію Самсоновой рукой,
 Кидаетъ выше древъ серебряную рѣку;
 Шумитъ, кипитъ она — дождь огненный ліетъ.
 Взгляни — какъ изъ ноздрей сихъ дышащихъ дельфи-
 новъ

Дугами сыплется алмазъ, топазъ, рубинъ,
 И исчезаютъ какъ во мрачныхъ сихъ каналахъ;
 Тутъ воды какъ столпы, такъ какъ снопы растутъ,
 И съ шумомъ сѣютъ внизъ дождь мелкій — искрометный:
 Не такъ ли сѣются Маріинной рукой
 Щедроты, милости на сирыхъ и несчастныхъ?
 А тутъ смотри — вода, смѣшавшись съ огнемъ,
 Рѣкою огненной и скачетъ и вѣется,
 Иль флеръ серебряный по мрамору струитъ,
 Иль стелется холстомъ — о чудеса искусства!
 Поэты славные и живописцы всѣ,
 Придите вы сюда — падутъ изъ рукъ и кисти *).

Мой утомленный духъ, разсѣянный мой взоръ

*) Покрайней мѣрѣ сочинитель бросаетъ слабое перо свое предъ другими рядами фонтановъ, бассейновъ и прочими произведеніями искусства — этой правой руки природы, и описывать ихъ — предоставляетъ перу гораздо искуснѣйшему.

Montrez-moi mon vainqueur — et je cours l'embrasser.

Стремится въ густоту деревъ тѣхъ грозныхъ, мрачныхъ,
Сосредоточить тамъ желаетъ онъ себя.

Иду—земля предъ мной волнуется какъ море,
Долиной стелется, то высится холмомъ,
И дикая стезя въ сей мрачный лѣсъ приводитъ.
Глубока тишина, густая ночи тѣнь, —
Вотъ что вдругъ видитъ глазъ, вотъ что тутъ слы-
шитъ ухо!

Тутъ дубы древніе вокругъ стелютъ черный мракъ,
А сосны, лунный лучъ сквозь вѣтви пропуская,
Рисуютъ живо мнѣ сраженье свѣта съ тьмой;
Пробившійся тотъ лучъ на спхъ кустахъ трепещетъ,
По мшистымъ тѣмъ скаламъ, по углымъ пнямъ сколь-
зитъ —

И преломясь о нихъ — въ потокѣ семъ мелькаетъ,
Что между тѣхъ же пней, межъ мховъ висящихъ съ
скалъ,

Едва скитается — шепча уныло съ мхами;
Съ симъ шопотомъ, глухихъ волторновъ стонетъ гулъ,
Или слваются далеки трели флейты.

Всѣ чувства, вся душа моя потрясена,
Восхищена, и я — тутъ весь въ очарованьѣ.
Но кто бы, кто бы тутъ и не былъ потрясенъ?
Кого картины тѣ собой не очаруютъ?
Кто не заноситъ здѣсь отъ томныхъ сладкихъ чувствъ?
Тутъ надобно смягчать злодѣевъ и тирановъ. —
Послѣ торжественныхъ, блестящихъ видовъ тѣхъ,
Любуюсь я рукой разборчивой природы:
Какую важность симъ дубамъ она дала,
Какъ гордо вѣтви ихъ нестройны вверху несутся!
Какая трепетность въ топольихъ спхъ листахъ,

И тугость въ вѣтвяхъ тѣхъ иглистыхъ, статныхъ сосенъ,
Въ березахъ, липахъ сихъ, отъ корня до вершинъ,
Отъ вѣтви до листа — какая гибкость легка!
И какъ искусство тутъ съ величествомъ деревъ,
Съ природой дикою, пріятность сочетало:
Межъ важныхъ тѣхъ деревъ разсѣяло кусты.
Мой потрясенный духъ съ той зеленью смѣется;
Тамъ, въ углубленіи сей рощи — сквозь листы
Блеститъ какъ бы рѣка луною посребренна;
Иду — но все она мелькаетъ лишь въ очахъ,
Опять теряется за скатомъ, за кустами —
Вдругъ изумленный взоръ зрѣтъ море предъ собою.
О кисть Пуссенева, вотъ видъ, тебя достойный!
Пространству синему лишь небо есть предѣлъ,
И море съ высоты похитило, такъ мнится —
Воздушны горы всѣ и звѣзды и луну,
Украсить чтобъ себя, чтобъ ими осребриться.
Кто не восхитится — зря тамъ — за моремъ симъ —
Сквозь синево — кресты церквей и шпицы башенъ,
И вспомя, что было предъ симъ на мѣстѣ ихъ —
Рыбачьи хижины? О Петръ! и слезы льются —
Марія! — и тебѣ такая жъ будетъ дань;
Вдовицы, сироты, блаженныя тобою,
Ихъ льютъ и будутъ лить, а дѣти ихъ теперь,
Какъ имя матери — твое лепечутъ имя,
Навыкнувъ чувствовать — они ихъ будутъ лить.
Изъ дикой рощи сей алеею густою
Иду — и каждый шагъ мнѣ кажетъ новый видъ:
Тамъ — въ самой дальности алеи сей зеленой,
Зрю дубы, сосны какъ вѣнчаютъ замокъ тотъ,
А замокъ гору ту прекрасно какъ вѣнчаетъ;

По скату воды тамъ какъ сѣточки блестятъ;
Вокругъ меня древа въ извилистыхъ алеяхъ,
Въ подобьи кажутся тѣхъ древнихъ пирамидъ,
Шарами круглыми, то вазами стоятъ,
То важностью глаза, то простотой плѣняють;
Алея кончилась — и изумленный взоръ
Долины, холмики и рощи вмигъ встрѣчаетъ,
То гладкіе ковры, то цвѣтные топчу;
Тамъ въ купахъ дерева, а здѣсь стоятъ небрежно;
Искусство чудное, кто усомнится въ томъ,
Что правая рука природы — есть искусство?
Всѣ тѣ предметы, что съ намѣреньемъ оно
Разсѣяло вездѣ — случайно я встрѣчаю;
Высоки сосны тамъ несутся къ облакамъ,
А ивы, какъ бы сей ихъ важности страшая,
Вдали стоятъ — къ землѣ всѣ вѣтви опустивъ;
Но толстый дубъ одинъ — какъ рыцарь передъ войскомъ,
Стоитъ — предъ соснами величествомъ гордясь.
Оставь предметы тѣ, иди, сѣвши за мною,
Смотри въ ту сторону — смѣется роща тамъ.
Къ природной простотѣ (а что ея милѣе?)
Искусство, кажется, тутъ не щадило рукъ,
Чтобъ взоръ, чтобъ ухо и всѣ чувства чаровать.
Нельзя прекраснѣе холмамъ сямъ понижаться,
Нельзя прекраснѣе разсѣяться кустамъ;
И какъ кусты сіи холмы тѣ оттѣняють
Зеленой, палевой, пурпуровой чертой,
Смотри, какъ сей коверъ волнистый разостлался.
Между холмовъ, кустовъ по этому ковра
Струится синій ключъ — и чуть только струится,
Чтобъ далѣе цвѣтку журчать любовь свою.

А тамъ — въ тѣни деревъ, что, вѣтвями обнявшись,
Бесѣдки свѣтлыя иль своды темны вьютъ,
Иль раздѣлясь — вдали картины открываютъ, —
Въ ихъ самой густотѣ — снопомъ вода растетъ,
Шумитъ — и въ сладкое забвеніе погружаетъ.

Въ прелестномъ мѣстѣ семъ, въ раю — въ раю земномъ,
Марія юная, *Маріи* дочь прекрасна,
Супругу своему тутъ руку посвящала;
Любовь и вѣрность къ нимъ какъ двѣ сестры снизшли:
Любовь въ рукѣ своей четы сей ликъ держала;
Взирая на него — дивилася сама;
Тутъ вѣрность ликъ принявъ — его постановляетъ
На твердыхъ; золотыхъ — незыблемыхъ столпахъ!
Послѣ минуты сей я зрѣлъ, какъ въ семъ Эдемѣ,
Вслѣдъ за четою сей утѣхи потекли,
Какъ травы и цвѣты подъ ихъ стопы клонились,
Кустарники какъ тѣ сплетались веругъ ихъ,
Какъ деревья сіи вѣнки вили надъ ними,
И этотъ водометъ — что тамъ въ тѣни шумитъ —
Забылъ тогда шумѣть — стоялъ на нихъ взирая.

Аркадскіе лѣса, Равійскія мѣста,
Сады Италіи, Гельвеціи картины!
Я не завидую тому, кто видѣлъ васъ.
Взойду на этотъ холмъ — и глазъ мой ихъ увидитъ:
Тамъ множество алей различныхъ въ красотѣ,
Въ излучинахъ своихъ; тутъ холмы и долины
Въ цвѣтныхъ коврахъ, кустахъ; тамъ голыя скалы;
Тамъ дремлетъ черный лѣсъ — скитаются протоки,
Смѣется роща тутъ, тутъ ключъ серебро струитъ,

Тамъ воды высятся и скачутъ и катятся,
Тутъ море синее во всемъ пространствѣ зрю,
То межъ деревъ его едва лишь примѣчаю! —
Какая тьма богатствъ для кисти и пера!
Оттуда бубновъ громъ, отсюда стонъ волторновъ,
То трели слышу флейтъ сквозь водомета шумъ —
Какія чары тутъ для зрѣнія и слуха!

О, если бы я даръ поэзіи имѣлъ,
Тогда бы *Петергофъ* — въ картинѣ я представилъ,
Марію бы тогда я выше звѣздъ вознесъ!
Но гласъ мой столько слабъ — сколь велика *Марія*,
И даръ мой также малъ — какъ *Петергофъ* прекрасенъ.
Прости, Монархиня, прости, что я дерзнулъ,
Въ жару усердія, свою дрожащу лиру
Къ стопамъ твоимъ повергнуть.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

	Стр.
Къ моимъ стихамъ	1
Общежитіе	3
Красоты Оссіана или пѣсни въ Сельмѣ	8
Перуанецъ къ испанцу	24
Гласъ благодарности	29
На гробъ матери	34
Сонъ скупнаго	37
Романсъ	38
Скоротечность юности	40
Къ К. Н. Батюшкову	44
Семеновъ, при посылкѣ ей экземпляра трагедіи «Леаръ»	48
Задумчивость	51
Снитирь	54
Дружба. Къ Батюшкову	57
На смерть Даниловой	59
Къ Батюшкову, при подаркѣ ему бѣлой книги	61
Подражаніе Горацию	62
Дружба. Къ ***	63
Для розоваго павильона въ Павловскѣ	64
Отвѣтъ на посланіе гр. Д. И. Хвостова, напечатанное 1810 года	65
Сѣтованіе Ѳетиды на гробъ Ахиллеса	68
Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской	71
На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ	73
Соч. Гнѣдича. Т. I.	

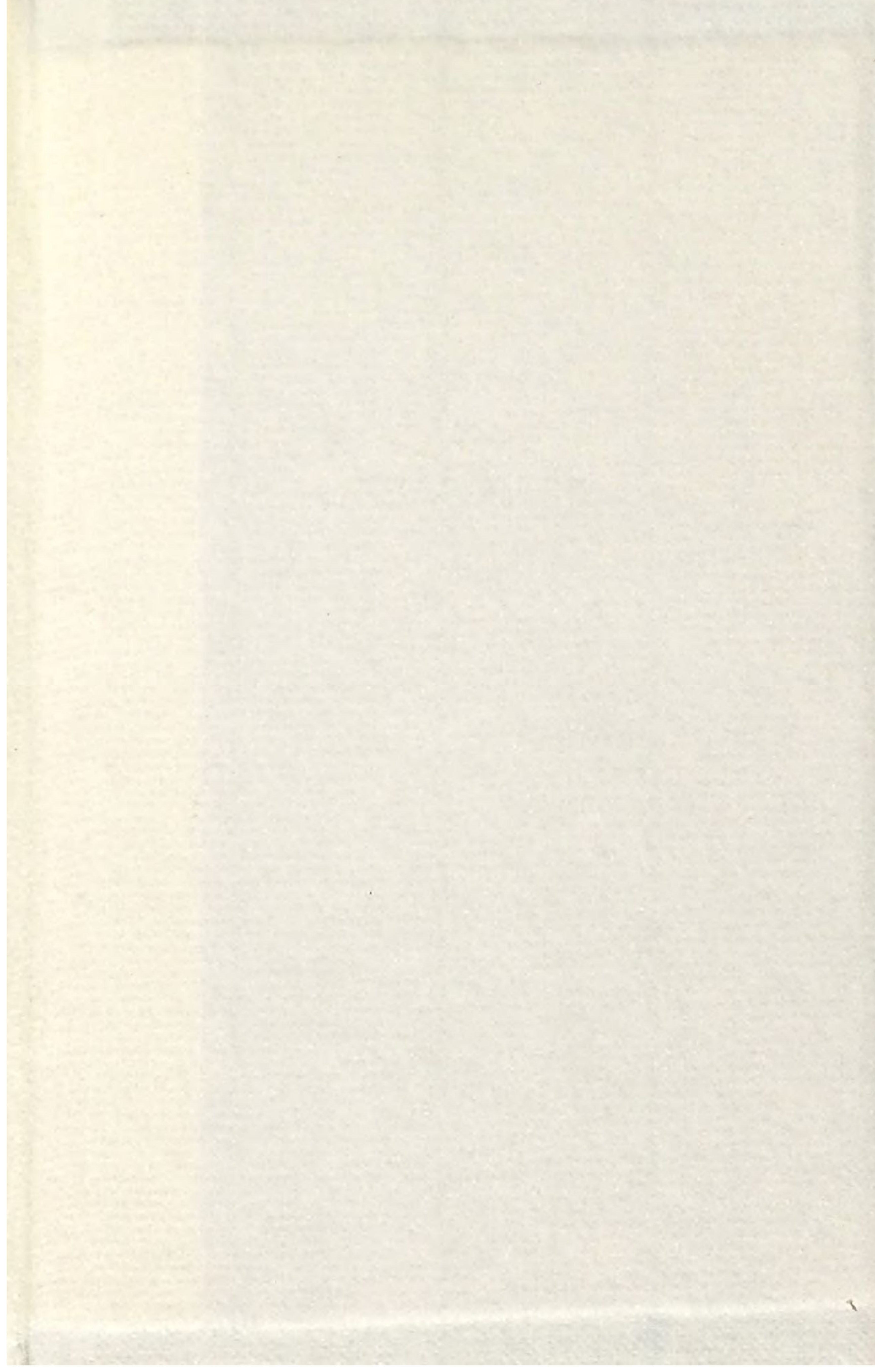
II

	<i>Стр.</i>
Рожденіе Гомера	75
Къ Морфею	97
Къ генералу Захаржевскому	99
Р. И. Сухозанетовой	100
Что значитъ «любить»	101
Перстень	103
Къ ***. Извиненіе	104
Къ Провидѣнію	105
Къ другу	108
Къ нему же	110
Осень	111
М. Ѳ. Кокошкной	113
Пріютно	114
Къ И. А. Крылову	120
Рыбаки	122
Приношеніе Екатерины Павловны, покойной королевы Виртембергской	137
Къ И. А. Крылову, приглашавшему меня ѣхать съ нимъ въ чужіе края	139
Иностранцамъ-гостямъ моимъ	141
На смерть одной и рожденіе другой дочери Г., случив- шіяся въ одинъ день	143
День моего рожденія	146
На смерть дочери покойной сестры	147
Чудо на Масляной недѣлѣ	149
Медвѣдь	151
А. А. О. (Въ альбомѣ)	153
Къ *** на полученіе турецкаго кошелька съ маленькою золотою монетою	155
На смерть барона А. А. Дельвига	156
Къ нему же, при погребеніи	157
Царь и медвѣдь	158
Дума	161
Кавказская быль	162
Ласточка	165
Послѣдняя пѣснь Оссіана	168
Мильтонъ, сѣтующій на свою слѣпоту	174

Та
Б
В
А
За
Гр
А
Ду
На
На
На
К
К

Гомеровъ гимнъ Минервѣ	177
Гомеровъ гимнъ Діанѣ	179
Гимнъ Венерѣ	181
Тавталъ и Сизифъ въ адѣ	183
Арфа Давида	185
Мелодія	187
Военный гимнъ грековъ	188
Тарентинская дѣва	190
Кузнечикъ	192
Сиракузянки или праздникъ Адониса	193
Простонародныя пѣсни грековъ:	
Введеніе	208
Пѣсни клефтическія:	
I. Олимпъ	240
II. Сонъ Дима	241
III и IV. Буковаллъ и Иванъ Стаѳа	242
V. Последнее прощаніе клефта	244
VI. Гробъ клефта	246
VII. Умиращій Іотъ	247
VIII. Пліаска	248
IX. Андрико	249
X. Кальядукъ	251
XI. Гифтакъ	252
XII. Скиллодимъ	253
Танкредъ, трагедія	257
Къ П. А. Плетневу, отвѣтъ на его посланіе	344
Въ альбомъ Шцмановской	349
Анетѣ О. Въ альбомъ	350
Зачѣмъ въ часъ грустный разставанья	351
Графу ***	—
Амбра	352
Дума	—
Надпись къ гробу Суворова	—
Надпись къ гробу Кантемира	353
На смерть ***	—
Къ ***	354
Къ А. А. О.	—

	<i>Стр.</i>
Молитва дѣтей	355
Элегія	356
А. С. Пушкину	361
Къ П — ой	362
Къ кумѣ	—
Бѣда	363
На смерть графа Александра С. Строганова	—
На смерть графа Александра Павл. Строганова	364
Надпись на гробѣ полковника П. Ю. Быковского	365
Эпиграмма. Помѣщикъ Балабанъ	366
Къ кающейся грѣшницѣ	—
Петергофъ	367

Gnediĉ, Nikolaj Ivanoviĉ,

Soĉinenija N. I. Gnědiĉa

Bd.: 1

1884

Z 40.394-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11892276-4